Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «МАЙКОПСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

ГОРШЕНЕВ Константин Константинович

РОССИЯ И КИТАЙ: ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР

24.00.01 – Теория и история культуры

ДИССЕРТАЦИЯ на соискание ученой степени кандидата культурологии

Научный руководитель Овсянникова Татьяна Анатольевна, доктор философских наук, профессор

Майкоп 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1	
Теоретические основы исследования	13
1.1 Понятия культуры и культурного взаимодействия	13
1.2 Основные концепции и подходы в понимании глобализации.	33
ГЛАВА 2	
Пути культурного развития России и Китая	66
2.1 Определяющие факторы культурных взаимодействий	
России	66
2.2 Определяющие факторы межкультурных взаимодействий современного Китая	92
ГЛАВА 3 Россия и Китай в глобальной динамике современного	
мира	112
3.1 Россия и Китай в пространстве глобализации: основные	
модели взаимодействия культур	111
3.2 Россия и Китай в пространстве глобализации: перспективы	
взаимодействия культур	139
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	156
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	161

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена возрастающей ролью культур России Китая В глобальных процессах межкультурного взаимодействия. Общемировая тенденция усиления ситуации неопределенности перспектив международных отношений, глобальной региональной безопасности, экологии среды обитания человечества и техногенного развития необходимость диктует культурологического осмысления цивилизации перспектив взаимодействия культур народов, объединенных двумя цивилизационными центрами. Потенциал культурного взаимодействия России и Китая способен оказывать значительное влияние на мировые процессы.

По мысли автора концепции локальных цивилизаций выдающегося британского историка и культуролога А. Тойнби, Россия и Китай образуют две самостоятельные цивилизации: российскую православно-христианскую, наследницу Византии, и дальневосточную, наследницу Древнего Китая В этой связи богатый исторический опыт культурного взаимодействия России и Китая может представлять собой альтернативу тиражируемой западными теоретиками модернизационной вестернизации.

половины ХХ в. С. Хантингтон, Американский политолог второй поддерживая неоинституциональный подход в прагматике реальной политики, выдвинул теорию этнокультурного разделения и агонального противостояния цивилизаций в борьбе за геополитическое господство. Обосновывая неминуемость столкновения западного мира с другими культурными локациями (африканской, исламской, латиноамериканской и православной), он утверждает, что в этой борьбе победит «сильнейший»². Безальтернативность западной модели цивилизационного развития, придерживаясь неомарксистких взглядов, отстаивает и американский философ японского происхождения Ф. Фукуяма, прогнозируя победу западно-либеральной системы ценностей³. В то же время в «Миропорядок-2018» интервью В. Соловьёву ДЛЯ фильма Президент Российской Федерации В. В. Путин в контексте раскрытия стратегии

 $^{^{1}}$ См.: Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. М., 2003. 592 с.

 $^{^{2}}$ См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. 603 с.

³ См.: Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2007. 588 с.

национальной безопасности задается вопросом: «А зачем нам такой мир, если там не будет России?»¹. Этот вопрос отражает не только ключевой концепт российского самосознания, национального но фундаментальный универсальный принцип сохранения культурной идентичности народов мира, вне зависимости от масштаба их влияния на глобальный миропорядок. В этом смысле в агональности, как одной из ведущих характеристик взаимодействия европейских культур, обнаруживается предел: конфликтное противостояние локальных цивилизаций оказывается за гранями культурного развития, усиливая риски взаимной девальвации систем ценностей. Не скрывает ли в этой связи исторический опыт российско-китайского культурного взаимодействия релевантные сложившейся ситуации конструктивные решения выхода из кризиса западной культуры?

Последовательно обосновывает непродуктивность и неприемлемость тиражирования западного теоретико-методологического опыта иных культурно-цивилизационных условиях (Китай, Индонезия, Южная Корея, Японии и др.) корейский теоретик, профессор Сеульского национального университета Т. Им². По его мнению, к примеру, культура административного управления Азиатско-Тихоокеанского региона настолько своеобразна, что утвердившийся терминологический тезаурус западной науки не в полной мере отражает специфику национальных систем хозяйствования и государственного устройства. В этом смысле западные теоретические представления о культуре региона граничат с совокупностью принципиальных заблуждений. Только через изучение культурных взаимодействий представляется возможным познание своеобразия культуры, случае Китая, иной В нашем глобального стратегического партнера современной России. Резонанс в мире на возвышение различный: восторженно панегирических сдержаннонастороженных оценок³. В этой связи серьезную научную необходимость

¹ Акопов П. «А зачем нам такой мир, если там не будет России?» — Путин сформулировал ключевую фразу русского самосознания — Взгляд. Текст: электронный // PravdaNews. 2018. 13 марта. URL: http://pravdanews.info/a-zachem-nam-takoy-mir-esli-tam-ne-budet-rossii--putin-sformuliroval-klyuchevuyu-frazurusskogo-samo.html (дата обращения 07.08.2019).

² Cm.: Im T. Public Organizations in Asia. L., 2016. 218 p.; Im T. The Two Sides of Korean Administrative Culture: Competitiveness or Collectivism? (Routledge Focus on Public Governance in Asia). L., 2019. 118 p.

³ См., напр.: Грэм Э. Китай против Америки. – Текст: электронный // Россия в глобальной политике. 2017. № 5. URL: http://globalaffairs.ru/number/Kitai-protiv-Ameriki-19119 (дата обращения: 02.10.2019); Скосырев В.

приобретает стремление обобщить информацию о культуре нашего преуспевающего соседа, опыт которого возможно будет ценен в плане его применения в российских реалиях.

Таким образом, тема исследования представляется актуальной как в теоретическом аспекте приращения культурологического знания, так и в практическом плане его применения в практиках межкультурных взаимодействий.

Степень научной разработанности проблематики. Работы по теме исследования можно распределить в три группы. Первая — исследования культурологического характера, среди которых наиболее значимы работы М. С. Кагана, В. М. Межуева, Э. С. Маркаряна, А. Я. Флиера и др. В этих работах дается оценка культуры как средства общения и межкультурной коммуникации, которая превращается в глобальной перспективе в средство культурного воздействия и взаимодействия. Фундаментальные исследования по вопросам соотношения культуры и цивилизации принадлежат В. С. Стёпину.

Спешиально надо остановиться на культурологических работах ростовской региональной школы, начало которой было положено Ю. А. Ждановым, В. Е. Давидовичем, М. К. Петровым. В работах М. К. Петрова определяются отличия русской культуры от культур европейских народов. К представителям этой школы культурологии сегодня относятся Г. В. Драч, О. М. Штомпель, Л. А. Штомпель, В. К. Королёв, Т. С. Паниотова и др.

Ряд работ специально посвящены культурным взаимодействиям и анализу духовной самобытности и культурной идентичности: С. Хантингтона, Э. Эриксона, Б. С. Ерасова, Г. А. Аванесовой, И. Г. Яковенко, В. И. Пантина, П. С. Гуревича и Э. М. Спировой и др.

Исследования по истории русской культуры, включая вопрос о ее месте в мировом цивилизационном процессе и межкультурном взаимодействии России с Востоком и Западом, принадлежат крупным русским мыслителям прошлого и

Китай создает новый мировой экономический порядок. – Текст: электронный // Независимая газета [Сайт]. 2017. 15 мая. URL: http://www.ng.ru/world/2017-05-15/1_6987_china.html (дата обращения 02.10.2018); Лосев А. Китай поднимает красное знамя глобализации. – Текст: электронный // Ведомости [Сайт]. 2017. 22 марта. URL: https://www.vedomosti.ru/economics/blogs/2017/03/22/682247-kitai-krasnoe-znamya-globalizatsii (дата обращения: 02.10.2019); Ли Хуэй. Китай играет ведущую роль в новой структуре глобального управления. – Текст: электронный // Международная жизнь. 2018. № 1. URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/1964 (дата обращения: 02.10.2019).

Нало отметить работы Н. А. Бердяева «O настоящего. культуре», Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», В. С. Соловьёва «Византизм и Россия», Милюкова «Очерки ПО истории русской культуры» Фундаментальные характеристики русской культуры принадлежат И. В. Кондакову, А. С. Ахиезеру, В. К. Кантору, А. С. Панарину. Особого работы С. Т. Махлиной внимания требуют посвященные проблемам культурного взаимодействия Запада и Востока.

Третья группа исследований – по культурной истории Китая и российскокитайским культурным взаимодействиям. Обращает себя на фундаментальная работа В. В. Малявина «Китайская цивилизация». Мир китайской культуры, науки и религии открывают исследования Л. С. Васильева, А. И. Кобзева, А. Е. Лукьянова, М. Л. Титаренко, С. Л. Тихвинского, Ю.В. Чудодеева и др. Особенности современного российско-китайского культурного дискурса всесторонне проанализированы работах Фундаментальные обобщения предприняты в О. А. Нестеровой. рамках междисциплинарных исследовательских проектов Института востоковедения РАН¹, Института мировой экономики и международных отношений РАН², Института Дальнего Востока РАН³.

Несмотря на пристальное внимание ученых к проблематике взаимодействия культур России и Китая, его потенциал в настоящее время нельзя считать исчерпывающе изученным. Особого внимания требует специфика культурного взаимодействия этих цивилизационных центров, раскрывающая альтернативные перспективы глобального развития.

Объект исследования — российско-китайские межкультурные отношения и взаимодействия.

Предмет исследования — перспективы российско-китайского межкультурного взаимодействия в контексте глобальных процессов.

¹ Синология.Ру: история и культура Китая. URL: http://www.synologia.ru (дата обращения 31.05.19).

 $^{^2}$ Китайская цивилизация в глобализирующемся мире: В 2-х тт. / ред. В. Г. Хорос; Л. С. Васильев, А. И. Кобзев, Л. И. Кондрашова и др. М., 2014.

³ Духовная культура Китая: энциклопедия: В 6-ти т. / гл. ред. М. Л. Титаренко. – М., Вост. лит-ра, 2006—2010; Основные направления и проблемы российского китаеведения / отв. ред. Н. Л. Мамаева. М., 2014.

Цель исследования – раскрыть перспективные направления развития российско-китайского межкультурного взаимодействия и его особенности в контексте глобализации.

Достижение цели исследования предполагает решение следующих задач:

- Определить специфику межкультурных взаимодействий И культурной коммуникации.
- 2. Применить методы культурологического анализа к исследованию проблем глобалистики и глобальной коммуникации.
- 3. Рассмотреть основные особенности социокультурного развития России.
- 4. Рассмотреть основные особенности социокультурного развития Китая.
- 5. Исследовать особенности российско-китайского основные межкультурного дискурса.
- 6. Выявить перспективные модели взаимодействия культур России и Китая в контексте глобальных процессов.

Методология и методы исследования. Методологической основой исследования выступают работы Ю. А. Жданова, В. Е. Давидовича, Э. С. Маркаряна, разрабатываемый ими «деятельностный подход» к пониманию культуры, в рамках которого культура определяется как специфический, присущий человеку способ жизнедеятельности. «Понять культуру можно лишь через понимание человеческой деятельности»¹, утверждают Ю. А. Жданов и В. Е. Давидович. В их, ставшей уже классической работе «Сущность культуры», замечание: «Человек выступает как важное содержится основа культурологической проблематики» ². Исходя из их позиций в процессе эволюции обществ неминуемо усиливается взаимопроникновение взаимообусловленность культур. В итоге можно говорить о мировой культурной системе сложной совокупности как различных программ жизнедеятельности³.

³ См.: Стёпин В. С. Культура // Новая философская энциклопедия. М., 2001. Т. II. С. 343.

 $^{^1}$ Жданов Ю. А., Двидович В. Е. Сущность культуры. Ростов н/Д, 2005. С.254. 2 Там же. С. 254.

В основе исследования лежит деятельностный подход, а также комплекс общенаучных (анализ, сравнение, абстрагирование, обобщение и др.) и конкретно-научных (сравнительно-исторический, культурно-исторический и структурно-функциональный анализ, теоретическое моделирование, типология и культурная атрибуция) методов. Предложенный А. Я. Флиером метод культурной атрибуции авторизован в качестве специального применительно к исследованию артефактов нематериальной культуры России и Китая.

Научная новизна исследования состоит в том, что:

- определена специфика межкультурных взаимодействий и культурной коммуникации;
- рассмотрены основные исследовательские подходы к
 взаимодействию культур в условиях глобализации и обосновано положение об основных историко-культурных факторах, определяющих предпосылки взаимодействия культур (отношение к природе, отношение к истории, тип личности);
- систематизированы определяющие факторы культурных взаимодействий России, вытекающие из особенностей её культурного развития;
- систематизированы определяющие факторы культурных
 взаимодействий Китая, вытекающие из особенностей его культурного развития;
- охарактеризованы особенности российско-китайского межкультурного дискурса посредством сравнения определяющих факторов культурного взаимодействия;
- обоснованы перспективы культурного взаимодействия России и
 Китая в глобальной динамике современного мира.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Культурные взаимодействия составляют обязательный элемент внешнего и внутреннего развития мировых культур. При этом необходимо различать внутренние (между элементами локальной культурной системы) и внешние (между представителями разных культур) формы культурных взаимодействий. Реконструкция связей и отношений, которые складываются

¹ Флиер А. Я. Культурная атрибуция как метод исследования // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 6. С. 24-30.

между культурами и их отдельными элементами в процессе обмена материальными и нематериальными результатами деятельности, включая идеи и ценностные установки, происходит посредством изменения образа жизни, привычек и нравов, влияния этих изменений на политическое и социально-экономическое развитие обществ. Культурные взаимодействия развиваются на базе «культурной совместимости» контактов и отношений.

- 2. Основные исследовательские подходы к анализу взаимодействия культур в условиях глобализации акцентируют внимание на агональности (состязательности и конкуренции) и диалогичности, взаимовлиянии культур и взаимообусловленности культурных различий. В том, что пересечение культурных влияний и взаимодействий происходит в пространстве культуры личности нет принципиальных методологических расхождений. Культура личности – цель и средство агональных и диалогических взаимодействий культур различных программ жизнедеятельности. Следовательно, как культурные взаимодействия могут рассматриваться с позиции их влияния на развитие личности, а проекты личностной культуры характеризовать пути культурного развития общества. Культурные взаимодействия предполагают сущностное единство культуры и личности как соотношения системы и ее элемента. Свобода личного самоопределения в сохранении и развитии традиций автохтонной культуры, как понимание путей и стратегий достижения успеха обществе, расширяет совокупность личности В маркеров развития взаимодействующих культур. Способы и цели проектирования отношения личности к среде (к природе и культуре) выступают универсальными критериями продуктивности культурного взаимодействия как во внутреннем, так и во внешнем аспектах
- 3. Среди формообразующих факторов культурных взаимодействий России можно выделить три: принятие православия и складывание традиционной культуры; реформы Петра I и изменение вектора культурного развития в сторону Запада; соотношение эволюции (реформ) и революции в культурном развитии России. Исходным и общим в реализации всех трех точек культурного роста (культурных бифуркаций) выступает географическое

пространство России, открытость территории Западу и Востоку, открытость к восприятию чужих идей и образа жизни и в то же время устойчивость чуждым влияниям и насильственным воздействиям, сакрализация государства и готовность его защищать. Идейным ядром российской культуры и её духовным стержнем остаётся православие.

- 4. Устойчивая территориальная организация, ирригационные сооружения все это объясняет централизацию и сакрализацию власти, и консолидацию общества в древнем и современном Китае. Развитие корневой культуры в Китае приводит к величайшим достижениям в технологиях, науке, искусстве (письменность, бумага, шёлк, порох, магнит и т.д.). Но это другой тип науки и рационализма, чем в Европе. Европейский тип модернизации и культурной трансформации оборачивается для Китая попытками Запада превратить его в собственную колонию. Культурное ядро древнего и современного Китая основано на идеях конфуцианства, применении его этических постулатов и эстетической модели мировосприятия в повседневной жизни граждан и правящих сообществ.
- 5. В качестве предпосылок культурного взаимодействия России и Китая выступает весь многовековой путь развития двух стран и народов, своеобразие исторического опыта государств, философии и науки. Основанием служат культурные практики общения и коммуникации, которые опираются на механизмы самосохранения культуры и осуществления коммуникаций. К ним относятся революция и эволюция (играющие разные роли в их культуре). Необходимо учитывать внутреннюю противоречивость феномена культурной революции, соединяющего в себе созидательное и разрушительное начало. Особая культурная роль принадлежит способности восстанавливаться после разрушительных социальных потрясений, высокая оценка традиций, принципов коллективизма и идей национальной государственности.
- 6. Современные научно-технологические, производственные и социокультурные траектории обновления России и Китая реализуются поразному и часто с различными амплитудными характеристиками, но они, несомненно, имеют яркие и рельефные достижения, которые могут дополнять

друг друга. Установка на динамичное развитие образовательных практик и научной исследовательской культуры, технологической инфраструктуры и индустрии знания, продемонстрированные Россией и Китаем, открывают новую страницу для культурных взаимодействий России и Китая в условиях технологического обновления, информационной революции и цифровых компьютерных технологий.

Теоретическая значимость исследования заключается в обосновании вопросов, связанных с анализом трансформации базовых культурных констант современных России и Китая в рамках глобального процесса обновления и включения в новое пространство коммуникации. Автором изучены особенности культуры России Китая как определяющие факторы культурного взаимодействия, установлены ИΧ внутренние И внешние формы, складывающиеся в процессе взаимообмена идеями, ценностями и установками, дана характеристика исторической модель российско-китайского взаимодействия и выявлены перспективные пути развития этого процесса.

Полученные теоретические результаты развивают и дополняют исследования трансформирующейся социокультурной реальности России и Китая, объединяя методологический потенциал социально-гуманитарных наук, что способствует пониманию глубинных социокультурных основ российско-китайского взаимодействия в контексте глобальных процессов.

Практическая значимость исследования. Материалы И выводы диссертационного исследования ΜΟΓΥΤ способствовать теоретическому обновлению знаний по наиболее важным для современных отношений России и Китая вопросам и применимы в непосредственной практике культурных взаимодействий двух стран на различных уровнях субъектности от личностного до межгосударственного. Результаты исследования могут быть использованы в качестве методологической базы в процессе осуществления педагогической, научно-методической, консультативной и экспертной деятельности, подготовки общих и специальных учебных курсов по истории и практике российскокитайского культурного взаимодействия.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Тема и содержание диссертации соответствуют научной специальности 24.00.01 — Теория и история культуры по отрасли культурология, в том числе пунктам: 1.3 Исторические аспекты теории культуры, мировоззренческие и ментальные аспекты теории культуры; 1.11 Взаимоотношение универсального и локального в культурном развитии; 1.12 Механизмы взаимодействия ценностей и норм в культуре; 1.13 Факторы развития культуры; 1.28 Культурные контакты и взаимодействие культур народов мира.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Степень достоверности работы обусловлена комплексным изучением проблем российско-китайского межкультурного взаимодействия в контексте глобализации.

По теме исследования опубликованы 11 научных работ. Основные результаты диссертационного исследования изложены в 6 статьях, опубликованных в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации и других публикациях.

Основные положения и выводы диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры философии, социологии и педагогики Майкопского государственного технологического университета, докладывались на научно-практических конференциях разных уровней, в том числе, XXXI Всероссийской научно-практической конференции «Образование – наука – (Майкоп, 4–8 декабря 2017 г.); Всероссийской технология» практической конференции аспирантов, докторантов и молодых ученых «Современные проблемы науки и общества» (Майкоп, 29 марта 2018 г.) и других.

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования и состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы. Общий объем диссертации 191 страницы. Список литературы включает 344 наименования.

Г.ЛАВА 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1 Понятия культуры и культурного взаимодействия

Для проведения анализа понятий «культура» И «культурное взаимодействие» воспользуемся определением, которое предлагает Г. А. Аванесова: «Взаимодействие культур – особый вид непосредственных отношений и связей, которые складываются между по меньшей мере двумя культурами, а также тех влияний, взаимных изменений, которые появляются в ходе этих отношений»¹. Культурные взаимодействия, понимаемые в первом, непосредственном смысле – взаимного воздействия, осуществляются в языковом, экономическом, политическом и т.д. пространстве взаимоотношения различных культур, и в этом смысле можно выделить как внешние культурные взаимодействия, так и внутрикультурные, развивающиеся между отдельными ее элементами. И в первом, и во втором случае можно говорить о различных формах и видах культурных взаимодействий как особого вида связях и отношениях, которые складываются между культурами или внутри нее в процессе взаимообмена культурными идеями, ценностями и установками. Такой взаимообмен влияет на изменение образа жизни, привычек и нравов контактирующих народов и может повлиять на их политическое и социальноэкономическое развитие. Но при всех обстоятельствах необходимо учитывать культурные особенности взаимодействующих сторон.

внутрикультурные, так И межкультурные взаимодействия осуществляются как освоение культурных образцов, присущих обществу (социализация аккультурация). Межкультурные (кросс-культурные) И взаимодействия различаются количественными показателями (распространяются на определенные группы людей) И качественно (воздействуют на «чужое» общество различными способами). Межкультурные

¹ Аванесова Г. А. Взаимодействие культур // Культурология. XX век: словарь. СПб., 1997. С. 70–73.

взаимодействия могут быть как нейтральными, когда культуры сосуществуют, не оказывая непосредственного воздействия друг на друга и альтернативными (контркультурными), когда культуры активно воздействуют друг на друга. Такие взаимодействия происходят обычно в процессе экономической и политической экспансии и нередко чреваты войнами и завоевательными походами, применением силы, в том числе и так называемой «мягкой силы». Задачей культурологической науки выступает обоснование определяющих факторов успешных, исключающих конфронтацию, культурных взаимодействий. Важно отметить, что при таком подходе возрастает теоретическое методологическое значение понятий И «культура», «цивилизация», «деятельность», «адаптация» И др. культурологических понятий, среди которых, по нашему мнению, основное внимание должно быть уделено понятию «культура».

Начнем понятия «культура». Хотя исследователи отмечают неоднозначность формулировок, обычно производят его от латинского cultura («возделывание» «воспитание», «образование», «формирование»). Понятие «культура» в наиболее принятом смысле включает в себя культурную повседневность, образ жизни, привычки, обычаи и нравы. В. С. Стёпин, определяя «систему исторически развивающихся культуру как надбиологических программ человеческой жизнедеятельности»¹, признает их понимание и толкование как универсальных сценариев социального поведения и коммуникации, отвечающих за сохранность и воспроизведение социальной жизни, задающих политическое и социально-экономическое развитие того или иного народа и потому влияющих на политическое и социально-экономическое развитие взаимодействующих культур. В Новое время происходит отождествление культуры и цивилизации, что было справедливым по отношению по отношению к техногенной Европейской культуре. Но процесс культурного развития строится прежде всего на основе взаимоотношений с природой и предполагает различия в природных условиях и образе жизни и выработки труда исторических народов, определенной парадигмы

¹ Стёпин В. С. Культура // Новая философская энциклопедия. М., 2001. Т. 2. С. 343.

взаимоотношениях человека с природой, всей системы ценностей, установок и традиций. Как справедливо отмечает В. М. Межуев, «...задачей науки является познание не «культуры вообще», а каждой из них в отдельности» ¹. Национальные культурные типы (Россия и Китай) демонстрируют, как мы увидим далее, единство миропонимания в отношении природе и ко всему сообществу, как трудовому коллективу и социальному образованию.

Заслуживает внимания «деятельностный подход» в понимании культуры, наиболее убедительный, по нашему мнению, в рамках которого культура специфический, определяется присущий человеку способ как жизнедеятельности. «Понять культуру ОНЖОМ через понимание ЛИШЬ деятельности» ² . Однако, человеческой сам термин «деятельность» полисемантичен. В книге Ю. А. Жданова и В. Е. Давидовича «Сущность культуры» содержится чрезвычайно важное замечание: «Человек выступает как основа всей культурологической проблематики»³. То есть надо учитывать специфики родовой понимание культуры как человека, как способа человеческого бытия. Специальная глава «Культура и натура» в названной книге продолжает методологические размышления авторов, которые проводят «деятельностного» и «технологического» сравнение аспектов культуры, общетеоретическом «Взятая широком отмечая: смысле категория культуры» ⁴ . Хотя культуру, «технология» помогает понять суть искусственную, созданную человеком среду принято противопоставлять природным явлениям, естественной, природной среде, авторы отмечают сложность, антиномичность взаимосвязи природного и культурного. В процессе общественной происходит взаимопроникновение эволюции ИХ И взаимообусловленность. Культура не исключает природных факторов ее развития. Характерный для взаимодействующих культур способ отношений к природе – первый фактор их взаимопонимания и сближения или отчуждения и взаимонепонимания.

 $^{^1}$ Межуев В. М. Идея культуры. М., 2006. С. 21. 2 Жданов Ю. А., Давидович В. Е. Сущность культуры. Ростов н/Д, 2005. С. 254.

³ Там же. С. 254

⁴ Там же. С.270.

Ю. А. Жданов и В. Е Давидович пишут о соотношении природы и культуры: «Культура есть нечто противоположное природному, естественному, возникшему и развивающемуся без участия человеческой деятельности. И в этом старые культурологи были правы. Возможности бытия культуры заданы естественно-природно. Возникновение культуры как над природным способом деятельности не исключает ее единства с природой и не снимает учета природных факторов в ее развитии. Даже на эмпирическом уровне можно констатировать то обстоятельство, что природное (в общих своих моментах как внешне-природная среда и как имманентно-природное в самом человеке) небезразлично для тех форм, в которые отливается и живет культура» 1. Деятельностная концепция культуры выдвигает на первый план разностороннюю характеристику человека, что позволяет сравнивать различные способы культурного бытия отдельных народов, находящихся в различных естественных природно-климатических условиях, их разнообразие установлений, обычаев, традиций и форм родства. В конкретной деятельности «родового субъекта» культурные навыки осваиваются, накапливаются, продуцируются и имеют возможность быть транслируемы следующим поколениям, функционирует и трансформируется под влиянием извне и изнутри. В культуре как пространстве деятельности родового субъекта находят место межкультурные взаимодействия.

В рамках деятельностного подхода культура может быть рассмотрена как своего рода регулятор взаимодействий общества с природой и другими сообществами, обеспечивающий устойчивое развитие этноса и нации, а взаимодействия с природой как первый фактор взаимодействия культур. С учетом деятельностного подхода речь может идти не только о результатах, но, прежде всего, о средствах и способах социального развития и культурного взаимодействия, своего рода «инструментах» культурного взаимодействия. Внутреннего – во взаимоотношениях с природой и обществом и внешнего – с другими культурами. В таком случае взаимодействия можно понимать широко – включая в них экономические и правовые отношения, искусство и воспитание т. д., и начиная с системы межкультурных коммуникаций. Культура определяет

¹ Жданов Ю. А., Давидович В. Е. Сущность культуры. Ростов н/Д, 2005. С. 292.

сущностные отношения человека с природой и обществом, развивающиеся на протяжении веков и жизни многих поколений. В деятельности родового культура осваивается И передается следующим поколениям, функционирует и трансформируется под влиянием извне и изнутри. В культуре как пространстве деятельности родового субъекта находят место межкультурные взаимодействия.

С учетом деятельностного подхода речь может идти не только о результатах, но и о средствах и способах культурного взаимодействия. При этом культурные взаимодействия иногда понимают весьма широко – включая в них экономические и правовые отношения, искусство и воспитание т. д. Действительно, культура содержит в себе многообразный и всеохватывающий набор принципов, правил и установок, которые создают основу для практики взаимодействия во всех обозначенных сферах жизнедеятельности общества. М. С. Каган отмечал: «Отношения общества и культуры являются их взаимной потребностью друг в друге, их всесторонним взаимодействием» . При этом надо учитывать, что культура – это не только «продукт» деятельности общества, но и его предпосылка, а общество – это «субъект этой деятельности». Если исходить из этого взгляда на культуру – то она будет выступать средой, производной от общества, в то время как общество выступает первичным субъектом деятельности. Общество как система представляет собой определенные способы воздействия на индивида и включает особенные отношения и институты. «Между тем культура как внеприродная, сверх биологическая сила имеет в своей основе именно сознательные действия, что и отличает радикальнейшим образом человека от животного. Поэтому мера сознательности – не только в индивидуальном поведении, решающем задачи личностного масштаба, но и в действиях руководителей государств, политических партий, вождей масс, как и в поведении самих масс – есть показатель уровня культуры»². Культура в этом случае рассматривается аксиологически – как высшее достижение общества в областях, которые аккумулируются и передаются каждому последующему поколению.

 $^{^1}$ Каган М. С. Философия культуры. СПб., 1996. С. 96. 2 Там же. С. 97.

По-иному рассматривает вопросы соотношения культуры и общества Э. С. Маркарян. Он отвергает ценностные установки в характеристике разного типа культур, что ставило бы их в неравные условия при научном исследовании осуществленных ими культурных взаимоотношений. Позиция «культураобщество» рассматривается им диаметрально противоположно: общество оказывается производным от культуры. Культура задает конкретноисторические способы деятельности человека, при помощи которых формируется устойчивый характер и специфика общественных отношений. Аксиологические ориентации в культурологи, когда культура понимается как система норм, ценностей и правил, сужают ее предмет исследования. «Методологически эффективное определение культуры, составляющее основу социальной теории о ней, должно в качестве исходной предпосылки исследования давать возможность каждому использующему данное понятие без каких либо усилий, по общезначимым признакам отделять объекты культуры от объектов, не относящихся к этому классу явлений» 1 .

Культура, как отмечают многие исследователи, замкнута на себя, этническим своеобразием отмечена деятельность человеческих сообществ. Люди всегда были склонны сравнивать все культуры со своей, которую считали самой передовой. Такого «замкнутость» рода культуры рассматривать ее не только как социальную систему, но прежде всего, как культурную целостность, набор типов деятельности, культурных стереотипов – регуляторов поведения. Для обоснования выдвинутого положения можно обратиться к вопросу о специфике адаптивной деятельности людей, которая и передается у Э. С. Маркаряна словом «культура». «Но на первый взгляд может показаться, что указанное свойство человеческого общества вовсе не является уникальным, ибо известно, что некоторым видам животных так же присуща способность к активно-преобразующему, адаптирующему воздействию на Ho адатптирующая, преобразующая деятельность людей принципиально отличается от жизнедеятельности животных. «Первоначально "адаптивно-адаптирующей человеческое общество МЫ назвали просто

 $^{^{1}}$ Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука. М., 1983. С. 85. 2 Там же. С. 145.

системой". Затем в процессе дальнейших исследований мы пришли к выводу о необходимости специально указать на универсальный характер человеческой адаптивно-адаптирующей деятельности. Вместе с тем важно иметь в виду ограничителей объективных постоянно действующих наличие преобразовательных потенций, присущих культуре» 1. Последнее замечание указывает на различия в самих основаниях культур ка универсальных адаптивных систем, которые не могут не сказаться на взаимодействиях культур.

Поскольку культура адаптивна к природе как целостная система, то создается целая система жизнедеятельности – обработки земли, приготовления пищи, построения жилищ. Посредством разума человека, преследующего свои цели, и просыпающейся в человеке веры формируется весь комплекс культурных регулятивов. Кроме того, Э. С. Маркарян отмечает: «...хотя культура надбиологична по своей природе, она органически сопряжена со свойствами биологической конституции (морфологическими И Т.Π. особенностями) людей, функцию самосохранения которых она призвана осуществлять. Эти биологические особенности и возможности не только наложили свой отпечаток на форму выражения культуры, но и внутренне определили и продолжают определять стратегическую линию ее развития»². Из положений Э. С. Маркаряна некоторые ученые делают антропологические выводы, характерные для ученых ростовской культурологической школы: «И все-таки прежде всего надо принимать во внимание то, что культура - это мощный механизм антропологического воздействия, это способ адаптации индивида к культурным потребностям общества, это способы индивидуальной реализации накопленного этнического и национального опыта. В этом смысле культура коренится в глубинах общеродового уровня, и сохранение культуры представляет собой воспроизводство способа трансляции знания и обновления социального опыта» ³ . Появляется возможность учитывать исторические особенности культур в их развитии и межкультурном взаимодействии. Исторические особенности культуры, ее культурное наследие и традиции могут

 $^{^1}$ Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука. М., 1983. С. 146. 2 Там же. С. 147. 3 Драч Г. В. Культурология: на пути самообретения // Культурология и глобальные вызовы современности. СПб., 2010. С. 47.

рассматриваться как второй фактор, определяющий культурные взаимодействия коммуницирующих сторон.

Деятельностная концепция культуры как предпосылки и результата деятельности индивида И общества позволяет творческой преодолеть антиномию личного и общественного, выйти за рамки противопоставления материального и духовного. Духовность, как система смыслов и ценностей, произведений литературы И искусства делает конкретного человека наследником, творцом и носителем базовой (корневой) культуры. Как в ее прошлом, так и в настоящем и будущем. Теоретически построенная концепция культуры является в то же время выражением историзма, характеризуя человека определенной культуры как субъекта мировой истории. Что особенно важно, многовековая история дает о себе знать в привычках, обычаях, образе жизни, во всех достижениях искусства, науки, образования. В особенности это явно, когда речь идет о таких крупных культурах и цивилизациях, как Россия и Китай.

Прошлое выступает основой, подлинной субстанцией современной культуры. Воссоздание культуры и человека не возможны без «перешагивания через себя», без культурно-исторического творчества, связи прошлого и настоящего, что становится ядром культуры. Культура включает в себя и результаты деятельности, и ее предпосылки (традиции), в самой деятельности человека она включена в исторически воспроизводимые связи с природной средой: «Человек и его культура несут в себе природу матери-земли, свою биологическую предысторию. Это особенно наглядно обнаруживается сейчас, когда начался выход в космос, где без создания в космических аппаратах или скафандрах экологического убежища жизнь и труд человека оказываются попросту невозможными» 1. Культура выражает глубину и неизмеримость человеческого бытия и его истории. В той мере, в какой неисчерпаем и разнолик исторический облик человека, многоаспектна и многогранна его современная культура, многоаспектны его межкультурные взаимодействия.

Первый (природа) и второй (история) факторы, определяющие возможности и предпосылки взаимодействия культур, дополняют друг друга.

¹ Жданов Ю. А., Давидович В. Е. Сущность культуры. Ростов н/Д, 2005. С. 293.

Как отмечает П. С. Гуревич, «Культура, прежде всего – природный феномен хотя бы потому, что ее творец – человек – биологическое создание» . Человек творит в природном окружении, как бы достраивая природу. Носитель культуры и субъект культурных взаимодействий – общество в целом. Культурные взаимодействия, взятые с точки зрения деятельностного самоопределения и выбора, характеризуют путь исторического развития народа. Невозможно привить требованиями извне то, что характеризует степень внутренней свободы индивида и в этом качестве степень его культурного развития. Культурные взаимодействия предполагают сущностную характеристику культуры как системы, характеризующей общество в целом. В этом смысле прогрессирующее развитие культурных взаимодействий измеряется не только техническим прогрессом, но и достигнутым уровнем развития национальной культуры, сохранения традиций и обычаев. В этом случае вопрос переходит в плоскость исторических оснований культуры и замыкается на общество, его готовность принять на себя экономическую и политическую ответственность для сохранения и развития культурных взаимоотношений.

Успешный анализ культурных взаимодействий возможен, по нашему мнению, только В TOM случае, если рассматривать личность как культурологическое понятие. Личностный фактор культурных взаимодействий межкультурных не только третий, но и центральный фактор взаимодействий. Взаимодействуют не культуры, а конкретные люди – носители и акторы культур. Это люди, выросшие в своей языковой, бытовой и социальной среде, со своей системой ценностей и предпочтений, обычаями и правилами общения и т.д. В отношении к отдельному человеку культура может быть конкретизирована как своеобразная система предписаний, требований и правил, система отношений сквозь призму норм и ценностей, раскрывающая особенность культурологического взаимодействия. Но их носителем выступает характерный данной В ТИП личности, ДЛЯ культуры. ЭТОМ смысле взаимодействие культур очерчивает пространство коммуникации, включая обычаи и традиции чужой культуры, расширяя пространство деятельности

¹ Гуревич П. С. Культурология. М., 1999. С. 186.

человека. Природа и культурное окружение человека, включая повседневную культуру создают культурный мир индивида, но тем самым предпосылки и условия для культурного взаимодействия с другими народами.

В осуществляемом выборе человек становится личностью. Личность представляет собой осмысление окружающего мира в соответствии с духовными и нравственными ценностями, которые были выработаны другими поколениями до него. И когда человек принимает для себя определенную систему ценностей, он формирует и определенную матрицу своего социального статуса. Духовные ценности всегда есть результат глубокой культурной традиции и в то же время личного самоопределения. От человека зависит, как он войдет в мир культуры, как использует предоставленные ему возможности. собой Личность представляет культурно-историческое образование, впитывающее в себя и опыт природных взаимодействий, и историческое прошлое, и опыт личностных коммуникаций. Личность осуществляет себя как во внутреннем пространстве культуры, так и во внешнем – взаимодействия культур. В пространстве социума и личного «Я» возникают и решаются основные проблемы, выступающие предпосылками И основаниями последующих культурных взаимодействий: отношение человека к природе (как к основе мироздания или как к источнику потребления); к истории (уважение к прошлому или его обесценивание); эталоны личного поведения (индивидуализм или коллективизм).

Перейдем к вопросу о том, как охарактеризованные выше факторы проявляются в межкультурных взаимодействиях. Прежде всего они определяют особенности культур по их типологическим различиям и способности к динамическому развитию и самосохранению. Каждый из охарактеризованных выше факторов не может быть изолирован в системе культуры, но в разных типах культур они проявляются по-разному — в межкультурных, и внутрикультурных взаимодействиях. Внутрикультурные взаимодействия осуществляются как распространение культурных образцов, сформировавшихся в одном слое общества на другие, межкультурные — как передача или навязывание собственных культурных норм на «чужое» общество, на

представителей других культур. Чуждые образцы культуры могут навязываться насильственно не только при столкновении или взаимодействии разных культур (война, политическое и экономическое принуждение), но и внутри одной культуры (реформы, революции). Идеалом межкультурных взаимодействий рассматривается равноправие и взаимоуважение. Он может быть достижим, если культуры сосуществуют, не оказывая непосредственного воздействия друг на друга. Однако на практике это невозможно и выливается в политическое, экономическое и силовое противостояние. Такие взаимодействия происходят обычно в процессе экономической и политической экспансии и нередко чреваты войнами и завоевательными походами, применением силы, в том числе и так называемой «мягкой силы». Доминирующее положение, которое стремится каждая конкурирующая сторона, вносят агональную окраску в занять стремление занять доминирующее положение во взаимоотношениях стран и народов и внедрить в общности свои ценности (основные стандарты жизни, отношения к природе, истории, семье) и социальные и бытовые стандарты.

Многое проясняет в межкультурных взаимодействиях обращение к понятию «агон». «Агон (agon) – понятие, обозначающее состязание, борьба, спорт, опасность, соревнование, соперничество, что не передает, однако, всех оттенков самого явления, но русский язык вводит в его наиболее глубокий, потаенный смысл, сохраняя в своем арсенале его производное - «агония». Агонистика – в первоначальном и основном значении – состязание. Оно предполагает достижение победы любой ценой и нередко сопряжено с опасностью для жизни» 1 . Агонистика — как дух состязательности, как стремление к доминированию характеризует определенный тип культурного взаимодействия. Агональность как форма культурного взаимодействия работах Я. Буркхардта, Й. Хейзинги, исследовалась в классических А. И. Зайцева, Ф. Х. Кессиди и Г. В. Драча. В частности, Г. В. Драч относит агональность, характеризуя ее как состязательность, переходящую в борьбу за социальное верховенство, доминирование, к античной и в целом к Европейской культуре. При этом Г. В. Драч делает интересное замечание: «Но социальная

 $^{^{1}}$ Драч Г. В. Агональность в культуре: история и современность // Фундаментальные проблемы культурологии. М.; СПб., 2009. Т. V: Теория и методология современной культурологии. С. 17.

динамика как «агон» и полисная культура как ее результат сами нуждаются в объяснении, поэтому небезынтересно возвратиться к характеристике «человека выражение агонального», использовав известного культуролога Буркхардта, который агониальное начало рассматривает как «движущую силу» в действиях личности. Главное ее проявление – победить любой ценой (ценой потери имущества, денег, здоровья и даже самой жизни), но не нарушая установленных правил (игры по правилам). В последнем случае победа оборачивается поражением. Опасности, связанные с таким стремлением, очевидны. Но без этого невозможна победа, а в этом и состояла цель жизни каждого грека. Отсюда вытекает необычное честолюбие греков, стремление любой ценой достичь славы и известности, даже если это печальная слава Герострата, сжегшего прекрасный храм Артемиды Эфесской» ¹. Отметим Г. В. Драча: важность еще одного положения ИЗ цитируемой статьи «Акцентирование внимания на обозначенном аспекте проблемы оправдывает как своеобразного рассмотрение агонистики «культурного движителя» социальных изменений, основания модернизационного импульса, который лег в основу Европейской цивилизации, социальных связей и отношений нового типа обязательным элементом которых оказывается личность и сознание»².

Агональный тип культурных взаимодействий характерен для Европы, но обращение к этому вопросу позволяет объяснить происходящие в мире процессы культурных взаимодействий. Обычно выделяют в этой связи основные исторические типы культурных взаимодействий, которые проявились в процессе цивилизационного развития. Наиболее ранний — этнический, характерный для отношений между локальными этносами, этноязыковыми, этно-конфессиональными и т.п. общностями. Его продолжением выступает национальный тип межкультурных взаимодействий, формирующийся как на моноэтнической, так и полиэтнической основе в процессе экономического и государственно-политического развития. В наши дни становятся важнейшими региональные межкультурные взаимодействия. Они возникают в результате длительного общения между народами и нациями в контексте их исторического

 $^{^1}$ Драч Г. В. Агональность в культуре: история и современность // Фундаментальные проблемы культурологии. М.; СПб., 2009. Т. V: Теория и методология современной культурологии. С. 22. 2 Там же. С. 25.

взаимодействия в пределах определенной географической местности. Такие региональные отношения и взаимодействия оказывают огромное влияние на цивилизационное развитие. В то же время надо отдельно выделить цивилизационный тип межкультурных взаимодействий, осуществляющийся между разными типами культурно-цивилизационного развития, прежде всего, между «традиционными», «корневыми» культурами и странами западного пути развития (западной цивилизации), в основании которых и находилась агональная культура. Хотя агональный тип культуры был порожден в древней Греции, многие авторы видят проявления агональности и в современной европейской культуре. Многообразие культур современного мира, включая и такие глобальные культуры, каковыми являются культуры России и Китая, предполагает иные формы культурного взаимодействия.

Среди них отметим революцию и эволюцию как типы культурного развития, позволяющие выделить общее и особенное в культурном развитии и современном взаимодействии России и Китая. Оба варианта – и эволюционная, и революционная форма культурных изменений – есть стратегии культурной динамики, они охватывают большой географический ареал и определяют их длительное время, что не всегда удается адекватно зафиксировать охарактеризовать в отдельных странах в иные исторические промежутки. Культурная революция – одна из форм культурного взаимодействия, которая базируется радикальной смене базовых ценностей и социальной на организации, а также на существенных преобразованиях в экономической и отраслях. Речь идет политической именно о резкой трансформации «сердцевины» культуры, без оглядки на преемственность ценностей и традиций. литературе «культурная революция» В советской политической синонимом борьбы «за светлое будущее» и преодоление косности и невежества.

Само понятие «культурная революция» и стоящее за ним содержательная «начинка» противоречивы, поскольку соединяют созидательное и разрушительное начала как внутренних, так и внешних межкультурных взаимодействий. Отсюда две тенденции в ее понимании, — негативная и позитивная. Первая представлена в работах Н. А. Бердяева. Согласно ему,

революционный дух враждебен культуре, он подчиняет ее политическим утилитарным целям. Позитивным типом культурной революции, по Бердяеву, была эпоха Возрождения. Высоко оценивает он и роль Византии, благодаря которой варвары смогли вступить в цивилизацию. Судя по этой позиции, революция (речь идет только о культурной революции) служит культурным взаимодействиям только в том, случае, если она не разрушает, а сохраняет и передает культурные ценности и традиции.

В то же время нельзя не учитывать, что культурная революция – скачок в развитии социокультурной системы, качественный короткий промежуток времени происходит радикальное относительно изменение (например, реформы Петра Первого В России). Согласно конструктивной оценке, культурная революция есть метаморфоза духовного обновления, когда происходит смена прежних устаревших воззрений и моделей. В рамках теорий глобализации позитивная «культурная революция» нашла свое выражение в концепциях синтеза культур, новых универсальных ценностных основах и т.п.

Культурную революцию дополняет эволюция как конкретная формы культурной динамики – особый тип последовательных изменений от простого к который охватывает длительное время характеризуется сложному, сохранением многих ранее достигнутых особенностей. Культурной эволюции не противостоит, по нашему мнению, культурный взрыв как резкое повышение удельного веса перемен, принципиальное изменение вектора культурного развития; выбор качественно иной альтернативы развития социокультурной системы (переход от присваивающего хозяйства к производящему). Культурный взрыв может связан с самобытной и яркой творческой деятельностью по (сохранению И обновлению) воссозданию традиционных культурных феноменов. Таким культурным взрывам сопутствует культурное возрождение – восстановление культурных традиций, которые по различным причинам не были востребованы обществом в течение длительного времени. Такое Возрождение различно на Западе и на Востоке. Европейское Возрождение вначале охватывает отдельные сферы культуры, но затем приводит к

разрушению средневековой культуры и началу новоевропейской культуры и новой социокультурной системы в целом. При дальнейшем обращении к исследованию культуры России и культуры Китая необходимо будет учитывать культурную инверсию — маятниковые колебания в развитии культуры, культурные изменения, которые с определенной периодичностью повторяются в истории культуры какой-либо страны или народа.

И заключительный вопрос – об основаниях культурного взаимодействия, которые формируются общим мировым культурным потоком. Но этот мировой культурный поток нельзя свести к простой и поверхностной коммуникации. Основания культурного взаимодействия (коммуникация – только ее внешний слой) кроются в глубине культуры, в культурных архетипах и стереотипах, продиктованными тремя определяющими факторами – природа, история, личность. Культуры разных народов не изолированы друг от друга, вопрос в том – как эти факторы проявляются? Культура не сводится к коммуникациям, с которых начинаются культурные взаимодействия, но она оказывает на них влияние. Через коммуникацию культура осваивается и происходит культурное взаимодействие, культура выступает субстанциональным основанием культурных взаимодействий.

Культурные взаимодействия многообразны и проявляются, прежде всего, в пространстве культурной конкретики. Обычно рассматриваются двусторонние связи и отношения, которые требуют детального анализа взаимодействующих культур. Так, например, и поступает О. А. Нестерова, характеризуя российскокитайские межкультурные отношения. Но само понятие «культурные взаимоотношения» во многом теряет свой первоначальный смысл, поскольку заменяется такими понятиями, как «межкультурный дискурс», «межкультурная коммуникация» и др. Этот подход продуктивен в той мере, в какой он позволяет выявить «смыслообразующий вектор» межкультурного взаимодействия В то же время остается потребность и в исследованиях, обращенных к культурным практикам взаимодействующих сторон, выявлению культурных импульсов, влияющих на образ жизни субъектов культурного взаимодействия и способы их

 $^{^{1}}$ Нестерова О. А. Особенности современного российско-китайского межкультурного дискурса. М., 2008. С. 13.

коммуницирования. Культурные взаимодействия (взаимодействия культур) прежде всего «выступают формами сосуществования или контактов культур друг с другом»¹. Можно говорить, по мнению автора приводимых строк, об этническом, цивилизационном, государственном и т.д. уровнях взаимодействий.

взаимодействий Вектор культурных во МНОГОМ определяется историческими особенностями культур, вступающих во взаимодействие. Культура содержит в себе весь возможный набор правил и установок, выработанный обществом на протяжении его истории и позволяющий тем или иным способом взаимодействовать с другими культурами. Однако, как отмечал М. С. Каган, в развитие культуры не заложена парадигма линейного исторического движения. В историческом движении культур действуют законы синергетики, для которой исходным принципом развития системного объекта выступает «саморазвитие». «Ее, синергетики, исходный принцип – развитие системного объекта есть саморазвитие, т. е. процесс, детерминированный изнутри, а не извне. Применительно к истории культуры это означает, что при несомненном, и подлежащем внимательному изучению, влиянии на нее изменений среды – и социальной, и природной, и физических и психических качеств самого человека – мотивация процесса развития культуры и его движущие силы лежат в ней самой, и там они должны быть найдены»². В этом случае не только допускается, но и предполагается сложившаяся у человека в процессе выхода его из животного состояния потребность и способность определять цели и средства своей деятельности, что и позволяют рассматривать культурно-историческое развитие как «живое взаимодействие».

обосновываемом выше понимании культуры она выступает производной от общества, в то время как общество выступает первичным деятельности. Общество представляет как система определенные способы воздействия на индивида и включает в себя те или иные отношения и институты. Продолжим мысль о личностном факторе как центральном звене культурных взаимодействий. Поскольку взаимодействуют не культуры как таковые, а конкретные люди – носители культуры, культура

 $^{^1}$ Аванесова Г. А. Взаимодействие культур // Культурология. XX век: словарь. СПб., 1997. С.71. 2 Каган М. С. Философия культуры. СПб., 1996. С. 319.

личности может рассматриваться как репрезентация и главное достояние социума. Именно через личность как носителя культурных навыков и достижений транслируется все богатство социальных достижений.

Устойчиво сохраняющийся контент культуры, такой как система познавательных ценностей, произведений литературы и искусства делает конкретного человека наследником, творцом и носителем корневой культуры как в ее прошлом, так и в настоящем и будущем. Исторически построенная концепция культуры является не только выражением историзма, но и способом рассмотрения человека определенной культуры как субъекта мировой истории. Многовековая история дает о себе знать в привычках, обычаях, образе жизни, во всех достижениях искусства, науки, образования и становится важнейшим фактором межкультурных взаимодействий. В особенности это явно, когда речь идет о таких крупных культурах и цивилизациях, как, например, Россия и Китай.

Надо учитывать, что субъект культурных взаимодействий – это общество в целом. Но пересечение культурных влияний и взаимодействий происходит в пространстве личности. Культурные взаимодействия, взятые с точки зрения личности, характеризуют путь культурного развития общества. Культурные взаимодействия предполагают сущностную характеристику культуры и личности как единой системы. В этом смысле прогрессирующее развитие культурных взаимодействий измеряется не только техническим прогрессом, а достигнутым уровнем культуры, сохранения традиций и обычаев как возможности личного самоопределения и свободы. В этом случае вопрос переходит в плоскость исторических оснований культуры и замыкается на общество, его готовность принять на себя экономическую и политическую ответственность для сохранения и развития культурных взаимоотношений.

практики Перспективы глубина культурных взаимодействий общей культуры, в культурных характеризует уровень технологиях артефактах реализована достигнутая ступень исторического развития этноса, нации, государства, а также степень их эффективности в социальных и политических коммуникациях. Они даны человеку завершенном,

сформированном виде (обычаи, традиции, литература, искусство). Индивид не может их менять по своему желанию. Первоначальный мир культуры включает в себя язык и литературу, устное и письменное народное творчество, что характеризует индивида как представителя своей культуры. Он узнаваем по предметам народного промысла, узорам ткани и образам художественных промыслов. Все это – мир предметной реальности «родной культуры», которая не должна быть отторгнута «чужой» культурой. Для успешного культурного взаимодействия представитель чужой культуры должен определиться в этом мире, принять его в качестве своеобразного дополнения к собственной культуре. Человек в каждом обществе и каждой культуре отождествляется в соответствии с теми духовными и нравственными ценностями, которые были созданы до него, прежними поколениями. Индивид «входит» в социум одновременно с освоением и принятием ценностных установок, происходит это с раннего детства в процессе освоения родного языка. То, как ребенок осваивает родной язык, определяет его будущие языковые коммуникации. Культура представлена, как сумела показать М. Мид, уже в мире детства .

Иногда, правда, замечают, что М. Мид абсолютизирует зависимость мира детства от устоявшегося наследия народной культуры, и превращает эту зависимость в единственный фактор становления личности. Между тем, нельзя не согласиться с тем, что «ценности, нормы и смыслы жизни представляют собой образцы или типовые модели мышления и поведения людей. Культура «очищает» их от деятельностного своеобразия и ситуационной специфики»². Речь идет о практиках общения, коммуникации, в которых ценности, смыслы, значения уже апробированы в способах их использования, реализации, независимо в какую коммуникативную ситуацию попадает их носитель. Культурные ценности всегда результат усвоенной культурной традиции, но человек присутствует в современном мире, требующем ответственного выбора. От человека зависит, как он использует предоставленные ему возможности межкультурной коммуникации, которая затем ляжет в основание культурного взаимодействия. Выбор остается за отдельным человеком, но речь идет о

¹ См.: Мид М. Культура и мир детства. М., 1988. 429 с.

 $^{^2}$ Резник Ю. М. Культура как предмет изучения // Личность. Культура. Общество. 2001. Т. 3. Вып. 3. С. 168.

личностных свойствах общественного человека, а культура выступает фундаментом всего общественного здания. Поэтому общество контролирует способы и каналы межкультурных отношений, формируя то, что можно обозначить как модель культурного взаимодействия. Эта модель складывается исходя из истории взаимоотношений стран и возможного общего интереса.

Человек, личность оказывается на пересечении двух противоположных тенденций: интеграции и локализации. «Однако ЛЮДЯМ мало объединиться на каком-то основании. Объединение должно обладать явными признаками социокультурной локализации, автономности от всех иных социальных групп»¹. К числу типичных маркеров локализации А. Я. Флиер относит разговорный и письменный язык, политическую атрибутику и т.п. Такого рода тенденции характеризуют внутри культурные взаимодействия, но они применимы и для характеристики межкультурных взаимодействий. В этом случае приходится говорить о глобализации и локальных культурах. Но центр тяжести и при таком подходе не смещается, по нашему мнению, с человека как определенного представителя культурно-исторического образования чувствующего, мыслящего, действующего. Субстанцию такой человека личности, как и всей системы культуры, системы ценностей, технологии поведения, труда и общения составляют отношение к природе и обществу, его истории и религии, вытекающие из них эстетические и моральные ценности. Они не только выступают маркерами межкультурных взаимодействий, но и их предпосылками и основаниями.

Прогрессирующее развитие культурных взаимодействий измеряется не только техническим прогрессом, но и достигнутым уровнем культуры, сохранения традиций и обычаев как возможности личного самоопределения и свободы. Пространство маркеров носителей взаимодействующих культур может быть значительно расширено. Это не только язык, одежда, внешний облик, но целая сумма внутренних, культурных предпочтений: понимание путей достижения успеха, терпимость (толерантность) к чужому мнению, выбор путей разрешения конфликтов и т.д. Несомненно, с этим связано понимание

¹ Флиер А. Я. Культурология для культурологов. М., 2000. С. 182.

революционных и эволюционных процессов в культурном типе, превалирующий тип личности и т.д. Вопрос переходит в плоскость исторических оснований культуры и замыкается на общество, его готовность принять на себя экономическую, социально-политическую и моральную ответственность за сохранность и дальнейшую трансляцию практик культурных взаимоотношений.

Таким образом, можно обобщить, что деятельностная концепция культуры (Ю. А. Жданов, В. Е. Давидович, Э. С. Маркарян и др.), определяя культуру как совокупность программ жизнедеятельности человека в среде обитания, ставит на первый план отношения человека и природы, личности и общества, а также культурно-историческую обусловленность проектирования типа личности как носителя автохтонной культуры. Этот подход позволяет обозначить основные факторы межкультурных взаимодействий и раскрыть их сущность в перспективе конструктивного развития культур. При этом необходимо различать внутренние (между элементами локальной культурной системы) и внешние (между представителями разных культур) формы культурных взаимодействий. Реконструкция связей и отношений, которые складываются между культурами и их отдельными элементами в процессе обмена материальными и нематериальными результатами деятельности, включая идеи и ценностные установки, происходит посредством изменения образа жизни, привычек и нравов, влияния этих изменений на политическое и социально-экономическое развитие обществ. Культурные взаимодействия развиваются на базе «культурной совместимости» контактов и отношений. Деятельностный подход позволяет выделить способы позиционирования человека (активного субъекта исторического процесса) в культурной среде как объективные факторы культурного взаимодействия – наиболее конструктивного и перспективного типа взаимодействия культур.

1.2 Основные концепции и подходы в понимании глобализации

Феномен культурного взаимодействия современного Китая и России, перспективы данного процесса и его основные паттерны естественно и необходимо анализировать на фоне явления, получившего название «глобализация». Данный термин является удачной исследовательской метафорой, комплексным обозначениям, сконструированным для определения многогранных и сложных процессов, происходящих в современном мире 1. Важно заметить, с нашей точки зрения, что именно вхождение постсоветской России, стран «восточного блока», стран Центральной и Юго-восточной Азии, Индии и собственно пореформенного Китая эпохи Ден Сяопина в мировую экономическую систему, задало мощнейший импульс создания конфигурации глобального проекта, реализуемого вплоть до избрания президентом США Д. Трампа. Не смотря на то, что первыми о «глобализации» заявили американские исследователи, в конце 70-х – начале 80 гг. ХХ в. – американский социолог Дж. Маклин², обращал внимание на необходимость «...понять исторический процесс усиления глобализации социальных отношений и дать ему объяснение»³, еще в «Манифесте Коммунистической партии» К. Марксом и Ф. Энгельсом было прямо указано на то, что: «Буржуазия путем эксплуатации всемирного рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим...на смену местной и национальной замкнутости... приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга» 4. В этой связи, смысл употребления термина «глобализация» Т. Левиттом в статье, опубликованной в «Harvard Business Review» в 1983 г., радикально не расходиться по своему смыслу и теоретическому статусу от мыслей, выраженной в «Манифесте Коммунистической партии», у Т. Левитта он обозначает феномен масштабное сбыта потребления, контролируемых слияния рынков И крупными корпорациями многонациональными наднациональными ИЛИ так

¹ Покровский Н. Е. Глобализация и регионализация: проблемы теории и практики // Вестник Московского университета. Сер.18: Социология и политология.1999. № 2. С. 22.

McLean G. F. Freedom, Cultural Traditions and Progress. Washington, D. C., 2000. Pp. 5-43.

³ Маргелов М. В. «Глобализация» – превратности термина // США и Канада: экономика, политика, культура. 2003. № 9. С. 47.

Цит. по: Подберезский И. В. Глобализация - неотвратимая и желанная? // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 12. С. 99.

называемыми в те годы МНК, а сейчас ТНК¹. К концу 80-х – началу 90-х гг. XX в. термин «глобализация» приобретает устойчивое и широкое применение в научной и социально-философской и культурологической литературе, им пользуются как удобной и валидной описательной схемой при построении многообразных, прежде всего, экономических теорий. Классическое понимание феномена «глобализация» было сформулировано японским исследователем, профессором Гарвардской школы бизнеса К. Омэ. В 1990 г. им была опубликована знаковая книга – «Мир без границ»², где последовательно отстаивалась идея формирования современной, на тот момент архитектуры мировой экономики, базирующейся на тесной взаимозависимости координации трех центров – ЕС, США, Япония. К. Омэ в своих исследованиях констатировал ситуацию распространения нового экономического уклада, новыми субъектами – «глобальными фирмами», на основе так называемой концепции макроэкономической «Триады»³. Подобное положением дел привело к тому, на границе XX-XXI вв., научной и философской традиции не ЧТО сформировалось единой точки зрения ученых по вопросу о характере и специфике феномена глобализации, а разностороннее, основанное на различных дисциплинарных подходах рассмотрение исследуемого глобализации привело к возникновению большого числа теорий, концепций и объяснительных моделей, последнее и привело к становлению распространенной сегодня метатеории глобалистики

Явление глобализации современной культурной среды невозможно рассматривать без учета логики и содержательного развития особой области научных исследований – глобалистики (от франц. global – всеобщий, от лат. globus – шар; букв. наука о всеобщем) – научная область знания, изучающая наиболее общие закономерности развития человеческого общества, модели его конструирования и управления в единстве и взаимодействии трех основных глобальных сфер человеческой деятельности – экономической, экологической и социально-политической. На сегодняшний момент можно выделит несколько

 $^{^1}$ Кузнецов В. П. Что такое глобализация? // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 2. С. 19.

² Ohmae K. The Borderless World: Power and Strategy in the Interlinked Economy. N. Y., 1990. 223 p.

 $^{^{3}}$ Кузнецов В. П. Что такое глобализация? // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 2. С. 13.

концепций глобализации, содержащих основные ракурсы анализа меняющейся социальной среды:

- глобализация как естественный и закономерный исторического процесс, который развивался на протяжении долгого времени и его признаки можно наблюдать в разные исторические эпохи;
- глобализация как результат реализации стратегии построения гомогенного миропорядка, на основании укоренения универсальных принципов, трансляции общих ценностных ориентиров и естественного процесса технологической универсализации;
- глобализация как процесс постепенной, но необратимой деградации и упразднения моделей мирового порядка, основанного на национальных государственных образованиях и идеях суверенитета, которым на смену приходят транснациональные объединения, наднациональные союзы корпорации, новые религиозные идентичности, сетевые модели «открытого социума»¹.

Таким образом процесс глобализации может быть рассмотрен как широкий И неоднозначный комплект трансформаций тенденций социокультурных, экономических, технологических и политико-юридических, которые не оставляют больше места для локальной, закрытой общественной модели организации жизни людей, заменяя ее на конструкцию универсального глобального типа. В основании данного процесса, несомненно, лежит феномен экономический – мировое разделение труда, свободное перемещение дешевой рабочей силы, наднациональный статус мировых финансовых институтов, унификация законодательства, стандартизация экономических И технологических процессов и самое главное – культурная гибридизация и шаблонная медиаинтервенция.

Можно уверенно говорить о трех базовых исследовательских подходах к вопросу о генезисе такого феномена как глобализации: империализм, теория зависимости и теория мировой системы. Эти три теоретических взгляда на глобализацию не только в специализированной литературе имеют статус

 $^{^{1}}$ Миттель А. Дилемма глобализации. Социум и цивилизации: иллюзии и риски // Вопросы философии. 2003. № 9. С. 179.

хрестоматийных, но и еще отражают историческую последовательность становления научного, социально-философского и культурологического взгляда на рассматриваемую проблему (теория модернизации, теория стадий роста, концепция взаимозависимости национальных хозяйств, концепция равного партнерства). В дисциплинарной, более узкой традиции можно зафиксировать еще дополнительно многообразный ряд узких специализированных теорий, необходимо выделить следующие направления и подходы к исследованию процессов глобализации:

- подходы, ориентированные на экономический ракурс исследований: теория интернационализации мировой экономики, теория становления «периферийного капитализма», теория экономики глобального миропорядка и «финансовой глобализации», неолиберальная теория рынка;
- геополитически и социально-политически ориентированные подходы: теория «фрагментации», теория «глоболокализма», теория «глокализации», неомарксистская теория, теория «системы систем», теория «общества риска», концепция «Ореп Future», теория построения глобальной системы координат, теория вестернизации;
- направления, ориентированные на цивилизационные и социокультурные исследования: теория «глобальной цивилизации», теория элит, концепция объективного исторического развития;
- направления, ориентированные на политико-политические исследования: теория «мирового сообщества», «глобализация обеспокоенности», концепция новой системы международных отношений, теория правовой глобализации.

Теория империализма впервые была предложена английским историком Дж. Э. Гобсоном и параллельно разрабатывалась В. И. Лениным, в России на основании марксистской теории критического анализа капиталистического общества. Применительно к анализу глобальных процессов в политике и экономике, теория империализма развивались О. Бауэр и Р. Гильфердинг¹. Этот исследовательский подход может быть рассмотрен как набор теоретических

¹ Гидденс Э. Социология. М., 2012. С. 325.

позиций и исследовательских направлений — либеральное, представителем которого был Дж. Гобсон, предметом его подробного анализа была социальная, политико-экономическая динамика процессов в Британской империи. Теории империализма и неоколониализма представляют структурную организацию мирового порядка как результат борьбы между ведущими, индустриально развитыми государствами за рынки сбыта, сырьевые ресурсы и сферы капиталовложения, важным измерением этой борьбы выступает расширение и усиленное навязывание форм политического влияния, цивилизаторского преимущества и культурного доминирования.

В марксистской интерпретации империализм понимается как стадия общественного развития, «...когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами» В данном определении В. И. Ленина приводятся принципиально важные и актуальные условия и тенденции, которые на рубеже XIX–XX вв. заложили основные траектории для процесса глобализации:

- становление и рост политического и экономического влияния «международных картелей», то, что сегодня называется аббревиатурой ТНК транснациональных корпораций;
- сращивание экономических интересов и политических связей в капиталистических странах между государственными структурами власти и бизнес-сообществом;
- появление международных финансовых институтов и транснациональных банковских организаций и упрочнение их роли в развитии мировой экономики.

Теория неоимпериализма связана с другим подходом, который во главу угла ставит анализ феномена «зависимости». В соответствии с этим подходом, мировой экономический порядок строиться на неравномерном развитии, в результате чего ядро – лидирующие индустриального страны (Соединенные

¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений: В 55-ти т. М., 1969. Т. 27. С. 387.

Штаты, Европа и Япония) играет доминирующую роль, а периферийные страны – находятся в жесткой ситуации зависимости от них. Феномен зависимости и его актуальная экономико-политическая природа определяются тем, насколько та или иная страна, в свое время, была встроена в колониальную систему. Таким образом «теория зависимости» описывает экономическую систему стран полуколониального «третьего мира», которая ориентируется на производство товаров и услуг для развитых стран-лидеров.

Экономист Андре Гандер Франк применяет к моделям развития таких стран характеристику «развитой недоразвитости» Вкономический и политический ландшафт стран «третьего мира» сконструирован индустриальными странами – лидерами, который существует и меняется посредствам колониальной, неоколониальной и империалистической политике.

Рассматриваемая нами «теория зависимости» и «периферийного развития» получила широкое распространение в 60-е — 70-е гг. ХХ в., в основном в исследованиях латиноамериканских экономистов и социологов. Самым известным этой группы ученых можно назвать аргентинского экономиста Р. Пребиш ². В настоящий момент, этот взгляд на процесс глобализации утрачивает свой эвристический потенциал в силу кризиса мировой капиталистической системы. Доктрина и идеи «интегральной модернизации», основанные на практики построения «идеального рыночного общества» подвергаются серьезной ревизии и критике.

Еще одной важной вехой в теоретическом подходе к исследованию проблемы глобализации стала разработанная И. Валлерстайном ³ теория мировой системы. В ее главные задачи входило решение вопроса о причинах устойчивого существования системы отношений основанной на феномене мирового неравенства. И. Валлерстайн считает, что с конца XV – начала XVI вв. и по XX в. произошел процесс формирования глобальных экономических, политических и культурных систем, опирающихся на капиталистическую модель. На территориях стран ядра (старая Европа и немного позднее Северная Америка) сформировалось промышленное производство и механизированные

¹ Cm.: Frank A. G. Crisis in the Third World. N. Y.; L., 1981. 375 p.

 $^{^{2}}$ См.: Штомпка П. Социология: анализ современного общества. М., 2005. 664 с.

³ См.: Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М., 2006. 248 с.

формы сельского хозяйства, а также, укоренились политические модели, основанные на централизованных практиках государственного управления. В своих исследованиях И. Валлерстайн отстаивает точку зрения, согласно которой — страны «капиталистического ядра» господствуют системе мирового производства и торговли, формируют, организовывают и управляют наднациональными финансовыми институтами.

Концепция «мировой системы» нашла свои точки пересечения с теорией «нового международного разделения труда», описанной Ф. Фробел¹. Данный подход концентрирует свое внимание на результатах и последствиях трансформаций и изменений в стратегии ТНК по организации процесса глобального производства. Характер распределения ролей в мировой системе на центр, периферию и полуферию, находиться в зависимости от моделей разделения труда, которые ориентированы на получение максимальной прибыли ТНК и стоящими за ними промышленно развитыми странами. Основные выводы, сторонников этого понимания модели глобализации можно выразить в наборе пунктов:

- глобальные процессы в мире носят «переходный характер» и их следствия непрозрачны на данном этапе анализа, возможна радикальна трансформация и возникновение «нового мирового порядка беспорядка»;
- современная мировая политическая динамика в международной жизни теряет ведет к упразднению модели, основанной на суверенных национально-ориентированных государствах, констатируется усиление влияния надгосударственных участников процесса;
- фиксируется быстро растущая тенденция международной солидаризации в процессе совместного решения уже существующих и вновь формирующихся глобальных проблем сферах самых разных жизнедеятельности (экономики, экологии, международной безопасности, демографии, энергетической сфере). В такой новой социальной динамике «...глобализация» и «фрагментация», «мондиализация» и «балканизация», – эти и им подобные явления отражают вполне реальные тенденции в мировом

¹ Cm.: Frobel F., Jurgen Heinrichs J., and Kreye O. The New International Division of Labour: Structural Unemployment in Industrialised Countries and Industrialisation in Developing Countries. Cambridge, 1980. 406 p.

политическом процессе, хотя первая из них в большей мере касается экономики, а вторая – политических решений»¹.

Истоки формирования китайской стратегии глобализации уходят корнями в политику Коммунистической партии Китая конца 70-х — начала 80-х гг. ХХ в., начиная с 1978 г., когда на ІІІ пленуме ЦК КПК была официально провозглашена политика реформ и открытости в области экономической международной интеграции. Ее последовательная реализация в длительный срок (до начала ХХІ в.), привела китайское общество к активному включению в процесс мировой глобализации и позволило с уверенностью специалистам и исследователями говорить о существовании «китайской национальной модели развития» — «Пекинского консенсуса»². Основным принципом «Пекинского консенсуса», будет выступать стремление отдельных стран и содружеств государств к сохранению своего национального суверенитета и выстраивания многополярного сценария в международной экономике и политике. Такая модель последовательно реализуется в китайском обществе, а ее элементы мы можем увидеть и в политике современной России.

Основу данной стратегии составляет идея «китайской специфики», как в области строительства социализма, так и в сфере развития конкурентного эффективного экономического производства, ориентированного на экспортную модель. Решение всех социальных, экономических, политических технологических проблем китайского общества рассматривается с точки зрения и учета «национальных особенностей» – то есть культурных установок и цивилизационных ориентиров китайского образа жизни. В основе данной установки легла краеугольная мысль, характерная для китайского восприятия формулы культурного взаимодействия с иными народами и их характером организации жизненного уклада – китайское национальное государство и цивилизация в целом, лишь тогда сможет пережить многообразные чужеземные влияния и даже агрессивные вторжения, когда их содержательная сторона перерождается и постепенно приобретает под влиянием китайской традиции новую смысловую и ценностную окраску, становясь элементом единой

¹ См.: Кокошин А. А. Феномен глобализации и интересы национальной безопасности России // Мир и Россия на пороге XXI в. Вторые Горчаковские чтения. М., 2001. С. 10–34.

² Cm.: Cooper Ramo J. The Beijing Consensus. L., 2004. 74 p.

культуры Китая. В этой связи, многообразные процессы международной интеграции экономики, индустриализации, модернизации и глобализации всегда анализируются рассматриваются с точки зрения, в какой мере они могут быть трансформированы и адаптированы непосредственно в отношении к китайской культурной специфике. Основополагающую роль в процессе интеграции китайского общества в глобальную систему отношений сегодня, ценностная несомненно, играет этическая иерархия представлений Известный конфуцианства. экономист политик, реформатор, И «сингапурского экономического чуда» Ли Куан Ю прямого указывает на роль и важность конфуцианства, как мировоззренческой платформы для современного, не только китайского общества, но и всех культурных общностей Юго-Восточной Азии: «Мы на этом держимся, если мы позаимствуем западные моральные ценности, силы сцепления, которые поддерживают наше общество, $pyxhyt>^1$.

Содержательная сторона «китайской модели глобализации» может быть раскрыта через перечень мероприятий, гарантирующих китайскому национальному государству и обществу устойчивое и прогрессивное развитие на ближайшие десятилетия – это проведение постепенного реформирования экономической, политической и социальной сфер, с обязательным учетом китайской специфики (социальная сфера должна развиваться параллельно с экономикой), рост экономического производства за счет экспорта, последнее должно стимулировать стремление к инновациям и технологическим прорывам, сочетание демократических процедур в реализации кратических практик с программой социалистического строительства общества И элементами авторитаризма в партийной организации управления государством.

Последнее не является панацеей и гарантией от кризисных проявлений в общественной жизни и даже может служить причиной возникновения угроз и рисков для стабильности современного китайского социума, к ним можно с полным основанием отнести следующие кризисные тенденции — заметное и социально контрастное увеличение разрыва между уровнем доходов граждан

¹ Song B.-N. The Rise of the Korean Economy. Oxford, 1990. P. 46.

Китая, последнее представляет реальную угрозу социалистической распределительной системе И ee сопровождающей коммунистической приватизации ранее находящихся идеологии; интенсивная практика государственной собственности предприятий, представляет собой прямую угрозу социалистической «коллективной системе собственности»; конфликтные ситуации и противоречия между интересами государственной бюрократии и «рыночными функционерами», что неминуемо понижает репутационный статус социалистической рыночной экономики Китая; обостряющаяся и очевидная дифференциация между «сельской» и «городской» моделью ведения хозяйства, непропорциональное развитие отдельных регионов И неравномерность общей динамики китайской национальной экономики.

Главная угроза, скрытая в динамической модели глобализирующегося китайского общества — утрата социальной традиции равенства и превращение де-факто, в общество, где степень социально-экономического неравенства стремительно увеличивается, современный Китай рискует превратиться в стандартное «общество риска», описанное У. Беком в его знаменитой одноименной работе. В подобном состоянии, привычная для социалистического китайского общества мера ответственности за занятость и трудоустройство, медицинское обеспечение, социальные гарантии и амортизация бедности, расходы на решение экологических проблем, постепенно перестают быть заботой правительства, а делегируются неправительственным организациям и социальным подрядчикам².

Особое звучание глобалистская тематика приобрела в контексте растущего значения экологической проблематики, на которой сфокусировал свое внимание основатель Римского клуба А. Печчеи. Начавший свою публичную деятельность с 1968 г. Римский клуб как международная неправительственная организация, консолидировала в своем составе представителей наиболее авторитетных и влиятельных представителей науки, общественных движений и производства, и ученых своего времени. В основе их позиции лежал программный тезис — сделать предметом общественного

¹ См.: Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000. 304 с.

² Williamson J. Is the «Beijing Consensus» Now Dominant? // Asia Policy. 2012. No. 13. Pp. 1–16.

внимания набор проблем, которые во второй половине XX в. перестали быть локальными, а начали представлять угрозу всему человечеству, то есть получили статус – глобальных. А. Печчеи в своих выступлениях, публичных обращениях и книгах, непосредственно, связал интенсивный экономической деятельности мировой системы с угрозой разрушения экологической среды. Ha страницах своего ключевого исследования «Человеческие качества» он формулирует базовую задачу, которая становиться общечеловеческой – осознанное и целенаправленное формирование новой экологической культуры и соответствующей ее модели ответственного мышления и социального поведения – «...новая роль регулятора жизни на планете, включая его собственную жизнь»¹. В первом докладе Римскому клубу «Пределы роста», опубликованном в 1972 г., данная идея стала основным лейтмотивом. Авторы утверждают, что «...реальными проблемами являются не технические или экономические, а политические, социальные и культурные»². Выдвинутое положение ориентируется на конструирование и развитие экологической парадигмы, как модели практического поведения во всех областях человеческой деятельности:

- современная наука и интегрированная с нею сфера технического творчестве, должны сформировать систему комплексного знания «природа – общество – человек»;
- глобализация в экономике политике и культуре будет, в перспективе, способствовать распространению экологического мировоззрения;
- экологическое мировоззрение должно распространяться на основании реализации государственных программ.

Формирование экологической проблематики в рамках глобализационных исследований потребовало конкретизации параметров нового взаимодействия культурного между суверенными государствами наднациональными союзами. В основе экоцентрического типа глобального динамического равновесия прагматического мышления лежит идея

¹ Печчеи А. Человеческие качества. М., 1985. С. 22.

² См.: Медоуз Д. Х., Медоуз Д. Л., Рандерс Й., Беренс III У. Медоуз, Д. Пределы роста. М., 1991. С. 199.

непрагматического взаимодействия модели «человек – общество – природа», оно ориентируется на набор универсальных императивов:

- основным ориентиром будет выступать стратегия гармонизацию отношений человека с природой, и преодоления модели отношений, где они противопоставляются друг другу;
- «экологический императив» становится определяющим фактором человеческого поведения потребительское отношение к природе должно быть минимизировано в рамках необходимого и разумного минимума;
- природа наделяется субъектным статусом и рассматривается как одна из сторон взаимодействия.

В современном мире фактор экологической безопасности выступает в качестве важнейшего фактора безопасности национальной и международной. Ha основе ЭТОГО фактора выстраивается характер международного взаимодействия, так как экологическая безопасность стала краеугольным принципом организации производственного процесса в условиях господства макроэкономики – квоты на добычу полезных ископаемых, квоты на выброс вредных отравляющих веществ и т. д. Современная ситуация в развитии мировой системы отношений с очевидностью фиксирует беспрецедентно высокий уровень процесса глобализации, который проявляется наиболее ярко и остро – в экономической сфере общества. Данное обстоятельство обуславливает возникновение различных объяснительных моделей и теоретических подходов в экономической науке к данному феномену, хотя и другие дисциплинарные сферы стараются концептуализировать данную исследовательскую перспективу.

Сюжет анализа данной проблематики, традиционно строиться вокруг выявление непосредственной связи между процессом роста производства возникновением экологических проблемных зон. Делается очевидный вывод о том, что первая широкая волна глобализации середины 80-х гг., стала не только причиной бурного технологического роста, но и причиной обострения экологической ситуации, которая вышла на уровень социального осознания опасности. В таком понимании и интерпретации экономическая

интернационализация «...означает процесс такого развития и изменения производительных сил, который делает их успешное применение возможным лишь в международном масштабе, это объективная закономерность развития промышленности – результата роста современного производства»¹.

Опираясь подобное положение, отечественные зарубежные на исследователи уже рассматривали И объясняли логику темпы глобализационных процессов, с точки зрения включения экономических сред постсоветской России и пореформенного Китая в процесс экономической интернационализации. Различие подходов В понимании процесса интернационализации лишь сводиться отдельными авторами к пониманию и культурной трансформации, констатации глубины вызванной американский экономист Дж. Гэлбрайт² рассматривает процесс глобализации в рамках прежней теории интернационализации мировой экономики, суть которой состоит в том, в данном процессе не происходит новых, качественно изменений в традиционных социальных институтах общества – идея «нового индустриализма» (пример развития современного Китая отчетливо демонстрирует правоту данной мысли). Сходной точки зрения придерживается и Г. Фишер, его работа «Глобализация мирохозяйственных отношений: сущность, формы», строится на утверждении тезиса о том, что этот процесс глобализации, который все плотнее охватывает мировую хозяйственную систему и систему международных отношений, в целом является вполне прозрачной и естественной тенденцией «модернистского» типа общественного развития отношений 3 .

Ряд отечественных авторов и исследователей придерживаются иной точки зрения, видя в логике глобализационных процессов, становление качественно нового феномена экономической интернационализации. Отечественный исследователь Ю. В. Шишков рассматривает глобализацию и обосновывает точку зрения о ней как о «...новой, более продвинутой стадии давно известного процесса интернационализации различных аспектов общественной жизни,

¹ Бутенко А. П. Глобализация: сущность и современные проблемы // Социально-гуманитарные знания. 2002. № 3. С. 9.

² См.: Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. М., 2004. 602 с.

³ См.: Фишер Г. Глобализация мирохозяйственных связей: сущность, формы, перспективы. М., 1999. 201 с.

причем это не просто новая стадия, а качественный скачок на более высокую ступень развития, связанный с глобальными масштабами взаимосвязи и взаимозависимости различных стран»¹. Н. В. Загладин придерживается точки глобализация качественно зрения, 0T€...> новый этап интернационализации, который значительно затрудняет изолированное развитие стран. Но глобализация вместе с тем внутренне противоречивый процесс. Открывая новые возможности экономического развития, взаимодействия народов и государств, глобализация в то же время обостряет существующие или порождает новые проблемы, прежде всего экологические и демографические»². Ключевое понятие всех этих теоретических подходов – «интернационализация экономики», именно на примере современной России и Китая, их активного участия в мировом хозяйственном процессе можно и корректно рассматривать глобализацию как современную форму проявления данного феномена – мирового развития на основе взаимной интеграции. В соответствии со сказанным, только современный этап мирохозяйственной интеграции, где Россия и Китай (наравне с Ираном, Индией и Бразилией) стали играть самостоятельную и весомую роль, можно рассматривать подлинным зрелой глобализации признаком (на омкцп указывает политика ЭТО «экономической войны», проводимой США и санкционная линия ЕС).

Ключевым фактором глобализационных процессов в сложившихся условиях остается экологическая ситуация, так как воспроизводство культуры в многообразных практиках человеческой деятельности, проявляется ярко и рельефно в отношении к природе и ресурсной среде, которая выступает объектом целенаправленного преобразования. Культурно-историческое творчество каждого народа, выраженное в связи прошлого и настоящего, весь исторический опыт взаимоотношений человека с природой и формирования на их основе общественных отношений, предусматривает краеугольный сюжет – отношение к окружающей среде и формирование хозяйственных практик и их культурных регуляторов. Именно природная среда, прямое взаимодействие

¹ Шишков Ю. В. О гетерогенности глобалистики и стадиях ее развития // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 2. С. 57.

² Загладин Н. В. Глобализация в контексте альтернатив исторического развития // Мировая экономика и международные отношения. 2003. № 8. С. 3.

человека с ней, влияет на характер возникновения и развитие культуры, которая включает в себя и результаты деятельности (новации), и ее предпосылки (традиции), благодаря чему и происходит преобразование человека. Природа и ее компоненты в самом непосредственном, предметном виде включены порядок деятельности человека, в конкретно исторически формирующийся культурнотворческий, деятельностный контекст: «Человек и его культура несут в себе природу матери-земли, свою биологическую предысторию. Это особенно наглядно обнаруживается сейчас, когда начался выход в космос, где без создания в космических аппаратах или скафандрах экологического убежища жизнь и труд человека оказываются попросту невозможными» 1.

Природа и человеческое будущее объединяются в его настоящем, которое должно сохранять прошлое и прогнозировать будущее. Человек невозможен вне природной среды, которую он изменяет и в то же время сохраняет. Культурна среда – это часть природы, которую человек активно видоизменяет, накапливая и сохраняя исторический опыт. Культура соразмерна глубине человеческой истории, она соразмерна и многообразию человеческого мира. Данное обстоятельство определяет многоаспектность и многогранность межкультурных взаимодействий, где общность мирохозяйственной интеграции соединяется с универсальностью фактора экологической безопасности. Для современной России и Китая, вовлеченных в тесное экономическое и культурное взаимодействие, структура экологической безопасности может подразделяться на несколько репрезентативных уровней – от глобального до локального. Необходимый уровень экологической безопасности достигается последовательным построением комплексной системы, которая будет ориентироваться как на оперативные меры, направленные на ликвидацию техногенных последствий деятельности человека, так необходимости наличия регулярных профилактические мероприятия. Такая система мероприятий в сфере экологической безопасности требует проведения со стороны государства актуально проектируемой экологической политике и скоординированной линии экономического взаимодействия, так как последнее

¹ Жданов Ю. А., Давидович В. Е. Сущность культуры. Ростов н/Д, 2005. С. 293.

является неприменимым условием самостоятельности и эффективности линии, проводимой Россией и Китаем в условиях глобализации. Основными культурными потернами экологической безопасности для России и Китая, как стран, вовлеченных в интенсивный процесс мирового производства и культурного обмена, будет выступать оптимизация пользования природными ресурсами в процессе общественного производства, охрана окружающей среды, профилактика неблагоприятных последствий экономической и технологической деятельности, гарантия экологической безопасности для граждан.

Важным фоновым компонентом культурного развития И цивилизационного взаимодействия современного Китая и России выступает проблема демографии. Это одна из ключевых проблем для воспроизводства культурных сред Китая и современной России, сценарий решения которой определяет, в настоящее время, и характер решения других глобальных проблем. По предварительным оценкам, к 2050 г. население нашей планеты может достигнуть более 9 млрд человек. Если данная проблема в России связанна с естественной убылью населения, то для Китая – важнейшим фактором выступает ограничение прироста населения, чему посвящена соответствующая программа. Ее реализация позволяет контролировать прирост населения, в свою очередь, позволяет не только экономить средства, но и использовать ИХ ДЛЯ повышения качества образования, обучения здравоохранения. Однако и китайское общество и российское сталкиваются в итоге с серьезными, одними и теми же, следствиями – увеличение людей нетрудоспособного, пенсионного возраста, старше 60 лет, быстрое старение население, дисбаланс полов в разных возрастных категориях. Власти России и Китая планируют решать эту проблему путем контролируемого стимулирования рождаемости – китайский план увеличения количества детей в семье до двух.

Экономические темпы роста и демографические изменения влияют и на урбанизацию — в России и Китае будет продолжаться тенденция к росту численности населения городов. Демографическая политика сыграла колоссальную роль в процессе глобализации Китая, сейчас более половины всего населения проживает в городах, выстроенных или радикально

перестроенных в XX–XXI вв. Процессы урбанизации отличает особая сложность и противоречивость, но одно можно утверждать уверенно, этот процесс носит масштабный и стремительный характер, закладывающий основы для новой культурной и коммуникационной среды обитания современного человека. По целому ряду показателей и признаков (численность населения, размеры агломерации, количество иностранцев, стоимость жизни, объем пассажиропотока, длинна метрополитена численность миллионеров и величина производимого валового продукта) к такого рода «глобальным городам» в современном Китае можно отнести, прежде всего – Пекин, Шанхай, Гонконг, Гуанчжоу, Шэньчжэнь, Тайбэй.

Конструкт «глобальный город» формулируется как описательная антитеза традиционному понятию «метрополия» и используется как указание на пространственное отношение центра конкретной агломерации или целого региона. То есть, употребление этого конструкта – «глобальный город» применимо к ситуации, где описывается существование и корректно взаимодействие системы городов в широком ландшафтном смысле. Термин «глобальный город» впервые был использован Саскией Сассен в ее работе «The global city» 1991 г., как описательный конструкт для таких масштабных и уникальных урбанистических сред как Лондон, Париж, Лос-Анджелес, Рио-де-Жанейро, Токио, Мехико и Нью-Йорк, в данной авторской позиции, изначально присутствует установка необходимость содержательного на противопоставления «глобального города» традиционной архитектурной маркировке – «мегаполис» 1. Истоки этого терминологического обозначения можно обнаружить у Патрика Геддеса – «глобальный город» или «мировой город», который еще в начале XX в. описал подобный новой тип городской планомерной застройки конурбации (на практическом проектирования современного Тель-Авива и Бомбея)². Эта модель организации городского пространства включала в себя полицентристские агломерации с высоким уровнем синхронизированной коммуникации, оптимизированных

 $^{^{1}}$ См.: Сассен С. Глобальные города: постиндустриальные производственные площадки // Прогнозис. 2005. № 4. С. 13–23.

² См., напр.: Geddes P. Cities in Evolution. L., 1915. 409 p.

отраслей производства, высоким уровнем бизнес-встреч и финансовой активности.

Если опираться на аналитические данные и модель «Альфа-городов» по системе, разработанной в 2016 г. Globalization and World Cities (GaWC), аналитическим центром при университете Лафборо (Англия), то в этот список нужно будет добавить еще 12 китайских городов, обладающих большинством критериев и признаков «глобальных городов» (в них проживает почти половина всего городского населения современного Китая) – это Ченду, Циндао, Далянь, Чунцин, Сямынь, Тяньцзинь, Нанкин, Ханчжоу, Ухань, Сучжоу, Чанша, Сиань, Шенья. «Глобальные города» современного Китая вместе с Токио, Сеулом, Куала-Лумпуром и Сингапуром создают новый урбанистический культурный ландшафт Юго-восточной Азии и Тихоокеанского региона «Глобальные города» Китая выступают лидерами по уровню организации инфраструктуры и темпам модернизации в мировой и региональной иерархии крупнейших городских агломераций, а по численности населения они в целом опережают другие города ATP. Для китайских «глобальных городов» характерен высокий темп роста ВНП, который может превышать 10% в год. На первом месте находиться Гонконг, который выделяется своей развитой структурой экономики, представляющий образцовую модель постиндустриального развития, эта стратегия реализуется в урбанистической модели современного Пекина. Шанхай, как еще одна модель китайского «глобального города» продолжает сохранять сильную индустриальную инфраструктуру, в то время как Пекин стремиться концентрировать в своей среде наибольшее число представительств крупнейших китайских и иностранных корпораций.

В последние несколько десятилетий китайские «глобальные города» пережили «транспортную революцию», значительно увеличив показатели мобильности и оперативности трафика. Как яркий пример такого транспортного рывка может служить Пекинский аэропорт, который по объему перевозок стоит на втором месте в мире или Шанхайский портовый комплекс, Шэньчжэнь в современной коммуникативной системе Китая играет важную динамическую роль транспортного узла. Каждый из этих выделенных китайских «глобальных

городов» обладает своим качеством и характеристикой интеграции в глобальные экономические, финансовые и торговые процессы, однако, именно Гонконг является бесспорным лидером, стремящимся закрепить за собой статус «азиатской столицей» мира¹.

Современные города, предоставляя по сравнению с сельской местностью значительно более широкие возможности для образования, здравоохранения, творчества и предпринимательства, в то же время характеризуются обострением большинства социальных, экономических, экологических и еще целого ряда проблем — современные китайские и российские урбанистические центры, и индустриальные зоны становятся регулярных объектом критического рассмотрения. Нельзя забывать и о глобальной продовольственной проблеме. Эта проблема носит многоплановый характер, являясь одновременно и социально-экономической, и природной. В научном и в практическом обиходе уже прочно закрепилось понятие продовольственной безопасности.

Не менее актуальна для России и современного Китая, впрочем, как и для всего человечества, энергетическая проблема. Для России – эта проблема связанна c диверсификацией выработки энергии, необходимой ДЛЯ (преодоление сырьевой промышленного развития зависимости И стереотипности в подходе к ее альтернативности), в то время как для Китая главная проблема в сфере энергетики – это ее нехватка и расширяющееся потребление. Ее основной причиной стал слишком быстрый, носящий поистине «взрывной» рост потребления характер, минерального топлива соответственно, его ускоренная добыча из недр земли. Традиционно, Китай, до конца XX в. обеспечивал энергоресурсами не только себя, но и своих соседей – Южную Корею и Японию, однако с начала 90-х гг. ХХ в., интеграция динамично растущей китайской экономики в мировую систему отношений что Китай переместился ИЗ привела TOMY, группы поставщиков энергоресурсов, в число стран, активно импортирующих нефть, а в последние 5–7 лет и природный газ. Бурный экономический рост Китая развивает тенденцию к зависимости от импорта энергоресурсов, этот процесс может быть

 $^{^{1}}$ Байдарова М. Е. Китай в системе координат эпохи глобализации // Общество и государство в Китае: 43-я науч. конфрер. Т. XLIII. Ч. 2. М., 2013. С. 384–389.

оценен амбивалентно, с одной стороны – Китай приобретает возрастающее влияние на мировых производителей энергоресурсов и подконтрольные им рынки, а также политику этих стран, с другой стороны – возникает угроза плотной зависимости темпов роста и развития китайской экономики от мировых цен на нефть, газ и электроэнергию (объемы закупки одной нефти на мировом рынке нефти превысили -16% в 2016 г. 1 . Как показывают аналитические отчеты Кембриджской ассоциации энергетических исследований (CERA), азиатско-тихоокеанский промышленный регион в ближайшие 10–15 лет будет потреблять примерно, 50% всего совокупного объема нефти и 25–30% совокупного объема природного газа, причем доля китайского потребления Таким образом, можно будет только возрастать. констатировать, энергетическая проблема современного Китая – это прежде всего, обеспечение электробезопасности экономического и социального сектора Китая. Вопрос энергетической диверсификации для КНР к 2020 г. будет рассматриваться, прежде всего с точки зрения национальной безопасности и обеспечения энергетического суверенитета, а не только сохранения темпов экономического экологии ² . развития, также Поэтому партнерские надежные взаимоотношения России и Китая в этом направлении (строительство газового направления «Сила Сибири»), позволят успешно решать данную глобальную проблему для Китая.

Общим набором перспективных направлений для современной России и Китая, в решении энергетической проблемы, как проблемы глобальной будет расширение сектора энергопроизводства за рамками классической триады «уголь — нефть — природный газ»³. Стратегическим направлением тут будет развитие атомной и ядерной энергетики, строительство гидроэлектростанций и ветроэнергетика (по количеству задействованных генераторов подобного типа КНР уже в 2017 г. обогнало США), исследования в области биоэнергетики и

¹ Martinot E. and Junfeng Li. Renewable Energy Policy Update for China, Renewable Energy World (July 21, 2010). URL: http://www.renewableenergyworld.com/rea/news/article/2010/07/renewable-energy-policy-update-for-china.

² Островский А. В. Рынок энергоресурсов КНР: проблемы и решения [Электронный ресурс] // Инстиут Дальнего Востока РАН. URL: http://www.ifes-ras.ru/attaches/conferences/2011.02.17_Ostrovsky_in_IMEMO/Andrei_Ostrovsky_Chinese_energetic_market._Problems_and_decision.pdf (дата обращения 02.10.18).

³ Томберг И. Р. Энергетика КНР в мирохозяйственном контексте. М., 2013. С. 160.

проектный запуск фотоэлектрических станций: во-первых, развитие атомной энергетики, которое, в свою очередь, носит весьма дискуссионный характер; вовторых, развитие технологий прямого преобразования тепловой энергии в электрическую, минуя паровые котлы и турбины; в-третьих, перспективы использования водорода в качестве альтернативного топлива; в-четвертых, использование и развитие возобновляемых источников энергии (приливовотливов, ветра, солнца и др.). Ученые прогнозируют дефицит топлива в ближайшие несколько десятилетий, разведанные месторождения могут быть исчерпаны уже к середине XXI в., в соответствии с этим ожидается, что к тому времени основным источником энергии станет термоядерная энергетика.

В соответствии c необходимостью решения данной проблемы, современный Китай вынужден проводить активную политику в сфере внешней экономики (создание объемного фонда золотовалютных запасов и превращение юаня в резервную мировую валюту), внешней политике (расширение геополитических интересов и перевооружение китайской армии) и науке (интенсивное развитие национальных научно-исследовательских школ и направлений). Сырьевая проблема логически связана проблемой энергетической, ее возникновение следует усматривать в постоянном росте объемов минерального сырья, добыча которого постоянно увеличивается.

Отдельной проблемой выступает вопрос сохранения экологической и ресурсной базы Мирового океана, который на всегда в истории выступал как важнейших источников развития человеческой цивилизации на Земле. Сегодня через практику увеличения использования биологических и минеральных ресурсов — Мировой океан все больше рассматривается как акватория, которая превращается в единую природно-хозяйственную систему. Китайскую стратегию в направлении решения проблемы использования ресурсной базы мирового океана, в последние 15 лет, принято обозначать метафорой «Стратегия двух океанов» 1. Основной идеей данного реализуемого проекта является симметричное проникновение китайской торговой, промышленной,

¹ См.: Каплан Р. Д. Муссон. Индийский океан и будущее американской политики. М., 2015. 484 с.

финансовой и военно-морской инфраструктуры в вторые океанические среды – Индийский и Тихий океаны.

Демографическая проблема, как аспект глобальной ситуации, связана с вопросами медицинского и продовольственного обеспечения. Еще примерно 40 лет назад в Китае было 300 млн человек, живших на грани нищеты, в результате стимулирования роста экономического производства, а также политики повышения уровня в качества внутреннего потребления, на сегодняшний момент таковых в 10 раз меньше. Очаги бедности в современном Китае – это крестьянские окраинные районы и горная периферия неразвитыми коммуникационными средами. Существует и феномен безработицы, который не носит массового характера и скорее всего, связан с сектором «неполной или сезонной занятости», носит региональный характер и специфику, таких людей в современном Китае примерно 60 млн человек.

Если внимательно проанализировать круг глобальных проблем и их содержательный характер, то они, в конечном счете, будут сводиться к вопросу о формировании новой глобальной культурной среды. В социальных науках и гуманитаристике эта тема не могла остаться без внимания. Ярким примером подобного подхода может служить точка зрения на процесс конструирования глобализации П. Бергером и С. Хантингтоном¹, предпочитающих понимать понятий «гибридизации», «альтернативной данное явление сквозь призму глобализации» и «субглобализации». Общая репрезентация данных актуальных тенденций развития траектории глобализации образовывать будет перспективу концептуализации форм социокультурной динамики.

Раннее понимание процесса гибридизации связывается с преднамеренной и целенаправленной политикой по синтезированию западных и автохтонных сфере экономических отношений, культурных практик религиозных верований порядков. С. Хантингтоном символических предлагает рассматривать этот процесс с точки зрения актуализации процессов внедрения идеологических установок и культурных практик «глобалистской экспансии» в пространство традиционных обществ, которые по своей специфики им

 $^{^{1}}$ Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. М., 2004.

разделяются на культуры «сильные» и «слабые». Сильными культурами, по мнению С. Хантингтон являются те культурные образования, которые обладают способностью к творческому встраиванию и адаптации, то есть к переработке образцов американизированной культуры на основе собственной культурной К традиции. таким культурным средам, способным «силовому взаимодействию» с тенденцией универсализации относятся страны Юго-Восточной Азии, Япония, Китай и Индия, а культуры африканских стран, к примеру, – к слабым. Таким образом, по мнению П. Бергера и С. Хантингтоном гибридизация – это не общая стратегия всех с, а сознательно контролируемый, продуманный сценарий геополитического проекта, у которого нет вариативного сценария.

Другим направлением тенденции развития глобальной культуры, по мнению данных авторов – выстраивание альтернативной глобализации, их особенностью является возникновение этой тенденции за рамками Западного культурного мира и собственно американизированного ареала глобализации. Спецификой «альтернативной глобализации», по мнению П. Бергера С. Хантингтона, является возрастание влияния этого «альтернативного» культурного движения и на сам исходный вестернизационный вариант, который может быть рассмотрен как один из возможных сценариев глобализации, ее этап. исторический Феномен «альтернативной глобализации» тэжом рассматриваться как исторически конкретная и осознанная стратегия «не цивилизаций, которые в своем развитии достигли определенной степени геополитической самостоятельности.

Основные траектории развития культурных сред и феномен «культурной экспансии» глобализирующемся мире последовательно и полемично направлениями рассмотрен несколькими культурологического, социокультурного исследований глобализации социологического И актуальной дискуссии концепциями представлено В между Рональда Робертсона, Энтони Д. Смита, Арджуны Аппадурая и Бенедикта Андерсона .

¹ См.: Robertson R. Globality Global Culture and Images of World Order // Social Change and Modernity. Berkeley, 1992. Pp. 395–411.; Smith A. D. Towards a Global Culture? // Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity: A Theory Culture and Society. L., 1990. Pp. 171–189.; Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis, 1996. 229 р.; Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001. 288 с.

Феномен глобальной культуры и сопутствующие ей процессы трансформации культурных сред и моделей коммуникации понимаются в рамках этого обсуждения и полемики как идеологические конструкции, производные от характера развития и функционирования мировой экономической системы, перспектив военно-политических форм противостояний и взаимодействий, динамики демографических процессов и явлений массовой культуры. Авторы этих концепций ориентируются на рассмотрение исторических предпосылок и социокультурных оснований использования внедрения данной И идеологической конструкции современных описательные модели теоретических исследований. Для нашего исследования данная заочная полемика может быть крайне интересна, так как, выводит на уровень содержательного анализа вопрос о той культурной среде – глобализационной платформе, где осуществляется процесс культурного взаимопроникновения и адаптации. С другой стороны, выявление базовых характеристик и параметров что является целью «глобальной культуры», авторов данных теорий, предоставит возможность рельефно увидеть черты самобытной исторической традиции и культурных констант, которые позволяют России и Китаю активно участвовать в процессе глобализации, оставаясь самими собой. Не являются ли исторические традиции культурные константы воображаемыми И описательными единицами теоретических построений социологии, культурологии, философии и истории? По мнение Б. Андерсона, в современных исследовательских установках именно обращение к историческому охвату и глубине исследования становятся ведущими в процессе легитимации тенденций социального развития и идеологий. Он считает, что необходимость обоснования исторической взаимосвязи имеет большую методологическую значимость, следует четко представлять те принципы, в соответствии с которыми подобные осуществлялись. «Когда исследования МЫ говорим 0 современной глобализации, мы имеем в виду сферу идеального отчасти потому, что это понятие носит рефлексивные коннотации. Глобализация сводится не только к объективно усиливающейся взаимосвязанности, но относится также к сфере культуры и субъективной реальности. Проще говоря, поиски ответов на вопросы относительно природы человечества в целом сосредоточены вокруг идеи мира «для себя». В этом отношении глобальное сознание отчасти имеет дело с миром как «воображаемым содружеством»¹.

К направлению критического исследования характеристики «глобальной культуры» и «мифологизации глобального мира», кроме Р. Робертсона, можно отнести еще ряд интересных и самостоятельных с методологической и теоретической стороны социологов и культурологов, занимавшихся вопросами «общества постмодерна» и его культурным измерением – Скота Лэша и Майка Фезерстоуна². С. Лэш в своих исследованиях развивает тему открытости и неопределенности «глобального общества», которое переходит из парадигмы Модерна к парадигме Постмодерна. Это означает, что к «глобальной культуре», по его мнению, не следует применять подходов, свойственных эпохе Модерна. С. Лэш, параллельно Ульриху Беку и Энтони Гидденсу, рассматривает и интерпретирует «глобальную культуру» по аналогии с «обществом риска», в котором все социально-экономические проблемы и религиозно-этические конфликты выступают маркером анализа социальной среды. С. Лэш считает, что новое глобальное сообщество и его культурная среда будет основана на новом типе рациональности, который, неминуемо, должен будет преодолевать многие установки как модернистской парадигмы, так и традиционного общества. Новую рациональность С. Лэш трактует по аналогии с французскими философами-постструктуралистами – Ж. Делёзом, Ф. Гваттари, Ж. Батаем.

В соответствии с точкой зрения С. Лэша и М. Фезерстоуна, базовым условием современного процесса глобализации выступает конфигурация «культурного пространства», которое не совпадает очертаниями национальных государств. Это означает, что актуальное «культурное пространство» имеет своеобразную наднациональную топографию, географию и ее ландшафт трансформируется в рамках самостоятельной логики развития. Авторы особое внимание уделяют сфере «производства знаков» эмблематической характеристики, через которую обрисовывается современный капиталистический социум, данное «символическое производство» носит

¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001. С. 16.

² Cm.: Spaces of Culture: City, Nation, World (Published in association with Theory, Culture & Society) / Lash S., and Featherstone M., Eds. L., 1999. 304 p.

трансграничную специфику, как и сама современная мировая экономика, которая в культурных практиках реализуется как «семантика экономических процессов»¹.

Представленная Энтони Д. Смитом концепция глобальной культуры реализуется через теоретическое и методологическое противоположение традиционного толкования термина «культура» – его антиподу собирательному культуры» 2 . Cam образу «глобальной ЭТОТ образ носит «собирательного», благодаря его широкой медийной, идеологической и популярной представленности в продуктах СМК, носящих, действительно, глобальный масштаб. В отличие от позиции и теоретической ориентации Р. Робертсона ³, Э. Смит считает, «традиционное» использование термина «культура» сохраняет свою ценность, необходимо ЛИШЬ соответствующими социологическими, экономико-политическими ИЛИ культурологическими содержательными корректировками в рамках динамики мировой глобализации.

Исходной методологической позицией концепции Э. Смита является утверждение точки зрения, согласно которой, современное гуманитарное знание уже имеет достаточно устоявшееся понятие что есть «культура», которое на основе конвенционального решения, принято в научном дискурсе и его не стоит подвергать сомнению ИЛИ менять. Э. Смит замечает, разнообразные природы концептуальные трактовки культурных практик И традиций воспроизводят ее сущностное определение как «..коллективного образа жизни, репертуара верований, стилей, ценностей и символов, закрепленных в истории обществ»⁴. Содержание термина «культура» имеет конвенциональную природу и в сугубо научном и философском смысле этого слова данная характеристика зафиксирована, так как, в социальной и исторической реальности принято рассматривать культурную среду, которая жестко локализована в конкретном

¹ Cm.: Spaces of Culture: City, Nation, World (Published in association with Theory, Culture & Society) / Lash S., and Featherstone M., Eds. L., 1999. 304 p.

² Смит Э. Д. Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004. С. 446.

³ Cm.: Robertson R., Globality Global Culture and Images of World Order // Social Change and Modernity. Berkeley, 1992. Pp. 395–411.

⁴ Smith A. D. Towards a Global Culture? // Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity: A Theory Culture and Society. L., 1990. Pp. 171–189.

социальном времени и пространству, связанна с существованием конкретного человеческого сообщества, народа, национального объединения. В таком контексте и понимании, сама идея «глобальной культуры» мыслиться Э. Смиту некорректной, бессодержательной и фиктивной, поскольку не имеет конкретно-исторической привязки к антропологической среде.

предлагает Энтони Смит рассматривать (опираясь взгляды Р. Робертсона) глобальную культуру как некую искусственную среду, в которой можно обнаружить многообразные различия в способе организации социальной иерархии, экономических практик, образах жизни и символах верований. Поэтому «глобальная культура» по Э. Смиту – это вовсе не стереотипное представление 0 исторически закономерном, возрастающем мировом унификации человеческого сосуществования, Э. Смит придерживается мнения, согласно которой с позиции науки корректно утверждать о возвышении и номинальном господстве идеологических конструктов и концепций, которые свойственны для европейских обществ и именно через них происходит распространение глобалистской установки в других культурных среда. К ним можно отнести концепции «национальных государств», «транснациональных культур», «глобальной культуры» и т. д., именно данные конструкции, порожденные западноевропейской мыслью, воплотить призваны универсальную модель культурно-исторического развития человечества.

Разработанной Р. Робертсоном модель культурной истории глобализации Э. Смит предлагает противопоставить подход, который основной акцент делает на анализе процесса глобализации культуры, ориентированный, исключительно европейской на факторы становления И американской идеологии транснациональности. Следовательно, социокультурная динамика формирования и распространения «глобальной культуры» будет трактоваться им как история укоренения, распространения и узаконивание идеологии империализма». Феномен «культурного «культурного империализма понимается Э. Смитом как обширное, выходящее за рамки государственных пространств, распространение национальных «сентиментов и идеологий французских, британских, российских и т.д.» до глобальных масштабов, в

«общечеловеческих ценностей», статусе «достижений человеческой цивилизации» и «закономерной логики всемирной истории». Этот процесс условно можно назвать «первым глобальным культурным проектом», который не пережил две мировые войны и был преодолен после 1945 г. На смену идеологемы «нации-государства», которая, собственно и должна в нормативной социальной организации современного общества, воплотить гуманистическую идею национальной культуры, приходит новая, масштабная, «разрушительная» идеология «сверхнаций», где каждой культурной среде уготована роль «победителей» и «побежденных». Это уже другой – «второй глобальный культурный проект», новый культурный империализм, скрывающийся под образами советского коммунизма, американского капитализма И новоевропеизма». Любопытно, что Э. Смит в числе «победителей» не рассматривает Китай, включая его в сектор «советского коммунизма».

Э. Смит в работе «Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма» выступает против притязаний «глобальной культуры» на историчность и предопределенность. Он однозначно называет такие притязания на «конструируемое сообщество» идеологемами, выгодной империалистическим странам для продвижения своих экономических, политических и медиа практик. У так называемой «глобальной культуры» такой сакральной территории нет, она внеисторична, у нее нет элитарных носителей; все иные заявления есть ни что иное, как популярный, удобный, красивый (конструирование глобальной идентичности), НО миф, ликвидировать свое главное онтологическое препятствие – национальные культуры. Вывод, который делает Э. Смит очень интересен – глобальная культура не располагает своим собственным рядом «исторических носителей», локализуется четко и определенно только ее создатель – новый культурный империализм глобального размаха. Сегодня глобальная культура – может быть воспроизводство сценария рассмотрена И понята как «культурного империализма» в самых широких масштабах, данный процесс не берет в расчет наличие конкретных социокультурных идентичностей, которые неразрывно

¹ См.: Смит Э. Д. Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004. 464 с.

связаны с феноменом исторической памяти. Таким образом, основным актуальным препятствием для распространения и укоренения глобальной идентичности будет выступать исторически устоявшаяся и закрепленная в традициях локальная национальная культура.

Представляемый американским социологом, культурным антропологом и философом Арджуной Аппадураем исследовательский подход к феномену глобальной культуры сам автор репрезентирует как проект исследования «глобальной культуры» методами социально-антропологического анализа. Большинство явлений и сфер жизнедеятельности, употребляемых с приставкой «глобальная», являются теоретическими конструктами или методологическими метафорами, тех процессов, которые продуцируют образ современного мира в планетарных масштабах. Таким образом, А. Аппадурай стремится выявить и смыслообразующие зафиксировать ключевые компоненты актуальной социокультурной реальности – концепта «единый социальный мир». В своей знаменитой работе «Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization» 1996 г. автор акцентирует внимание на двух ключевых, с его точки зрения факторах, определяющих логику формирования глобальной культуры – влияние современных СМИ и коммуникативных сред на массы мигрантов, оторванных от влияния и связи со своей «культурной родиной». Важной внутренней культурно-психологической установкой для существования такого «единого социального мира» – глобального сообщества, по мнению А. Аппадураи, выступает коллективная ностальгию по прошлому», объединяющая людей по национальному признаку в диаспоры 1. Данная исследовательская позиция может быть крайне продуктивна для нашей работы, так как именно китайская культурная диаспора стала той антропологической средой, на которую опиралась в своей политики руководство КПК при реализации программы по открытию рынков и привлечению первых инвестиционных вложений в китайскую экономику в конце 80-х – начале 90-х гг. ХХ в. Таким образом роль культурной диаспоры, являющейся частью «единого социального мира» -

¹ Cm.: Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis, 1996. 229 p.

глобального сообщества, выступает на первый план при реализации «китайской» модели глобализации.

Ключевыми факторами, влияющими на интенсивность процесса глобализации, В рассматриваемой культурной концепции, выступают электронные средства коммуникации и их тесная взаимосвязь с интенсивностью миграционных потоков. Наличие этих двух мощных и постоянных факторов поновому объединяет современный мир, который, благодаря этому, внешне, быстро универсализирует, упрощается становиться И однородным пространством. Коммуникативным пространством, траекторий, проложенной «поверх» государственных, культурных, этнических и идеологических границ. Современные средства связи, их аппаратные возможности и динамичные миграционные потоки задают базовые условия для взаимной интеграции сообществ, социальных культурных образов, политических идей, мировоззренческих доктрин и религиозных идеологий. Наш сегодняшний мир в его глобальной проекции предстает перед человеком как многообразная комбинация этно-конфессиональных потоков многозначных художественных образов, социокультурных моделей поведения, универсальных технологий и финансовых схем.

глобальной Пространственное измерение культуры представлено функциональной метафорой «осколков реальности», которые искусственно соединяются друг с другом по средствам цифровых средств связи, массмедийные поля и коммуникативные модели. Такой «глобальный мир» А. Аппадураи именует понятием «скейп». Это понятие используется для обозначения гипотезы, в соответствии с которой, глобальная реальность не представлена объективировано, (через традиционную «визуализацию» отношений международного взаимодействия, динамики отношений сообществ и государств и т.д.). «Глобальный мир» «воображается», национальных конструируется как специфическое универсальное «культурное поле», которое имеет наднациональный и экстерриториальный, внеисторический статус, с размытой «сглаженной» идентичностью. Глобальная культура, по мнению А. Аппадураи, раскрывает себя через пять пространственных конструкций,

более того, эти конструкции подвижны и могут создавать многообразную культурную комбинаторику: этнический, технологический, финансовый, электронный и идеологический топос.

Первый — этноскейп центральный культурный конструкт пространственного мира, он привязан к различным мигрирующим сообществам (сходный с терминологией П. Бурдье — номадизм). Различные «перемещающиеся» группы людей становятся носителями и воплощением пространства «воображаемой» идентичности глобальной культуры.

Второй – техноскейп – автономный поток разно уровневых аппаратных, автоматизированных и информационных технологий, которые создают и наполняют, конфигурируют и управляют техническим пространством глобальной культуры.

Третий компонент — финансскейп — столь же автономная и самостоятельная сфера оборота наднационального потока финансового капитала, это пространство, созданное валютными рынками, товарными трафиками и символической капитализацией ценных бумаг, существующих в логике пространства и времени стоимостного эквивалента.

Четвертый – медиаскейп – разнообразные по жанру и обширные по репертуару образы, дискурсивные практики, нарративные структуры, создающие «воображаемые идентичности», этот скейп формируется в пространстве СМК и подчиняется его спецификации. Основная характеристика данного скейпа – создание пространства, в котором происходит комбинация действительного воображаемого, формируется, свойственная «глобального мира» «смешанная реальность», адресованная усредненной стандартизированной аудитории.

Пятый – идеоскейп – пространственная конструкция, возникающая на основе эксплуатации политических образов и идеологических сценариев. Пространственная модель этого скейпа генеалогически восходит к идеологии Просвещения и ее основным понятийным единицам, посредством которых, происходит создание нужной модели кратического господства (свобода, равенство, борьба с тиранией и несправедливостью, индивидуальное

благополучие, права человека, частная собственность и ее неприкосновенность, суверенитет, демократия и т.п.)¹.

Таким образом, по мнению А. Аппадураи, фундаментальной причиной глобализации культуры будет выступать фактор «детерриторизации», а вернее ее искусственная, синтетическая имитация в череде и комбинации скейпов. Детерриторизация служит условием воспроизводства и прогрессирующего распространения новых моделей идентичности и новых глобальных общностей. Интенсивность культурного взаимодействия происходят в едином процессе культурного развития человечества, двумя контрастными полюсами которого непременно выступают формы культурного обособления, самобытность, а порой и самоизоляции с одной стороны, а с другой стороны – тенденции к культурной унификации и саморастворению оригинальности. Сегодня, в начале XXI в., на современной стадии процесса глобализации, все тревожнее и отчетливее видна настойчивая тенденция К культурной унификации, стандартизации, нивелированию национальной аутентичности, а высокая интенсивность интернациональной коммуникации, явленная в сфере «массовой культуры» превращается разрушительный механизм В культурного взаимодействия. Глобализация обостряет вопрос о культурных взаимодействиях регионального уровня и поиска их предпосылок и оснований.

Основные исследовательские подходы к анализу взаимодействия культур глобализации акцентируют условиях внимание на агональности (состязательности и конкуренции) и диалогичности, взаимовлиянии культур и взаимообусловленности культурных различий. В том, что пересечение культурных влияний и взаимодействий происходит в пространстве культуры личности нет принципиальных методологических расхождений. Культура личности – цель и средство агональных и диалогических взаимодействий программ культур различных жизнедеятельности. Следовательно, как культурные взаимодействия могут рассматриваться с позиции их влияния на развитие личности, а проекты личностной культуры характеризовать пути культурного развития общества. Культурные взаимодействия предполагают

¹ Cm.: Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis, 1996. 229 p.

сущностное единство культуры и личности как соотношения системы и ее элемента. Свобода личного самоопределения в сохранении и развитии традиций автохтонной культуры, как понимание путей и стратегий достижения успеха личности в обществе, расширяет совокупность маркеров развития взаимодействующих культур. Способы и цели проектирования отношения личности к среде (к природе и культуре) выступают универсальными критериями продуктивности культурного взаимодействия как во внутреннем, так и во внешнем аспектах.

Г.ЛАВА 2

ПУТИ КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ И КИТАЯ

2.1 Определяющие факторы культурных взаимодействий России

Исторический опыт культуры, модели поведения, индивидуального и коллективного, способы гендерного И возрастного взаимодействия, эстетические приоритеты и вкусы, кратические ориентиры и религиозные практики во всей своей многообразной совокупности будут выступать своеобразным фундаментом, уделяющим возможным и успешным стратегию культурного взаимодействия различных народов и человеческих сообществ. Культура аккумулирует исторический опыт и составляет основу общества, его узнаваемую и неповторимую образность, символический и метафорический набор знаковых и языковых порядков передается от поколения к поколению, сохраняясь в традициях и обычаях. Устойчиво сохраняющийся контент культуры, в том числе система познавательных ценностей, и прежде всего, произведения литературы И искусства, делает конкретного человека наследником, творцом и носителем корневой культуры как в ее прошлом, так и в настоящем и будущем. России не свойственна «традиционная устойчивость» Китая – распространяя свое культурное пространство более на Восток, нежели на Запад, она, при этом все равно, остается европейски ориентированной.

Исторически построенная концепция культуры является не только выражением динамики культурного развития, но и способом позиционирования человека в определенной культурной среде, как активного субъекта исторического процесса. Многовековая историческая традиция проявляется в полной мере через устойчивые привычки, укоренившиеся обычаи, образ жизни, которые находят свое воплощение во всех достижениях религии и искусства, философии и науки, политики и образования, становится важнейшим фактором и неотъемлемым условием межкультурных взаимодействий. «История ни одного народа не представляет нам такого великого, многостороннего

преобразования, сопровождавшегося такими великими последствиями, как для внутренней жизни народа, так и для его значения в общей жизни народов, во всемирной истории» В особенности это становиться очевидным, когда речь идет о таких крупных социокультурных средах и цивилизациях, как, например, Россия и Китай.

Россия не знала устойчивости Китая, в своем географическом расширении она стремилась на Восток, но сохраняла при этом постоянные политические и экономические связи с Западом, и культурные и научные ориентиры, в своем развитии. Именно из такой особенной исторической траектории развития обнаруживается интересный феномены «русского европейца» и «европейские уроки», о которых пишет В. К. Кантор: «...в своем движении к европеизации Россия стояла в ряду других стран, возникших в результате переселения народов и строивших свою цивилизацию под воздействием христианства и усвоения духовных и материальных завоеваний Античности»². От этого и такое явление в отечественной традиции как «европейская духовность как факт русской культуры» (В. К. Кантор) и «Европейская идея в русской культуре» (О. А. Седакова)³. Метко отмеченная нашим современником динамическая характеристика «движения к европеизации» не должна затемнять или нивелировать многозначность, многоликость русской культурной традиции, ее сложный, составной образ, особенно в вопросе самоопределения и выбора. Именно эта сложность и составная организация отечественной культурной традиции служит основой эффективных межкультурных взаимодействияй России с иными народами, странами и цивилизациями.

Выдающийся отечественный знаток и исследователь русской культуры Д. С. Лихачёв видит в сложности многообразного отечественной культурной традиции черты, присущие, именно, европейской: «Русская культура всегда была по своему типу европейской культурой и несла в себе все три отличительные особенности, связанные с христианством: личностное начало, восприимчивость к другим культурам (универсалиям) и

 $^{^1}$ Соловьёв С. М. История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. IX. С. 541. 2 Кантор В. К. Русская классика или бытие России. СПб., 2014. С. 18.

³ Седакова, О. А. Европейская идея в русской культуре. Ее история и современность // Ольга Седакова [сайт]. – URL: http://www.olgasedakova.com/Moralia/1547 (дата обращения: 02.10.2018).

стремление к свободе» 1. В понимании Д. С. Лихачёва – «универсалии», как восприимчивость к другим культурам, качество «всечеловечности», это черта не только культуры русской неотъемлемая (на Ф. М. Достоевский в своей знаменитой речи, посвященной А. С. Пушкину²), но и прежде всего, магистральная черта европейской культуры в целом. Это особенная способность «европейца» воспринимать, изучать, включать в свою орбиту явления иных культурных сред, как «свои», как «родные», это особое восприятие всего ценного в пространстве культуры не только посредствам «ума», но и «сердцем». Уже стало устойчивым стереотипом, считает Д. С. Лихачёв, характеризовать русскую культуру через ее «промежуточную» характеристику по отношению к Европе и Азии, и «пограничное» положение между Западом и Востоком. «На самом же деле влияние азиатских кочевых народов было в оседлой Руси ничтожно. Византийская культура дала Руси ее духовно-христианский характер, а Скандинавия в основном – военнодружинное устроение. В возникновении русской культуры решающую роль сыграли Византия и Скандинавия, если не считать собственной ее народной, языческой культуры. Через все гигантское многонациональное пространство Восточно-Европейской равнины протянулись токи двух крайне несхожих влияний, которые и сыграли определяющее значение в создании культуры Руси. Юг и Север, а не Восток и Запад, Византия и Скандинавия, а не Азия и Европа» ³. Таким образом, византийское православие и военно-дружинное устроение, пришедшее на Русь вместе с Рюриком и его братьями, сформировало социально-религиозное основание, которое определило направление культурноисторического развитие в русле магистральных (на период IX-X вв.) европейских тенденций.

Территория, на которой закладывались основные ориентиры будущей русской культурной традиции, включила в VIII–IX вв. широкую лесную и лесостепную полосу от Ладоги и Новгорода до Киева, низовий Дона и Тамани. Известный и авторитетный английский историк и философ А. Тойнби считал,

¹ Лихачёв Д. С. Три основы европейской культуры и русский исторический опыт. Речь, подготовленная для международной конференции «Великая Европа культур» (Рим, 1991 г.) // Наше наследие. 1991. № 6. С. 15–16.
² Достоевский Ф. М. Речь о Пушкине // Полное собрание сочинений: В 30-ти т. Л., 1984. Т. 26. С. 129–149.

³ Лихачёв Д. С. Россия никогда не была Востоком // Раздумья о России. СПб., 2004. С. 35–37.

особенности цивилизаций что и культур кардинально определяются «...комбинацией нескольких факторов, важнейшими из которых будут считаться особенности природы; особенности человеческой среды (степень и сила внешнего давления); стимул возможностей заморской миграции и стимул ущемления» 1. Позиция английского историка и философа для нашего исследования важна и показательна, так его акцент на учете особенностей природных факторов, применительно к территориальной пространственной становящейся русской культурно-исторической локализации, типологии, раскрывает основные ее траектории будущего культурного взаимодействия. Эта траектория культурного взаимодействия, со временем, будет менять свое основное направление – вертикаль «Север-Юг», постепенно будет уступать место горизонтали «Запад-Восток». По меткому и очень лаконичному историка Г. В. Вернадский замечанию выдающегося данная историкокультурная специфика связанна с особым способом хозяйственного освоения евразийской географического природных условий региона: «История распространения русского государства есть в значительной степени история приспособления русского народа к своему месторазвитию – Евразии, а также и приспособления всего пространства Евразии к хозяйственно-историческим нуждам русского народа 2 .

На этих землях складывался союз племен, который, видимо, принял имя наиболее влиятельного из них – Русь, таким образом, формирование народности шло параллельно со складыванием единого государства. К XI–XII вв. сложилась основная этническая, политическая и культурная территория древнерусской народности, оформляется единая практика культурной и религиозной идентичности, складывается традиция письменного употребления церковнославянского языка и распространяется древнерусский литературный стиль. Древнерусская народность объединила большинство восточнославянских племен, а также ассимилировала ряд скандинавских этнических элементов, тюркских и финно-угорских народностей. Таким образом, завершением длительного древнерусской народности явилось процесса

¹ Тойнби А. Постижение истории. М., 1991. С. 113.

² Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология / ред.-сост. Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. М., 1993 С. 217.

формирования сложной, по своему внутреннему наполнению, социокультурной общности древнерусской исторической традиции: «Вспомним, что легендарное начало Руси было ознаменовано совместным призванием варяжских князей, в котором вместе участвовали и восточнославянские и финно-угорские племена, а в дальнейшем государство Руси было всегда многонациональным. Универсализм и прямая тяга к другим национальным культурам были характерны и для Древней Руси, и для России XVIII–XX вв., в создании которой помимо русских участвовали немцы, татары, поляки, украинцы, белорусы, финно-угорские народы и т.д.»¹.

Сложность и внутренний драматизм складывания данной древнерусской исторической общности и социокультурной традиции обусловлен тем, что этот изначально усложнялся внутриплеменными противоречиями межплеменными противоречиями, что стимулировало укрепление княжеской власти, повышало роль князей и дружины, как элемента скандинавского военно-Однако, обстоятельство сословного устроения. не приводит ЭТО абсолютизации политической власти и его сакрализации в культурной традиции, как это, к примеру, произошло в традиционной китайской кратической практике императорской власти с ее широкими полномочиями и «божественным» почитанием. Становление устойчивого центра власти в лице киевского великого князя приводило к постоянным взаимодействиям с более развитой культурной средой восточно-христианской Ромейской империей – Византией, нельзя так же отбрасывать характер военно-политического и торгового влияния скандинавских сообществ на данном историческом этапе. В этом отличие древнерусской культурно-исторической традиции от китайской, которая древнейших времен сама, изначально была центром цивилизационного влияния, в орбиту которого вовлекались иные народы и государства.

Такое специфическое положение приводило к практике, когда на культурной почве древнерусской исторической традиции складывались условия к интенсивному обмену, трансляции и заимствованию более развитых

 $^{^1}$ Лихачёв Д. С. Русский исторический опыт и европейская культура // Раздумья о России. СПб., 2004. С. 32.

культурных, военных, религиозных и общественно-политических форм жизни. Особенно важно то обстоятельство, что идеалом религиозного, государственно-политического устройства у восточных славян долгое время считалась Ромейская империя — Византия. Этот период раннего социально-исторического развития способствовал оформлению различий культурных паттернов и ориентиров, для развития и становления европейских народов и будущей России. Западная Европа энергично встала на путь скрупулезного анализа философского и научного самосознания, с опорой на античную классику и религиозную организацию жизни вокруг римского папского престола. В то время как Русь двигалась в данном направлении уже посредством усвоения, переработки и адаптации отдельных достижений европейской цивилизации в ее византийской трансляции.

Последнее важное обстоятельство не должно полностью вытеснять из нашего наблюдения существование фактора регулярного культурного взаимодействия древнерусской традиции со степной окраиной и восточными влияниями. Существование в низовьях Волги Хазарского каганата давало возможность славянам познакомиться с восточными культурными средам и в результате упорной и длительной борьбы к XIII в. минимизировать угрозу набегов кочевников, которые в предшествующие эпохи (гунны в IV-V вв., авары в VII в.) тормозили экономическое и культурное развитие; большою роль в этом процессе играла политика культурного, экономического, династического и военного «замирения» половцев. Русская культурная традиция, по мнению Г. В. Вернадского, формировалась под влиянием с одной стороны, высокой византийской культурой, a c другой – культурными новшествами, приходившими на Русь вместе со степными кочевниками, так как от нее «...мы получили одежду и оружие, песнь и сказку, воинский строй и образ мыслей»¹. Широкий спектр причин и условий, взаимодействие внутренних культурных и внешних цивилизационных факторов, позволило древнерусскому обществу сформироваться культурную среду, способную продуктивному взаимодействию с различными инокультурными, зачастую агрессивными

¹ Вернадский Г. В. Начертание русской истории. СПб., 2000. С. 33.

соседями. Однако, в дальнейшем это способствовало тому, что в недрах древнерусского общества начал протекать процесс складывания единой этнического и культурного пространства, которое объединило большинство восточнославянских племен, а главными силами, обеспечивавшими внутреннее единство, стали государственное строительство и православная религия. И особенность данного государственного устранения была связанна культивированием традиции совещательных учреждений и представительских практик: «В домонгольской Руси князь, начиная свой день, садился "думу думать" со своей дружиной и боярами. Совещания с "градскими людьми", "игуменами и попы" и "всеми людьми" были постоянными и положили прочные основы земским соборам с определенным порядком их созыва, представительством разных сословий. Земские соборы XVI–XVII вв. имели письменные отчеты и постановления. Конечно, Иван Грозный жестоко "играл людьми", но и он не осмеливался официально отменить старый обычай совещаться "со всей землей", делая по крайней мере вид, что он управляет страной "по старине"» 1 .

Важнейшим фактором формирования русской культуры, ее культурным ядром стала православное вероисповедание и крещению Руси по византийскому обряду. Началом формирования культурно-исторической идентичности и традиционности стало принятие христианства государственной религии. Под влиянием Византии и княжеской политики в Киеве, в Северном Причерноморье и Южной Руси распространяется христианская проповедь, строятся многочисленные храмы и появляется в Феодосии первая метрополия. Огромное влияние оказали проповеди и широкая просветительская деятельность «славянских апостолов» Кирилла и Мефодия, высоко чтили на Руси 2. Складывается, на основе тесного межкультурного взаимодействия, древнерусская историческая традиция и свойственные ей культурные установки, которые сочетают в себе и автохтонные черты и элементы заимствования. Известный американский историк и Пайпс советолог-россиевед Ричард постарался своем знаменитом

 $^{^{-1}}$ Лихачёв Д. С. Мифы о России старые и новые // Раздумья о России. СПб., 2004. С. 52.

² Боханов А. Н., Морозова Л. Е., Рахматуллин М. А., Шестаков В. А. История России с древнейших времен до наших дней. М., 2016. С. 24–25.

исследовании «Россия при старом режиме» лаконично, хотя несколько и политизировано, охарактеризовать будущий облик кратических практик и реалий реализации политического господства, складывающийся в данный исторический период, он пишет: «Россия принадлежит par excellence к той категории государств, которые... обычно определяют, как «вотчинные» В таких государствах политическая власть мыслится отправляется как продолжение права собственности, и властитель (властители) является одновременно сувереном государства и его собственником»¹. Ричард Пайпс считает, что непохожесть и самобытность социально-политической и государственно-правовой традиции в России, прежде всего, такая стереотипная характеристика как правовой нигилизм, связанна с неустойчивостью и базовых социальных институтов феодального неразвитостью «...хроническое российское беззаконие, особенно в отношениях стоящими у власти и их подчиненными, проистекает из-за отсутствия какойлибо договорной традиции, вроде той, что была заложена в Западной Европе вассалитетом 2 .

Надо учитывать, что в складывании русского культурного типа среди определяющих факторов была не только территория, но еще в большей степени религия. Православие – это первый и важнейший фактор культурного и исторического самоопределения России, хотя не стоит недооценивать и влияние дохристианских верований и языческой обрядности при формировании российской культурно-исторической традиции. Принятие христианства и отказ языческой идентичности, преодоление племенной ограниченности и формирование новой этнической формы универсального сознания, стало важнейшим цивилизационного выбора. моментом Принятие Руси восточного обряда, государственной христианства как важнейшим культурно-историческим фактором, позволившим молодому древнерусскому государству интегрироваться в «византийское содружество наций» – удачная описательная конструкция, введенная в научный оборот

 1 Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 75. 2 Там же. С. 75.

Д. Д. Оболенским в 1971 г.¹. С точки зрения известного ученого, «Византийское содружество» представляло в то время очень особенную «наднациональную общность», которая формировалась на общности православной веры, этических установках и эстетических канонах «византийского вкуса», метаполитической символической верховенства византийского идее императора, таким образом, Древняя Русь оказалась накрепко связанной цивилизационными стереотипами, матрицами культурного действия Константинополем – «Царьградом» – «Новым Римом» с многообразными сообществами Центральной Европы и Балканского полуострова, которые еще больше находились в тесном культурном взаимодействии с Византией.

Эти связи в значительной степени определяли церковную ориентацию Руси на восточно-христианский мир и на Константинополь. Киевские князья конфессиональное сумели самостоятельно выбирать направление христианского вероисповедания, которое в наибольшей степени отвечало их политическим нуждам, культурным стремлениям и религиозным чувствам. В культурной истории древнерусского общества принятие христианства стало магистральным направлением при формировании новой идентичности и способа мировосприятия, на основе синтеза греческого православия славянского культурного элемента. Выбранная позиция позволила интегрироваться в тогдашнюю непростую геополитическую конъюнктуру, быть символически причастным к передовой византийской модели общественного и культурного развития и, в то же время, не отгораживаться полностью от латинского Запада. В результате Древняя Русь оказалась частью обширного восточно-христианский культурного ареала, который протянулся от Святой Земли до балтийского побережья, от евфратской границы до Далмации, южной Италии и Сицилии, это было скорее не политическая и юридическая структурная интеграция, а символическое пространство культурного религиозного доминирования и этического превосходства, игравшего в тот исторический период важнейшую идентификационную роль и делавшим возможным практику конфессионального солидаритета. На основе церковных

¹ См.: Obolensky D. The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe, 500–1453, N. Y., 1971, 415 р.

связей и культурных просветительских миссий оформлялась традиция договорных отношений стран и народов, включенных в ареал «византийского содружества наций» с центром в Теуполе (Новом Иерусалиме – Священном Граде) – Константинополе. Эта историческая традиция выстраивалась на символическом культивировании императорским двором Константинополя системы кратических символических моделей родственных семейных связей басилевса с правителями окружающих империю восточно-христианских стран и народов.

Таким образом, формировании культурной исторической древнерусской традиции, именно Русская православная церковь сыграла сложную и кардинальную роль института культурного взаимодействия между византийской цивилизацией и становящимся древнерусским культурным типом, ее положительная роль заключалась в том, что она как социальный институт, не только объективно помогала укреплению молодой русской государственности, но выступала благодатной и питательной средой для формирования социальных моделей поведения, этических и эстетических ориентиров культурной традиции. Внутренняя трансформация славянской культуры, ее языческого компонента, произошла при христианизации, породив феномен двоеверия. В данном феномене «...осуществилось необычайное и довольно прочное сочетание христианских догматов, правил, традиций и старых языческих представлений. Возникло так называемое двоеверие. Христиане молились в церквах, клали поклоны перед домашними иконами, но одновременно справляли старые языческие праздники»¹.

Новая религия, ее содержание догматов и монотеистическое мировоззрение, как нельзя лучше соответствовали природе новых, основанных на главенстве и единоначалии, государственных отношений и социальных ожиданий. «В Византии образы святых начали рассматривать в качестве символов христианства, величие которого сохранилось в «новом Риме», Константинополе, после того как Западная империя погрузилась в варварство и тьму... Византия укрепила единство своей многонациональной империи с

 $^{^{1}}$ Религия и церковь в истории России: Современная историография / отв. ред. О. В. Большакова. М., 2016. С. 124.

помощью идеологии, отвергающей общую для многих восточных религий и христианских ересей идею о том, что спасение человека зиждется на преображении человеческой природы в нечто полностью иное»¹.

Христианство восточного (византийского) обряда высоко ценность семьи и брака, культивировала уважительное отношение к женщине и матери, формировало бережное и ценностное восприятие детства в культурной практике, по сути дела, вводилась новая моральная система, основанная на принципах христианского гуманизма. Последнее, активно способствовало тому, что восприятие общественного прогресса в восточно-христианской культурной среде ассоциируется, прежде всего, с прогрессом моральным. Укоренение христианского мировоззрения и распространение новой этической модели поведения играло важную социально-психологическую и культурную роль: делало человеческую жизнь более осмысленной И нравственно ориентированной, выступало примирительной основой при повседневном соприкосновении со смертью, выступало метафизическим объяснением и надеждой на «вечное блаженство душе» в мире ином. Православное христианство на Руси играло роль социального и психологического смягчения имущественного неравенства и общественной несправедливости, открывало путь к этическому совершенствованию. Православная этика транслировала модель поведения, ориентированную на покаяние, поддерживало устойчивую надежду на прощение грехов, возможность возрождения и преображения и «жизнь в вечности». Таким образом, в отечественной религиозно-этической системе представлений находят свое исчерпывающее решение исконные вопросы о смысле жизни, о будущем человеческой души после смерти и т.д.; на первое место выходит практика «заботы о своей душе», решение мирских задач перемещается на социально-психологическую периферию.

Тесное и глубокое приобщение Древней Руси к византийскому христианству способствовало культурному развитию, росту и дифференциации духовной жизни русского народа. Это нашло свое неповторимое выражение в становлении и развитии философской системы взглядов, появлении начал

¹ Биллингтон Дж. Икона и топор. Опыт истолкования русской культуры. М., 2001. С. 61–62.

политического и юридического сознания, породило богатую богословскую модель мышления, укрепило древнерусскую литературную традицию и в особенности, сформировало особую художественную эстетическую традицию – иконописную живопись. «Славяне были обращены в христианство вскоре после этого собора, или «торжества православия», как его называли в народе, и унаследовали от Византии ее новообретенное воодушевление религиозной живописью. Легенда VI в. о том, что первая икона была чудесным образом запечатлена самим Христом на полотнище для прокаженного царя Эдессы, легла в основу множества русских преданий о «нерукотворных» иконах. Торжественное перенесение этой иконы из Эдессы в Константинополь 16 августа 944 г. стало праздничным днем на Руси и заложило традицию «образных хождений» (крестного хода с иконой), игравшую столь важную роль в русской церковной жизни»¹. Христианизация Древней Руси проводилась не только административными методами, в соответствии с жесткой политикой киевских князей, большую роль играло распространение грамотности и книжной культуры, особенно в больших городах. В древнерусские города из Византии привозили иконы, священные книги, появилось ученое монашество и епископы (первоначально греческое и преимущественно болгарское). Именно ими был организован широкий процесс перевод на церковно-славянский язык византийской догматической, философской, исторической и политической развивалась храмовое строительство литературы, активно И городская архитектура – менялась культурная модель идентификационной ориентации, новая культурно-историческая традиция: «...монастыри стали постоянного труда и молитвы, они скорее сами управляли церковной иерархией, чем ей подчинялись. В основном созданные по подобию афонских монастырей, они были общежительскими и испытывали сильное влияние новой афонской традиции исихазма»².

Формирование в Древней Руси новых социокультурных отношений, складывание новой религиозной традиции, все более сложная и глубокая социальное дифференциация требовали более современного и актуального

¹ Биллингтон Дж. Икона и топор. Опыт истолкования русской культуры. М., 2001. С. 59.

² Биллингтон Дж. Икона и топор. Опыт истолкования русской культуры. М., 2001. С. 59.

культурного и идеологического сопровождения. Язычество с его архаическим равенством людей перед силами природы и локальными культами, и практиками не могло соответствовать формирующейся картине реальности. Однако, еще долгие столетия народное сознание упорно сохраняло старые языческие поверья в своей повседневной жизни, изменяя и приспосабливая христианскую традицию и обрядность к привычным веками явлениям природы. Двоеверие стало узнаваемой отличительной чертой культурно-исторической традиции русского народа, оказывавшее несомненное влияние на протяжении долгого времени, вплоть до начала XIX в.: «...русская церковь впервые века своего существования была слишком слаба...последствием этого было то, что языческая русская старина слишком долго оставалась неприкосновенной и официальными мирно уживалась радом cформами новой веры. Продолжительность этого периода двоеверия, несомненно, составляет одну из особенностей русской культурной истории...В обществе, которое должно было еще приучиться хотя бы к соблюдению внешних форм религиозности, вера должна была приобрести характер обрядового формализма, ритуализма...»¹.

Другим культурным фактором, определившим развитие России и ее культурные взаимодействия, являются реформы Петра І. Эти реформы стали своего рода точкой «выбора» пути культурного развития, они определили выбор характер и специфику социально-исторических процессов на целые столетия, вошли в культурное ядро России. Выделим главные культурные события, предшествующие реформам Петра I, так как их наличие определило траекторию модернизационного проекта, который был реализован в России в начале XVI в. Основным событиями, определившими развитие русской культуры в XII–XV формирование стали формирование единой русской народности, предпосылок для создания единого языка и литературной традиции 2 , становление объединенного государства, ориентированного на борьбу за освобождение Как выдающийся ордынского метко заметил OT ига.

¹ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры: В 3-х т. М., 1994. Т. 2. Ч. 2. С. 472.

² Сохранились или в переработанном виде дошли до настоящего времени сказания о битве на Калке, о разорении Рязани Батыем, о Евпатии Коловрате, подвигах Александра Невского и Куликовской битве — они составляют героический эпос. К XIV в. были созданы былины о Василии Буслаеве, Садко, отражавшие вольнолюбивый характер новгородцев, богатство и силу их земли, на основе этого цикла появляется новый вид устного народного творчества — историческая песня.

отечественный историк Н. М. Карамзин «Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спаслась мудрым самодержавием»¹.

этой связи очень важно отметить, что фактор конфессиональную и культурную независимость, восстановление целостности единого древнерусского государственного пространства проводилась в тесной взаимосвязи. Кульминационного результата эти процессы достигли при правлении великого князя Ивана III, который сумел Московское княжество вывести на уровень крупнейших европейское держав (с 1476 г. Московское княжество перестает платить дань Золотой Орде, а после «стояния на реке Угре», ордынские ханы, де-факто вынуждены признавать независимость всей Московской Руси). Этому процессу активно способствовало укоренение и распространение на Руси социально-политической идеологии² символической преемственности Христианской империи, идущей от византийской традиции культурно-исторического доминирования и религиозного избранничества – «Москва – третий Рим». Благодаря активной политической и писательской позиции Филофея, монаха Елеазарова монастыря во Пскове, данная идеологема, вероятно, была предложена Филофеем царю Ивану III, хотя самое ранее, сохранившееся изложение этой позиции, содержится уже в письме от 1511 г. к Василию II, вот ее изложение – «Первый Рим пал от аполлинариевой ереси, второго Рима, Церкви Константинопольской, врата потомки агарян секирами порушили. А третий, новый Рим, вселенская Апостольская Церковь под сильным твоим правлением сияет светом православной христианской веры во все концы земли ярче солнца. Во всей вселенной ты – единственный царь христиан... Два Рима пали, третий стоит, а четвертому не бывать...»³.

Образование единого государства и освобождение от ордынской зависимости дало новый толчок развитию культуры, вновь, как в IX–XI вв., русская культура оказалась доступна разнообразным влияниям культурных практик, научных и технологических достижений, философским и религиозным

¹ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991 С 22

 $^{^2}$ Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI в. М.; Л., 1960. 532 с

 $^{^3}$ Цит. по: Малинин В. Н. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901. Прил. С. 54–55.

доктринам стран и народов Западной Европы. Эти факторы сформировали последующего фундаментальные предпосылки ДЛЯ реализации модернизационного культурно-исторической вектора отечественной традиции. Данная традиция по мнению Н. М. Карамзина тесно связала свою историческую судьбу, на данном этапе, с самодержавием, которое оказало определяющее влияние на российскую кратическую культуру: «Самодержавие есть палладиум России; целость его необходима для ее счастья; из сего не следует, чтобы государь, единственный источник власти, имел причины унижать дворянство, столь же древнее, как и Россия...»¹.

С другой стороны, в течение всего XVII в., в результате многих войн и конфликтов, территория России увеличилась достаточно сильно – за счет присоединения новых владений в Поволжье, Сибири, на Дальнем Востоке, а также Левобережной Украины. Однако, территориальное расширение имело не всегда однозначные, а зачастую и противоречивые последствия, последнее способствовало закреплению тенденций в развитии экстенсивных форм экономики и формированию жесткой социальной и кратической иерархии. По веским высказываниям многих авторитетных отечественных и зарубежных историков – Российское государство и общество данного исторического периода (Московское государство) во времена своего территориального расширения и религиозного подъема походило на общество «выжидающих возрождениев» ². Московская Русь представляется как простая, религиозная цивилизация, в которой, могущественная тем не недостаточно развито критическое мышление, нет четкого разделения властей и не установлены прозрачные и всеобщие юридические практики нормирования собственнических отношений В экономической жизни подданных политической жизни государства. Именно в данный период характеристика культурной традиции приобретает многослойный русской дифференцированный характер, помноженный на широкое внешнее географическое пространственное и внутреннее сословное расслоение: «Дело в том, что всякая культура многослойна, и в интересующую нас эпоху русская

 $^{^{1}}$ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 105.

² См., напр.: Биллингтон Дж. Икона и топор. Опыт истолкования русской культуры. М., 2001. 880 с.

культура существовала не только как целое. Была культура русского крестьянства, тоже не единая внутри себя: культура олонецкого крестьянина и донского казака, крестьянина православного и крестьянина-старообрядца; был резко обособленный быт и своеобразная культура русского духовенства (опятьтаки с глубокими отличиями быта белого и черного духовенства, иерархов и низовых сельских священников). И купец, и городской житель (мещанин) имели свой уклад жизни, свой круг чтения, свои жизненные обряды, формы досуга, одежду 1 .

Что же выступило в качестве предпосылок петровских реформ, чем были радикальные обшества? трансформации вызваны столь русского Организационная, экономическая и технологическая отсталость Россия к концу XVII в., отсутствие регулярной системы образования, развитых традиций светской культуры и фундамента для развития научных исследований – составляли серьезную опасность для независимости страны. Развитие промышленности, формирование нового экономического уклада, находилось в прямой зависимости от феодальной, крепостнической, традиции и практики организации, торговые и финансовые связи контролировались иностранными торговыми сообществами, купцами сельское хозяйство развивалось экстенсивно и было основано на подневольном труде крепостного крестьянина. Армия и флот только проходили начальную стадию регулярного становления, имели низкий уровень технического оснащения и численно были ограничены рамками дворянского ополчения. Государственный аппарат представлял собой сложный, неповоротливый, громоздкий механизм².

Вступивший на престол Петр Великий имел задачей построение сильного государства, с политикой которого считались бы на международном уровне. Для реализации этой амбициозной задачи нужно было сделать ставку на развитие образования, предпринимательства и государственного контроля. Однако не верно было бы рассматривать вопрос реформирования России только позиции первенства царя Петра Великий В данных Н. М. Карамзин указывает на подготовленность и предопределенность данной

¹ Лотман Ю. М. Беседы по русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начала XIX в.). СПб., 1996. С. 7. 2 См.: Седов П. В. Закат Московского царства, царский двор конца XVII в. СПб., 2006. 601 с.

линии задолго до того, как она стала реализовываться: «...мы, россияне, имея перед глазами свою историю, подтвердим ли мнение несведущих иноземцев и скажем ли, что Петр есть творец нашего величия государственного?.. Забудем ли князей московских: Иоанна I, Иоанна III, которые, можно сказать, из ничего воздвигли державу сильную, и, — что не менее важно, — учредили твердое в ней правление единовластное?.. Петр нашел средства делать великое — князья московские приготовляли оное» 1.

Реформы производились достаточно порывисто, без единого четкого плана, последовательности и во многом зависели от обстоятельств и ситуаций. Сверхзадачей реформ Петра Великого была победа в Северной войне (1700-1721), поэтому огромные силы были брошены на формирование обороноспособной армии и адекватной управляемой экономики. Но решение подобных «сверхзадач» и те методы, которыми царь активно пользовался, не могло не вызвать оборотных явлений в отечественной культурной традиции. Как правило, негативное отношение к результатам «петровской революции» мы можем видеть в развернутых и по-своему обоснованных взглядах евразийцев. Так, к примеру Н. С. Трубецкой откровенно считает, что, начиная с Петра, произошел раскол русского общества на два непонимающих друг друга лагеря: «процесс европеизации разрушил всякое национальное единство, изрыл национальное тело глубокими ранами, посеял рознь и затаенную вражду между всеми. Всего глубже была пропасть между простым народом, живущим еще обломками прежней национальной культуры, и слоями, уже начавшими европеизироваться. В отношениях между этими двумя слоями социальный момент смешивался с национально-культурным: барин был для простого народа не только представителем господствующего класса, но и носителем чужой культуры; мужик же был для так или иначе европеизированного или хотя бы только прикоснувшегося к европеизации человека не только представителем бесправного сословия, но и темным, дикарем. Так или иначе, в России эпохи европеизации никто не чувствовал себя совсем в своем доме: одни жили как бы

 $^{^{1}}$ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 32.

под иноземным игом, другие — как бы в завоеванной ими стране или в κ олонии» 1 .

Кроме того, была сделана серьезная ставка на подготовку кадров, образованных, компетентных, грамотных, мыслящих самостоятельно. Отправка перспективных молодых людей для обучения за границу не могла в полной решить проблему «нехватки кадров». Нужна была собственная качественная система образования. В данном контексте невозможно переоценить открытие Академии наук, которой затем покровительствовала Екатерина Великая. К ключевым достижениям времен правления Петра I и Екатерины II можно также отнести:

- 1) в особо значимую сферу научно-технического знания возводится инженерное дело. Такие кадры нужны были на флоте, на корабельных верфях, в архитектурном искусстве. За счет новых интересных проектов происходит архитектурная перестройка городов петровской России и закладываются новые города;
- 2) произошла «промышленная революция», в годы царствования Петра Великого функционировало более 200 промышленных предприятий, заводов, и часть из них были крупными. Благодаря такой поддержке стало возможно создание регулярной армии и активно действующего флота;
- 3) сформированная при Петре Великом система военной и гражданской службы (регламентированной и рационализированной бюрократии) на долгие годы станет основой управленческой и организационной основой системы государственной власти;
- 4) при Петре I произошла реформа по введению гражданской азбуки в противовес церковно-славянскому. Это произошло в 1710 г.;
- 5) была эффективно организованна и осуществлена юридическая реформа и стала использоваться новая европейская система правовой кодификации, правового нормирования и документооборота (областная реформа, судебная

 $^{^1}$ Трубецкой Н. С. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // Основы евразийства. М., 2002. С. 243.

реформа, церковная реформа, военная реформа, финансовая реформа и сословная реформа)¹;

6) тенденция к секуляризации художественного творчества и активная поддержка талантливых художников и зодчих государством, активно была введена в оборот светская эстетическая и литературная культура, распространение практики учебной и справочной литературы, появление централизованной системы периодической печати (с 1703 г. выпускается первая официальная русская печатная газета, появляются первые централизованные архивы).

Здесь уместно будет отметить, что именно в эпоху царя Петра Великого была заложена дипломатическая линия в отношениях с Китаем, нацеленная на нормализацию взаимодействия в сфере внешней политики и торговых обменов. В 1706 г. Петром I был издан специальный указ о неукоснительном соблюдении российскими подданными границы, установленной по Нерчинскому договору. Эта конструктивная установка на развитие дипломатических и экономических отношений была продолжена и закреплена подписанием в 1727 г. Кяхтинским договором. Посольство в Китай возглавил один из наиболее выдающихся дипломатов петровской эпохи С. Л. Владиславич-Рагузинский. Фактическим Буринский результатом ЭТОГО дипломатического визита стал подписанный 20 августа 1727 г. и, установивший линию прохождения границы между двумя империями². Данный договор играл важную роль, поскольку способствовал дальнейшему развитию межгосударственных российскокитайских отношений и устанавливал правила дипломатической переписке, которая велась с китайской стороны – Палатой внешних сношений, а с российской – Сенатом.

По распоряжению Петра Великого в 1712 г. в Пекин прибыла первая российская духовная миссия, эффективно действующая при реализации дипломатических, политических и коммерческих целей. Так как со стороны китайской администрации существовал запрет на непосредственную

¹ Крейкрафт Дж. Революция Петра: здания, образы, слова // Петр Великий / сост. и ред. Е. В. Анисимов. М., 2007. С. 84.

 $^{^2}$ Четыреста лет истории русско-китайских отношений: сб. ст. / ред. В. Г. Дацышен. М.; Берлин, 2014. Ч. 1. С. 33.

проповедническую деятельность, духовные миссии лица занимались преимущественно изучением языка (китайского И маньчжурского) наблюдением за правильностью освоения его студентами миссии. «Миссия несла служебную роль при азиатском департаменте, подготовляя переводчиков для сношения нашего правительства с китайцами. В начале, не имея в Китае своих представителей, русское правительство давало миссионерам поручения дипломатического или коммерческого характера, проповедь же отходила на третьестепенный план»¹.

Преобразования проходили трудно, патриархальной России требовалось время, чтобы оценить новации Петра I в науке, системе образования, экономике и художественной культуре. К сожалению, большинство таких нововведений стали достоянием лишь высших слоев населения, основная же масса населения России, первое время, воспринимала перемены как «чудачества» императора и своих господ. И все-таки неоспорим тот факт, что петровские реформы создали необычайный по степени перспективности импульс и для промышленности, и для армии, и для системы образования, и для компетентного продуманного государственного аппарата. Рационализация, модернизация и сама практика «расколдовывания мира» ² в истории отечественной культуры происходила реформаторскую деятельностью Петра Великого царя последователей. «Имелась и еще одна сторона жизни чиновника, определявшая его низкий общественный престиж. Запутанность законов и общий дух государственного произвола, ярчайшим образом проявившийся в чиновничьей службе, привели (и не могли не привести) к тому, что русская культура XVIII – начала XIX в. практически не создала образов беспристрастного судьи, бескорыстного справедливого администратора – защитника И угнетенных. Чиновник В общественном сознании ассоциировался крючкотвором и взяточником»³.

¹ См.: Ножин Е. К. Христианство в Китае. Исторический очерк // Историческая летопись. Первый Патриарх всероссийский Иов к 325 летию установления. СПб., 1914 . Кн. № 1–4. С. 60–61; Православие на Дальнем Востоке. Вып.1.: 275-летие Российской духовной миссии в Китае / отв. ред. М. Н. Боголюбов, арх. Августин (Никитин). СПб., 1993. С. 9.

² См.: Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. 808 с.

³ Лотман Ю. М. Беседы по русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начала XIX в.). СПб., 1996. С. 12.

При Петре Россия получает широкое международное признание. Обращение к реформам Петра I поднимает целый ряд вопросов, и среди них – о соотношении революционных (а такими и были по содержанию эти реформы) и эволюционных событий и преобразований. Закладывалась культурная матрица, сказалась на последующем развитии России и на характере Февральской и Октябрьской революций, последнее обстоятельство позволяет нам поставить важный вопрос о соотношении роли революции и реформы в культуре России. Середина XVIII столетия в России была ознаменована уже глубоким укоренением на отечественной культурной почве западных традиций и институтов. Именно плодотворное воспринятые и усвоение достижений западноевропейской цивилизации стало причиной прогрессивного И плодотворного развития русской культуры, которая теперь имела возможность развиваться в одной культурной парадигме с западной. Этот процесс ярко и содержательно иллюстрирует укоренение идей Просвещения в России, которые стали стимулом для формирования в культурной среде «протестных» настроений против рудиментов сословного общества и его сегрегационной культуры в XVIII в.: «...Наконец, между образованным обществом и простым народом, между европеизированной и неевропеизированной частями нации существовал широкий слой полуинтеллигенции, презирающей устои старого национального быта, но в то же время ненавидящей все более высокостоящие слои нации. Эта полуинтеллигенция не прониклась еще вполне европейской культурой, но успела уже усвоить в довольно упрощенном виде кое-какие европейские идеи, особенно легко усвояемые, и пропагандировала их в широких народных массах»¹.

В результате петровских реформ Россия пережила самую сильную волну культурного обновления и модернизационных трансформаций, основным достижением которых стал интегративный вектор развития отечественной культурно-исторической традиции по европейскому образцу: «Одна из особенностей всех действий Петра состояла в том, что он умел придавать демонстративный характер, не только своей фигуре, но и всему тому, что он

 $^{^1}$ Трубецкой Н. С. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // Основы евразийства. М., 2002. С. 246.

делал. То, что ему бесспорно принадлежит – это смена всей «знаковой системы» Древней Руси. Он переодел армию, он переодел народ, сменил столицу, демонстративно перенеся ее на Запад, сменил церковнославянский шрифт на гражданский, ОН демонстративно нарушил прежние представления «благочестивейшем» царе и степенном укладе царского двора, не только внеся во дворец рабочие инструменты и станки, но и заведя «всешутейший и всепьянейший собор», общаясь со шкиперами и плотниками, работая на верфях и выполняя обязанность бомбардира. Он разрушил церемониальность и степенность, заведя иные темпы жизни, создал новые представления и о времени, и о пространстве... Петр сознательно стремился к тому, чтобы оборвать все связи со старой Россией. Сохранившемуся он придавал отличные от прежних формы 1 .

Важным результатом стало усиление тенденций огосударствления общественной жизни Российской империи, в силу того, что само государство выступило в роли единственной заинтересованной стороны в проведении этих кардинальных реформ. Реформы Петра І заложили западно-центристский вектор развития России. Реализацию данной стратегии развития продолжили его последователи, из которых, традиционно, особенно принято выделять результаты правления императрицы Екатерины II, которая не только объявила себя преемницей Петра I, но и сознательно конструировала свою социальнополитическую и культурную политику в «петровском» духе. В России идеи Просвещения получили большую популярность, этими идеями была увлечена некоторое время и сама императрица Екатерина II. Состоя в переписке с видными французскими просветителями, она старалась, хоть и внешне, сформировать о себе мнение как о «философе на троне», как о монархе, для которого идеалы и ориентиры Просвещения выступают основой практики правления. Данный период развития отечественной культуры в основном тяготеет к проявлению ее высокой формы, очень точно определенной в своей сути Ю. М. Лотманом как «дворянской». Что же касается каждодневной жизни той среды, в которой жили Пушкин и декабристы, то она долго оставалась в

 $^{^{1}}$ Лихачёв Д. С. Петровские реформы и развитие русской культуры // Раздумья о России. СПб., 2004. С. 351.

науке «ничьей землей». Здесь сказывался прочно сложившийся предрассудок очернительского отношения ко всему, к чему приложим эпитет «дворянский». В массовом сознании долгое время сразу же возникал образ «эксплуататора», вспоминались рассказы о Салтычихе и то многое, что по этому поводу говорилось. Но при этом забывалось, что та великая русская культура, которая стала национальной культурой и дала Фонвизина и Державина, Радищева и Новикова, Пушкина и декабристов, Лермонтова и Чаадаева и которая составила базу для Гоголя, Герцена, славянофилов, Толстого и Тютчева, была дворянской культурой»¹.

Истоки и культурные корни революционной ситуации просматриваются уже в литературных настроениях и общественных мнениях уже XIX в. «Шестидесятые» годы XIX столетия подготовили культурную среду, в которой «революционное мышление» постепенно становиться стереотипной доминантой. В данное время актуально происходит «...складывание новой «предреволюционной парадигмы», основанной на господстве западнических социал-утопических, позитивистских, а затем и ранних марксистских идеях социальной революции и переустройства общество на основе идеи преодоления эксплуатации, освобожденного труда и социальной и антропологической эмансипации»². Именно в этот период вырисовываются траектории русской истории и культуры, реализация которых приведет к драматическим и даже трагическим последствиям, «...к ломке традиций, революционному решению назревших проблем, одиночество интеллигенции и ее утопизм, исчерпанность «цепи» насилий... XIX в. – это и надежда на сильную государственность просвещенных монархов, которым истину «с улыбкой» раскрывает художникфилософ, и европейские порядки, освоенные и «привитые» России, и «ускорение» истории все еще патриархальной страны, и вера в «птицу-тройку», способную своим завораживающим движением удивить и восхитить другие народы и государства»³.

¹ Лотман Ю. М. Беседы по русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начала XIX в.). СПб., 1996. С. 7.

² Кантор В. К. Русская классика или бытие России. СПб., 2014. С. 383.

³ Георгиева Т. С. Русская культура: история и современность. М., 2001. С. 131.

Начало XX в. для отечественной культурно-исторической традиции стало временем становления и развития новых, подчас революционных социальноэкономических, политических и культурных факторов. Капиталистический путь развития экономики и распространение парламентских форм политических практик, способствовали вместе с катастрофическими последствиями Первой мировой войны росту и распространению революционных настроений. Цикл революционных событий февраля – ноября 1917 г., по своей природе, стал условием коренного переустройства общественной системы России и ее культурно-исторической типологии. Для сущностной И обзорной характеристики отечественной культурной традиции рассматриваемого исторического периода, будет характерно формирование философской и культурологической рефлексивной антитезы, выраженной лаконичным эволюция?». Отечественный вопросом – «революция или социальный философии религиозный мыслитель Н. А. Бердяев В своем известном исследовании, написанном в жанре статьи – «Революция и культура» (1905), представил острый полемический ответ на не менее известную статью М. Горького «Заметки о мещанстве» и, одновременно, на программную работу «Партийная организация партийная ленинскую И (опубликованные одновременно в горьковской газете «Новая жизнь»)¹. Именно статье Н. А. Бердяев рассматривает русскую революцию, общественное явление, в котором неотъемлемо соединяются как социальнополитические, так и культурные проявления, их соединение носит, однако, противоречивый, драматический и конфликтный характер. В результате реализации революционных трансформаций в русской культуре главное противоречие, связанное co столкновением «правды социальной справедливости» и «неправды отрицания и вражды к благородным ценностям» культуры, не устраняется, а актуально укореняется, то есть, становиться формой разрушительного политического, антагонистического, литературного культурного дискурсов. Русский философ приходит к логическому заключению, что революция в России, в проекции к культуре и духовной свободе будет

¹ Горьковские «Заметки о мещанстве» печатались в газете «Новая жизнь» за 1905 г. (№ 1, 4, 12, 18), а ленинская статья – там же, в № 12 за 1905 г.

поддерживать и укоренять реакционную модель поведения, которую она в завершенном виде заимствует у консервативной самодержавной российской традиции (нигилизм, вандализмом и безвкусие – «культурное и политическое хулиганство», которые раскрывают и иллюстрируют культурные механизмы русской революции). Так, по мнению, Н. А. Бердяева, ведет свою актуальную генеалогию отечественный «...проект полицейской организации литературы, предложенный самоновейшим инквизитором г. Лениным», и горьковское философии, обвинение русской литературы, эстетики, нравственных религиозных исканий, самого гуманизма (включая даже творчество Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского) в «мещанстве»¹.

Яркий представитель русской литературной и философской традиции символизма А. Белый в своем философской работе «Революция и культура» (1917) 2 рассматривает и анализирует соотношение культурной практики «революции» и «эволюционной» модели культурно-исторического развития. По мнению писателя, можно выделить три актуальные сценария соотношения парадигмы «революция – эволюция», применительно к отечественной ситуации в начале XX в.:

- ситуация противостояния политики и культуры, когда «революция» рассматривается исключительно как политическое действие, в то время как «эволюция» – процесс творческого фундаментального сотворение культуры;
- процесс чередования революционно-политических предприятий и действий и эволюционно-культурных проявлений, здесь «революция» выполняет функцию источника социального развития и обновления «зачатия творческих форм» и разрушения старых форм, «эволюция» играет здесь роль творческое воплощение духа и оформление жизни;
- форма диалога революции и культуры, в котором происходит их взаимное влияние, одухотворение и обогащение, в форме взаимного проникновение «революционных» и «эволюционных» процессов в пространстве культурной истории.

¹ Цит. по: Бердяев Н. А. Революция и культура // О русских классиках. М., 1993. С. 253.

² См.: Белый А. Революция и культура. М., 1917. 30 с.

Таким образом, при последовательном и структурном рассмотрении совокупности формообразующих факторов культурных взаимодействий России, то можно выделить три ключевых сюжета – принятие православия как государственной религии и как следствие, складывание традиционной русской культуры, радикальные реформы императора Петра I и изменение вектора культурного развития в направлении вестернизации, наличие дихотомического соотношения эволюционной (реформаторской) и революционной линии в России. реализации культурного развитии Можно c уверенностью зафиксировать, что исходным и общим в реализации всех трех динамических точек культурного роста применительно к отечественной традиции будет географическое пространство России и его многообразный этнографический ландшафт, культурный уникальная одновременная открытость территории Северу и Югу, Западу и Востоку, достаточная предрасположенность к восприятию внешних идей и концепций, моделей поведения, стереотипов социального действия и образа жизни. Вот какой интересный вывод в отношении характера устроения отечественной культурной традиции делает Д. С. Лихачёв, когда охватывает обещающим способом многовековую социокультурную динамику: «Учитывая весь тысячелетний опыт русской истории, мы можем говорить об исторической миссии России. В этом понятии исторической миссии нет ничего мистического. Миссия России определяется ее положением среди других народов, тем, что в ее составе объединилось до трехсот народов – больших, великих и малочисленных, Культура России требовавших защиты. сложилась **УСЛОВИЯХ** многонациональности. Россия служила гигантским мостом между народами. Мостом прежде всего культурным. И это нам необходимо осознать, ибо мост этот, облегчая общение, облегчает одновременно и вражду, злоупотребления государственной власти» 1.

Таким образом, особенности культуры России формировались вокруг особого евразийского географического положения под воздействием европейского, византийского и восточноазиатского культурного влияния.

¹ Лихачёв Д. С. Мифы о России старые и новые // Раздумья о России. СПб., 2004. С. 55.

Открытость к восприятию новых идей и иного образа жизни, с одной стороны, и устойчивое противодействие культурной экспансии, с другой, сформировали ментальные черты сакрализации идеи национальной государственности. Коллективная общность народов сложилась в стремлении сохранить и защищать свою культурную уникальность. Даже сейчас, в начале XXI в., несмотря на многочисленные модернизационные проекты, реформы и трансформации идейным ядром российской культуры и ее духовным стержнем остается православие.

2.2 Определяющие факторы межкультурных взаимодействий современного Китая

Для того чтобы рельефно и контрастно выразить, и проанализировать базовые факторы моделей и стратегии межкультурного взаимодействия, реализуемого современным Китаем, необходимо выделить два момента – это целевые ориентиры китайского общества и китайская культурно-историческая делающая традиция, результаты рассматриваемого межкультурного взаимодействия приемлемыми и легитимными. Именно эти факторы стали основанием для выстраивания траектории отношения современного Китая с другими народами и государствами в период реформирования китайского общества и его экономической модернизации: «...китайские руководители, обобщив международный опыт и уроки развития страны за предшествующие 30 лет, сделали выбор в пользу проведения политики реформ и открытости, строительства «социализма с китайской спецификой». Чтобы окончательно покончить с мифологией так называемого уравнительного социализма бедности, который проповедовала «банда четырех», в качестве первоочередной цели была поставлена задача построения общества средней зажиточности – «сяокан»¹.

_

¹ Титаренко М. Л. Россия и Китай: стратегическое партнерство и вызовы времени. М., 2014. С. 134–135.

К набору целевых ориентиров современного китайского общества можно отнести несколько базовых сюжетов - это: мечта о культурном возрождении Китая и преодоление последствий колониальной политики западных стран и японской интервенции, укрепление суверенитета китайского государства и восстановление территориальной и национальной целостности (проблема Тайваня и преодоление сепаратной политики гоминьдан), объединение всех социальных слоев и этно-конфессиональных групп населения Китая вокруг идеи служения «сильному государству», укрепление авторитета Китая в международных отношениях И преодоление последствий внешней конфронтации с США, Россией, Японией, Индией, Вьетнамом – политика «мирного периода», укрепление и рост китайской экономики, формирование энергетической финансовой независимой И политики, увеличение имущественной состоятельности граждан и формирование внутреннего «глубокого» рынка потребления для «богатого народа», «среднезажиточного общества» - «сяокан» (хотя дословно этот термин переводиться как «малая достаточность» – «малое процветание» и имеет прямое отношение к конфуцианской этике разумного потребления). Этот термин заимствован из традиционной конфуцианской философии И используется качестве социального, экономического и гуманистического ориентира при планировании и реализации программы общественного развития. «Сяокан» – это модель идеального общества, общества, где имущественное расслоение не носит контрастного и конфликтного характера, а бедность искоренена, такой эскиз «среднезажиточного общества» отражает глубинные китайские культурные стереотипы и установки на переход общества из состояния «хуньлуань» (хаос) в состояние «сяокан» (малое процветание или, иначе, общество приемлемого состояния). Данное понятие «сяокан» впервые было использовано в древнем сборнике песен «Шицзин» («Книге песен»). Составление, отбор и редакция сборника, который содержит 305 песен И стихотворений, данного ориентировочно написанных в XI–VI вв. до н. э., традиция приписывает самому Конфуцию.

В конфуцианской традиции понятие «сяокан» использовалось с целью указания на определенные характеристики социального устроения – «уютном, упорядоченном обществе», в основании которого лежит фактор дружбы и добрососедских отношений между отдельными семьями в большой общине. Для древнекитайской традиции «сяокан» корректно рассматривать как модель идеального общественного устройства, которое предшествует справедливому типу общества – «да тун», для которого свойственно полное упразднение классового разделение, равенство и свобода. На основании данной культурной установки и доминирующей традиционалистской пропозиции, в официальную лексику современного политического и кратического дискурсов Китая вошло достаточно большое число терминологических единиц, взятых традиционного языкового ряда древнего периода: «...развитие Китая направлено на построение общества малого достатка (сяокан) – это прямое терминологическое заимствование из конфуцианской классики. В 2005 г. на первое место в заявлениях китайских лидеров вышли лозунги движения к гармоничному обществу (хэсе шэхуэй). Здесь прослеживается связь традиционными конфуцианскими ценностями срединности и гармонии (хэ). В обновленную концепцию гармоничности входит политическая стабильность, уменьшение имущественной поляризации обществе, поддержание экологического баланса, равномерное развитие регионов. Как и в классическом наследии, современная гармонизация охватывает отношения между человеком и государством, между людьми, а также между человеком и природой» 1. «Саркан» – именно данная философская конструкция и поэтическая метафора, заимствованная из древней конфуцианской книги песен и стихотворений «Шицзинь», послужила сюжетной основой и содержательным наполнением доклада Ху Цзиньтао (на тот момент, новоизбранного генсека ЦК КПК), который данную идею превратил в основной тезис своего выступления в 2002 г., что нашло отражение в докладе «Всесторонне вести строительство среднезажиточного общества и создать новую обстановку для дела социализма с китайской спецификой» на XVI съезда КПК. Надо отметить, что построение

¹ Дугарова С. Б. Государство и общество в условиях трансформации: ценности КНР на современном этапе // Гуманитарный вектор. Сер.: Философия, кульутрология. 2013. № 2. С. 44–46.

общества «сяокан» было ключевым ориентиром общественного, политического и экономического развития современного Китая и в предыдущие годы, как отмечалось в докладе Цзян Цзэминя (прежнего генерального секретаря ЦК КПК) – «...задачи последнего десятилетия ХХ в., будут являться задачами Китая и на первое двадцатилетие нынешнего века»¹.

Во второй половине 70-х гг. ХХ в., в КНР увидела свое начало реализация политика «глубокого реформирования», которая сопровождалась экономической линией на открытость «внешнему миру». Генеральный секретарь ЦК КПК – Дэн Сяопин в своей партийной риторике, в данный период, начинает активно использовать термин – «сяокан», для концептуальной и пропагандистской характеристики китайской модели модернизации, обеспечить к концу XX в. «Переломным моментом в модернизационном процессе становится принятие новой политики «четырех модернизаций» в 1978 г. В Китае был взят курс на постепенное, поступательное, эволюционное развитие. Сам процесс реформ был охарактеризован Дэн Сяопином как «вторая революция» после 1949 г., но революция, не направленная на слом старой надстройки и против какого-либо общественного класса, а революция в смысле революционного обновления социализма на его собственной основе путем самосовершенствования. Новое звучание получает понятие «сяндайхуа» -«модернизация», оно используется наряду с понятием «гайгэ» – «реформа» и «кайфан» – «открытость». Модернизация становится понятием, объединяющим системные экономические, политические И социальные происходящие в последние три десятилетия в стране с крупнейшим в мире населением»². 6 декабря 1979 г., во время встречи с премьер-министром Японии Масаеси Охира, – Дэн Сяопин использовал понятие «сяокан», указывая на характерные для Китая ориентиры и критерии модернизационного процесса, отличного по своему культурному фундаменту и исторической традиции от модернизации вестернизированного типа, воспринятого Японией от стран западных колониальных держав и американской экспансионистской доктрины. А уже в октябре 1987 г., во время работы XII съезда КПК концептуальный тезис

¹ Цит. по: Дейч Т.Л. Африка в стратегии Китая. М., 2008. С. 15.

² Бальчиндоржиева О. Б. Модернизация Китая: антропологическое измерение // Вестник Северо-Восточного федерального университета. 2014. Т. 11. № 2. С. 83.

«сяокан» был сформулирован, рассмотрен и официально принят как важнейшая стратегическая линия социалистической модернизации тогдашнего Китая. Таким образом, на протяжении последних 30 лет наблюдается последовательная и планомерная кропотливая работа по реализации базовой цели – «всестороннее строительство общества сяокан». Идеи Ху Цзиньтао и Цзян Цзэминя восходят к ранней формуле упорядочивания и реформирования китайского общества, которую выдвинул еще в 70-е гг. XX в. Дэн Сяопином – «строительство общества сяокан», предусматривающего, прежде всего, экономический рост китайской промышленности и увеличение производства ВВП на душу населения до 800-1000 долларов. «В Китае прекрасно понимают, что любые реформы нельзя пускать на самотек. Ведь реформы проводятся людьми, являющимися субъектами собственной истории. Но реформы – не самоцель. Они проводятся для людей, для улучшения их жизненных условий. Поэтому китайское государство регулирует процессы реформирования и модернизации народного хозяйства. В этой связи нельзя не отметить, что в Китае прекрасно понимают необходимость сохранения преемственности, сохранения всего того позитивного, что было создано предыдущими поколениями. Реформа не есть просто уничтожение прежних ценностей. Реформа предполагает диалектическое снятие того, что мешает дальнейшему развитию, и сохранение того, что способствует прогрессу»¹.

таком ракурсе понимания современной китайской стратегии осовременивания общества и государства отчетливо просматривается тенденция к адаптации различных модернизационных, вестернизационных идеологий и социальных прожектов, сформированных в пространстве западной культуры, к долгосрочным перспективам культурного и исторического развития Китая. Каждая такая, на первый взгляд, не совпадающая по направленности и модернизационная содержанию доктрина: националистическая, коммунистическая, социалистическая, реформистская, глобалистская – сводятся к традиционной китайской культурной максиме: «сильное государство, богатый народ». Именно данная максима должна быть достигнута при реализации всех

¹ Лю И. Глобализация и китайские реформы // Философия и общество. 2005. № 3. С. 140.

выше перечисленных заимствованных направлений интенсивного социальноэкономического развития. На протяжении нескольких последних десятилетний определенно ракурс приоритетного существенно менялся современного Китая, глобальная стратегия Пекина меняла ориентационную направленность тенденции доминирования В геополитической c идеологической сфере, на развитие И укрепление международного экономического могущества. Последнее обстоятельство вовсе не снижает наличие скрытых и явных геополитических и идеологических претензий, однако, трансформирует их под влиянием доктрины «сяокан» в русло международного влияния и альтернативности развития китайской модели культурного развития. «Характерным модернизационным эффектом, связанным модернизации Китая, мировоззренческими основами ОНЖОМ преодоление противоречий, возникающих в процессе преобразований. Согласно Ту Вэймину, Поднебесная адекватно восприняла неизбежные дилеммы «капитализм/социализм», модернизации: «сельское хозяйство/промышленность», «восточная культура/западные ценности» и др. Идея особого национального пути, а отнюдь не «проекта» модернизации, разворачивающегося в долгосрочной перспективе, убежденность в следовании своей культурной уникальности определили эффект снятия противоречий. Согласно Ту Вэймину, «...мы находимся в довольно сложном положении, нам предстоит преодолеть три преобладающие, но устаревшие дихотомии: традиционное – современное, западное – не западное, локальное – глобальное» 1. Также Китай успешно решает нравственную дилемму противопоставления долга-справедливости и пользы-выгоды, что приобретает особую актуальность в условиях современной экономики, соответствующей при совпадении с интересами общества долгу»².

Интенсивное развитие и усложнение глобализационных процессов в современном мире, влияние данного процесс на отдельные локальные культуры, на модели и стереотипы поведения людей, их культурные традиции и

¹ Ту Вэймин. Множественность модернизаций и последствия этого явления для Восточной Азии // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. М., 2002. С. 236–250.

² Данилов С. А. Духовные основания политического порядка в опыте России и Китая // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т. 14. Вып. 2. С. 22–23.

их устойчивые способы мировосприятия, этико-эстетические основы жизни, стремительный рост коммуникационных и информационных технологий формулируют перспективу проблемы исследовательскую культурного взаимодействия, которое осуществляется на почве исторической традиции конкретного народа ИЛИ социальной общности. Именно современная культурология, опирающаяся на социально-психологические лингвистические, исторические и экономические исследования, социальные и политические теории, доктрины в области философии культуры, позволяет комплексно выявлять условия, при которых возможен продуктивный синтез в культурного взаимодействия, возможна реализация среде оптимальных стратегий и тактик межкультурной коммуникации, реально формируется фундамент для развития диалога культур.

Генеральная стратегия «мирного возвышения» Китая, ее экономическая, политическая, идеологическая И технологическая форма воплощения непосредственно связана с предпочтением культурного воздействия на мировой арене. Способ внешней коммуникации – с народами, культурными практиками идеологемами Китай выстраивает на основании собственных И социокультурных установок и приоритетов. «Помимо роста транскультурных контактов, еще одним следствием глобализации стало появление новых Прежде участников таких отношений. всего, ЭТО транснациональная корпорация, с ее корпоративной этикой, которая способна оказать влияние на культуру тех стран, где развернула свою деятельность та или транснациональная корпорация. К новым явлениям транскультурных контактов следует отнести и международный туризм, и миграцию, когда огромные массы людей непрерывно перемещаются по планете в поисках новых впечатлений или лучшей жизни. В настоящее время практически ни один человек, ни одна общественная структура или организация не могут избежать контакта с другими культурами. Поиск путей и форм для реализации целей продуктивной и, самое главное, мирной межкультурной коммуникации выходит на первый план в

числе первостепенных задач, стоящих перед мировым сообществом в XXI в.» 1. Наличие четко определенных целей и видение перспектив данного процесса определяется содержанием культурного И исторического фундамента китайского общества, в котором существенное место занимают этнические традиции, культурные стереотипы, современная национальная идентичность и конфуцианская этика. Китайскую культуру и современную, и традиционную корректно рассматривать как «культуру Дао», которая обладает способностью пластично и содержательно взаимодействовать с иным культурными средами и цивилизациям, сохраняя, при этом, свои традиционные ценности — базовый ценностный этический и эстетический компонент в структуре личности, коллективную идентичность (как основание «самосозидания» особой типологии личности), культивирования значимости семейных отношений, особая модель трудовой этики, отношения к процессу и результатам труда, организация иерархии образовательных практик и досугового культурного компонента. «Особенность китайской культуры состоит в том, что она проявляет и осознает себя В двух срезах: привычной ДЛЯ Запала линейной ретроспективе/перспективе специфической ДЛЯ Китая И В модели «социоприродного пульсара» (термин А. Е. Лукьянова). Традиционная пластичность китайской культуры, ее умение «быстро меняться, не меняясь» (максима Конфуция) дает возможность представителям данной цивилизации на всем протяжении ее развития сохранять устойчивую систему коммуникативных стереотипов, обеспечивающих узнаваемый стиль китайских коммуникативных $\mathsf{практик} ^2$.

Изучение актуальных стратегий межкультурных взаимодействий России и Китая осложняется обширным богатством историко-культурных традиций обеих стран. Необходимо очень подробно проанализировать потенциал и тенденции взаимных интересов с перспективой на ближайшие несколько лет. Причем важным направлением такого анализа может стать языковая,

¹ Чумаков А. Н., Стычинский М. С. Международные аспекты транскультурной коммуникации в контексте российского и китайского опыта // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2016. № 4. С. 6–13.

² Нестерова, О. А. Современные коммуникативные практики в пространстве российско-китайского межкультурного взаимодействия: дис. ... д-ра филос. наук: 24.00.01. М., 2010. С. 12.

эстетическая и литературно-философская сферы, их сравнение и нахождение точек соприкосновения.

Анализ взаимодействия России и Китая весьма актуален и может иметь прикладное значение, потому что в мировом геополитическом и культурном пространстве Россия и Китай выходят на позиции реализации самостоятельной и уверенной политики, которая способствует расширению сферу взаимного влияния и делают процессы сотрудничества перспективными. В условиях современной глобализации формируются не только новые стереотипные мировоззренческие проекции, но и изменяется отношение и восприятие людьми и сообществами своей культурно-исторической традиции. Под влиянием И интенсивным воздействием развивающихся новых коммуникативных технологий аппаратных средств закладываются определенные новые лингвистические культурные стандарты международного общения начиная со второй половины XX в., но наибольшего масштаба эти тенденции достигли в начале XXI в. Характерной чертой медийного и информационного развития современного Китая является не только прямолинейное следование определенным и стандартизированным нормам постиндустриальной цивилизации, но и стремление к сохранению и воспроизводству уникальных особенностей своей автохтонной культурной традиции и антропологической модели: «...Китай – не только страна древнейшей цивилизации, но и страна, устремленная в будущее. А это будущее китайского общества, реформой связано модернизацией cсовершенствованием всех общественных отношений, культуры, политических и экономических структур и т.д. Реформа, естественно, осуществляется в условиях глобализации. В Китае понимают, что надо идти в ногу со временем и поэтому необходимо трансформировать общественную жизнь таким образом, чтобы она соответствовала новым реалиям, и вместе с тем сохранились китайские традиции, китайская культура и китайский менталитет. Иначе говоря, китайцы в глобализирующемся мире хотят сохранить свою национальную идентичность»¹. Воспроизведенная установка, которая реально реализуется в

¹ Лю И. Глобализация и китайские реформы // Философия и общество. 2005. № 3. С. 137.

культурной стратегии современного Китая во взаимодействии с другими странами и народами во многом определяет характер, качество и направленность организации пространства межкультурного диалога, расширение которого мы можем наблюдать сегодня, практически в режиме реального исторического времени.

В основании культурной стратегии выстраивания взаимодействия современного Китая лежит практика модернизации, которая реализуется в истории Китая последние 120 лет, как минимум. Истоки данного явления можно было наблюдать еще в начале XVIII в., когда в китайском обществе интенсивно стал происходить процесс концентрации земельных владений в руках крупных землевладельцев. Параллельно происходил процесс становления и широкого распространение мануфактурных производств, в основном на основе частного владения, последнее стимулировало распространение наемного труда. Но несмотря на это обстоятельство, китайское государство часто вмешивалось в вопросы экономического сектора, определяя порядок и характер производства и реализации произведенных товаров.

Первые системные мероприятия и продуманные решения по политике модернизации страны Китай стал предпринимать, начиная с 60-х гг. XIX в. В традиционной историографии и социальных оценках данная стратегия получила название «политика самоусиления» и в свое время получила широкое одобрение и поддержку в китайском обществе. Сторонники данной политической и идеологической линии реформирования и коренной модернизации китайского общества считали, что активное использование иностранного опыта военного, экономического, технологического И научного, может стать залогом сопротивления китайского государства империалистическому давлению со стороны развитых стран Запада. Теоретическая и мировоззренческая установка «политики самоусиления» выстраивалась на традиционном для китайской цивилизационной модели тезисе – политический строй и устои культурного сознания должны быть неизменны, а организация технологических циклов и военное оснащение и принципы подготовки специалистов в науке можно ограниченно заимствовать. Основу такой версии китайской модернизации составляла политика опоры на нарождающуюся национальную буржуазию, ее частный капитал и координацию в мероприятиях с государственным капиталом, находящимся под контролем центрального и провинциального чиновничества Китая (модель индустриализации, основанная на типе «смешанного устроения» предприятий для снижения экономического риска). В Китае активно и объекты, повсеместно стали строиться промышленные добывающие предприятия, верфи, арсеналы для перевооружения армии на европейский манер. Данный процесс, несмотря на решительность властей в его проведении, все же, не был столь силен, чтобы радикально изменить облик китайского общества. Вся дальнейшая история Китая в XX в. строилась на учете опыта развития в подобном направлении.

Эта практика носит многогранный и неоднородный характер, так как необходимым образом адаптируется и учитывает региональное неравенство и культурное разнообразие китайского цивилизационного ареала. Выступая частью всемирного процесса модернизации, китайская, как, впрочем, и российская, модель может, безусловно, характеризоваться как асинхронная и вариативная, для которой характерно разнообразие способов осуществления. В России и Китае проживают представители различных этнических, языковых и конфессиональных групп, их культурное и антропологическое разнообразие достаточно высоко, последнее создает многофакторные обстоятельства и характеристики интенсивности реализации сценария ДЛЯ социальной модернизации. «Культурная модернизация – всемирный тренд, о культурном разнообразии можно сказать то же самое. В ходе модернизации Китая необходимо рационально относиться к асинхронности развития и культурному разнообразию – говоря конкретнее, к последнему требуется относиться с уважением, внедрять общепринятые НО при ЭТОМ нормы ликвидировать разрывы между богатыми и бедными и региональные разрывы, поддерживать гармонию в обществе» 1.

В контексте вышесказанного будет уместным рассмотреть фундаментальные основания китайской культурно-исторической традиции, ее

¹ Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001—2010) / пер. с англ. под общ. ред. Н. И. Лапина. М., 2011. С. 246.

особенности формирования, укоризненности и в и внутренней неразрывной связи с природно-географическими условиями возникновения – «внешнего» культурного, ландшафтного пространства. Другой важной стороной нашего исследования станет анализ «внутреннего» пространства традиционной китайской культуры – религиозных представлений, этических установок, политических И кратических убеждений, эстетических ориентиров, философских исследований и научных открытий, хозяйственных практик и военных предприятий, которые неразрывно связывают культуру древнего Китая и современной глобальной цивилизационной стратегии КПК, во внутренней целостной и гармоничной системе конфуцианских стратегем. Именно в соединении «внешнего» и «внутреннего» культурного пространства Китая, его многообразной фактологии и исторической эмпирии кроется «тайная» рецептура цивилизационного долголетия и гибкой метаисторической установки выживания и взаимодействия. И наконец, условным «третьим элементом», объясняющим практическую сторону реализации данной метаисторической китайской установки станет рассмотрения традиционной специфики установления культурных, экономических и политических контактов с представителями иных цивилизационных сред и культурных общностей – общение и форма взаимодействия с носителями «чужой» культуры иностранцами.

Истоки китайской цивилизации, основанной на древней традиции земледелия — в географических особенностях центрального района Китая, района, организованного ландшафтными характеристиками великой реки Янцзы, которая делит всю страну на север и юг. Севернее от данного региона лежит Великая Китайская равнина, по которой протекает другая крупная река Китая — Хуанхэ. В течении многих веков природный фактор этих двух рек определял хозяйственный уклад древнего Китая, связанного с строительством многочисленных дамб и поливным земледелием. Именно это технологическое обстоятельство легло в основу ирригационной практики, которая способствовала быстрому процессу централизации государства и складыванию традиции великой «речной» цивилизации. В южной и юго-восточной части

древнего Китая, с ярко выраженным субтропическим климатом складывается традиция террасного земледелия и культивирование чая. Наряду с земледелием в Китае с древних времен получили развитие ремесла и торговля, центрами становились города. В. В. Малявин пишет: «Однородность которых хозяйственного уклада великой земледельческой империи обусловила и повсеместное распространение единого типа поселений в древнем Китае. Еще на рубеже новой эры средние и мелкие города на равнине Хуанхэ по своей застройке почти не отличались от деревень в собственном смысле слова. И те, и другие имели форму прямоугольника или квадрата, обнесенного земляным валом с четырьмя воротами, Большинство жителей даже крупнейших городов имели свои поля за городскими стенами, а порой и в городской черте»¹. Этот же автор отмечает: «С рубежа II тыс. н. э. облик китайских городов разительно меняется. Империя переживает «городской бум», вызванный бурным ростом ремесла и торговли. Резко возрастает число городов и численность горожан, достигшая в наиболее развитых районах максимальной для старого Китая цифры 15-20 % населения. Крупнейшие города империи насчитывали до миллиона и более жителей. Не будучи в состоянии вместить всех переселенцев из деревни, города выплескивались за свои стены, обрастали посадами и городами-спутниками»². Необходимо учитывать, что китайская культурноисторическая типология уже много столетий привязана к городской типологии образа жизни, мышления и поведения. В такой ситуации, очень специфическую роль будет играть фактор организационно-правовой модели устроения характер городской жизни в традиционном Китае. «Система городских кварталов отмерла, и города стали делить просто на секторы со своими органами управления, выполнявшими функции полицейского участка, суда и пожарной охраны. Одновременно торговля распространяется по всему городу»³.

В начале новой эры централизованное государство и конфуцианская религия в Китае превращаются в единую политико-административную, идеологическую и религиозную систему представлений, особенностью которой являлось закрепление традиционных общественные нормы и контроля над

¹ Малявин В. В. Китайская цивилизация. М., 2001. С. 488.

² Малявин В. В. Китайская цивилизация. М., 2001. С. 490.

³ Там же. С. 490.

подданными императора. В традиционном Китае на основе конфуцианства были выработаны нравственные критерии для оценки поступков человека в самых разнообразны сферах социальной реальности – от повседневного обихода – до государственных и политико-юридических практик. Несомненно, что в первую этика послужила культурным конфуцианская фундаментом кратической технологией для формирования модернизационной стратегии и последовательности системно взаимодействующих социальных институтов и духовно-нравственных ценностей в Китае. Без привязки этической иерархической идеологии конфуцианства китайской государственности невозможно было «...получает мощный ресурс поддержки у общества, а бюрократический сильный аппарат ЭПОХИ Mao был адаптирован модернизационным задачам конца XX – начала XXI в. В опыте России и Китая мотивированность должна быть сформирована у властных элит, выступающих в качестве генераторов модернизации. В ходе китайской модернизации для каждой социальной группы был найден мотиватор, обеспечивающий участие и включенность в модернизационные процессы»¹.

Идеология конфуцианства и его роль в формировании китайской традиционной модели идентичности. Огромную роль в формировании китайской культурно-исторической традиции и национальной идентичности играло и продолжает играть конфуцианство. Для понимания преемственности между традиционной культурой Китая И его коммунистической, реформаторской формой воплощения важно осознавать, что «...социалистическая идентичность в китайских реалиях, в отличие от российского советского периода, не насаждалась взамен традиционной, а себя значительную традиционных часть И конфуцианских представлений» ² . Видный китайский исследователь Сяо считает, что «...коллективная социалистическая идентичность зиждется на тройственном представлении о коллективизме в Китае: коллектив как «семья» в ее традиционном понимании, коллектив как «поднебесная» в конфуцианском

¹ Данилов С. А. Духовные основания политического порядка в опыте России и Китая // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т. 14. Вып. 2. С. 22.

² Кучинская Т. Н. Социокультурная идентичность Китая в эпоху глобализации // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 14. С. 150.

представлении и, наконец, коллектив как «государство», формируемое идеологией $K\Pi K$ »¹.

Конфуцианство возникает на рубеже VI–V вв. до н.э., в Китае как важнейшая религиозно-мировоззренческая система. Ee основателем проповедник Кун-цзы, известный как Конфуций. Этическая философия и социальная пропозиция классического конфуцианства была направлена на выявление и устранение причин и оснований, ведших общественный строй и государство к утрате нравственного порядка. Конфуций считал, такие базовые добродетели как – верность, послушание и почитание родителей и старших должны стать основой для конструирования и реализации социальной программы. Из этого следует, что модель иерархизированных отношений, на основе заповедей «почитания» и «послушания», должны стать заново основой Неизменность социокультурного порядка. социального, культурного космического порядка Конфуций объяснял онтологической моделью, в рамках которой каждому человеку отведено строго определенное место как в мироздании, так и в обществе, такие структурные характеристики мира носят вечный и неизменный характер. Соответственно, поведенческая модель в конфуцианском обществе определяется объективной и всеобщей природой моральных установлений и социальных предписаний. «Универсальность конфуцианства как корпуса этических принципов, позволяет функционировать в качестве духовно-нравственного фундамента социальной жизни при различных политических режимах. Этический ресурс конфуцианства обращен в особенности к субъектам власти, призывая их к нравственному совершенству в условиях модернизации, и может быть сам модернизирован и адаптирован к меняющейся реальности. Духовный потенциал конфуцианства выступил как средством контроля власти, так и ресурсом самой власти, а коммунистическая идеология стала ресурсом, обеспечивающим властным элитам возможность модернизации, ее легитимность»².

По мнению Конфуция, нравственный авторитет правительства и всего государственного устройства определяется симметрией и взаимной

¹ Там же. С. 150.

² Данилов С. А. Духовные основания политического порядка в опыте России и Китая // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т. 14. Вып. 2. С. 23.

гармонизацией отношений правителей и подданных. Именно государство и его распространения властных практик предопределяет поведение ИΧ Строгая подданных жизненный уклад. регламентация последовательность обязанностей каждого человека в обществе – является залогом сознательного соблюдения традиционных ритуалов и почтения этических норм, которые за ними скрываются. Традиционализм Конфуция опирается на культ предков и широко распространенную в традиционном Китае практику сохранения исконных устои социального уклада, который находит свое воплощение в старинной манере обрядовых церемоний, ритуалов и регулярных священных действий. Иерархические ориентиры и установки, укоренившиеся в конфуцианской социальной и этической традиции, выступают современной китайской кратической практике, устойчивым сегодня, конструировании лейтмотивом при актуальной социально-политической идентичности: «...в разное время и в различных условиях отдельные элементы китайской В идентичности играют свою изменяющемся, роль. глобализирующемся и регионализирующемся мировом пространстве китайская идентичность все больше опирается на государственные политические и экономические стратегии развития, использующие традиционные культурные ценности в качестве императивов развития. Как одна из форм социальной идентичности национальная китайская идентичность ЭТО трансформирующийся в течение всей истории развития китайской цивилизации феномен, результат социального воспроизводственного Рассматриваемая проблема — это проблема появления «гибрида» как результата глобальных трансформаций. Согласно социальной теории идентичности, китайская национальная специфика представлена сложной конструкцией, с множеством элементов, некоторые из которых сложились несколько тысяч лет назад, другие генерированы совсем недавно» 1.

Политические взгляды и философская концепция Конфуция может быть рассмотрена как своеобразный свод правил, моральных установок, в основе которых лежала идеализация древности, практика жесткой необходимости

¹ Кучинская Т. Н. Социокультурная идентичность Китая в эпоху глобализации // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 14. С. 153.

соблюдения установленных норм жизни и культивирование обязательного повиновения старшим по возрасту и должности. Таким образом, в течение нескольких веков, конфуцианство из популярной философской школы, превратилось в господствующую идеологию и центральную «государственную религию». Данная религиозная традиция создала условия для символического принятия идеи тотального господства и подчинения, ее важнейшим догматом стала практика обожествления императора И сакрализация власти. Конфуцианство не имело в своем составе особой сакральной касты жрецов, так как эти функции были возложены на всех государственных чиновников, включая самого императора. Последнее требовало от них быть грамотными и эрудированными людьми, досконально ориентирующимися в догматах и конфуцианства, доктринальных положениях поэтому грамотность Китае особой традиционном считалась социальной привилегией, принадлежащей, прежде всего, государственным чиновникам, которое играло самую важную роль в системе управления, выступая как «ученое сословие».

Конфуцианство было не единственной господствующей доктриной, определявшей специфику духовной жизни традиционного Китая. Можно выделить еще несколько философских и религиозных систем, которые имели кардинальное влияние на культурно-историческую традицию Китая — это даосизма и легизм, изначально возникшие в Китае, и буддизма, привнесенный из Индии. В сложноорганизованных религиозных взглядах нашли свое отражение менталитет китайцев, корни которого имеют многовековую историю: терпение, послушание, культ старших.

Так же важной чертой культурной организации традиционного китайского общества выступала строгая социальная, имущественная и сословно-профессиональная регламентация. Статус отдельного человека как личности не представлял самостоятельной культурной ценности и принижался на фоне государственных и коллективных интересов. В центре внимания в социальной и политической практике традиционного Китая всегда на первое место выдвигалось общество и государство, а не индивидуум. Обостренное внимание к вопросам социального порядка и общественного устройства —

маркер китайского традиционного мировоззрения, его основу составляли проблемами и пути их разрешения, связанные с организацией гармоничной и оптимальной формой государственной власти, эффективных способов государственного регулирования жизни подданных.

Таким образом, высшей социальной ценностью выступает тип общества, в котором институт государственной власти и его иерархические структуры – стоит на первом месте, поэтому такие ценностные ориентации как социально обусловленное знание, кратическая иерархия, религиозные и политические ритуалы, социальное умиротворение, патриархальный порядок и культурный выступают узнаваемыми традиционализм, И отличительными чертами китайской цивилизации. Эти разительные черты и яркие культурные контрасты позволяли китайцам многие столетия и даже тысячелетия отличать свою культурно-историческую типологию и жизненный уклад от иных культурных сред. Вырабатывается стереотипная точка зрения, согласно которой, китайская цивилизация – это «срединное царство», окруженное варварской периферией, не обладающей сколь либо значимыми и ценными, в социокультурном плане традициями и достижениями. Социальное сознание традиционного Китая может представлено через характеристику «коллективизма» и «традиционализма», в котором место личности вторично и подчиненно, а семейные, клановые, корпоративные и государственные интересы доминируют в модель культурного поведения.

Следовательно, китайская культурная традиция обладает свойственным только для нее, возможно уникальным, корпусом формообразующих факторов культурных взаимодействий, к ним можно отнести: наличие устойчивой территориальной организации, конституирующей организацию ирригационной сооружений, естественно последовательно объясняет системы что, централизацию И сакрализацию власти, консолидацию сословного иерархически организованного, но в то же время гармонизированного общества в древнем и современном Китае. Действие этих факторов привело к тому, что характерная траектория развития корневой культуры в Китае приводит к величайшим достижениям в технологиях, науке, искусстве (письменность, бумага, шелк, порох, магнит и т.д.). Однако, данную типологию научного мышления и способа рациональной организации деятельности нельзя уподоблять ныне господствующему европейскому типу, он иной, нежели чем в Европе, европейский тип модернизации и культурной трансформации оборачивается для Китая попытками ведущих западных держав превратить его в собственную колонию. Оригинальное и самобытное культурное ядро древнего и современного Китая основано на идеях конфуцианства, применении его этических постулатов и эстетической модели мировосприятия в повседневной жизни граждан и правящих сообществ.

Г.ЛАВА 3

РОССИЯ И КИТАЙ В ГЛОБАЛЬНОЙ ДИНАМИКЕ СОВРЕМЕННОГО МИРА

3.1 Россия и Китай в пространстве

глобализации: основные модели взаимодействия культур

Особенное цивилизационное положение современных России и Китая определяется их геополитическим и социально-экономическим статусом в пространстве глобализации. Специфичность данного положения вытекает из качества и характера исторических парадигм культурного развития России и Китая, того цивилизационного багажа, который составляет оригинальность и узнаваемую неповторимость каждого культурного типа общества и государства. В современный период интенсивной глобализации у российской и китайской культурных траекторий можно заметить противоположные характеристики: приоритетной стратегией в культурном развитии Китая, является сознательное следование эволюционному пути, в то время как в России укоренилась традиция резких и порой разрушительных революционных преобразований. Однако, общим для культурной и политической истории Китая и России, в последние 100 лет, будет переживание опыта периодов «внезапного краха огромной державы» и преодоление его деструктивных последствия в практиках культурного строительства и общественно-политического возрождения.

Следует отметить достаточно обширный массив подходов к анализу культурно значимых элементов межкультурного взаимодействия и коммуникации России и Китая. Базовым сюжетом для такого исследования, несомненно будет выступать анализ исторических парадигм культурного развития, который ориентирован на реконструкцию моделей воспроизводства личности и общественных институтов, практику формирования и трансляции коллективной идентичности как архетипического элемента в структуре современного типа личности, модели социализации и воспитания, образа

семейных традиций и отношений, в рамках которой воссоздается в каждом поколении национальная самобытность. Несмотря на наличие многочисленных культурологических и исторических подходов и обилие фактографического материала, российско-китайское межкультурное взаимодействие не всегда отчетливо способно быть проявлено как предмет целостного и комплексного анализа. Рассматриваемая нами проблематика указывает на отсутствие всесторонней тематизации аспектов и сюжетов межкультурного диалога, который формируется сегодня через процедуры:

- сохранение и трансляции культурных ценностей в эпоху глобализации, ценностей, которые сохраняют свой исконный традиционный характер, несмотря на трансформационный характер унифицированной мировой цивилизации;
- выявление практики формирования базового культурного компонента в структуре личности и его символической образной, и метафорической природы;
- устойчивое воспроизводство коллективной идентичности на базе исторических парадигм культурного развития как основания цивилизационного «самосозидания» личности;
- анализ траектории международного взаимодействия России и Китая на почве научно-исследовательской работы и технологического сотрудничества в сфере цифровой экономики, наукоемких технологий, компьютерного обеспечения и перспектив конструирования автономного сетевого общества (стратегия «Золотого Щита»).

Все вышеперечисленные факторы и аспекты необходимо рассматривать в рамках реализации современной военно-политической и экономической линии, которую реализует руководство современной России и Китая — «стратегического партнерства» и «евразийского проекта нового шелкового пути». Именно эти программные фундаментальные стратегии позволяют России и Китаю не только адаптировать свои культурные традиции к диалоговым режимам, но и рассматривает практику межкультурного взаимодействия как глобальную социальную и культурную технологию по реализации своих

национальных интересов, где сектор культуры выступает не только как составная часть внешнеполитической линии конкретного государства, и альтернативная цивилизационная стратегия.

Историческая длительность российско-китайских взаимоотношений достаточно велика, задокументированный период сове начало в XVII в. История российско-китайских отношений насчитывает долгую историю, ее можно документально зафиксировать на протяжении более 400 лет. Она была наполнена как конфликтными периодами и ситуациями острого соперничества, так и периодами сотрудничества и стремления к взаимному пониманию и выгодным формам взаимодействия. Главным фактором в развитии двух стран всегда являлись их торгово-экономические отношения, научно-техническое партнерство, идеологические ориентиры военно-политические И обстоятельства. От состояния взаимоотношений России и Китая зависели не только их успехи во внешней политике, но и характер общественных отношений внутри самих наших стран.

К определяющим факторам развития культурного взаимодействия России и Китая, прежде всего, необходимо отнести многообразные формы контактов – дипломатических, конфессиональных, военно-политических, технических и партийно-идеологических, которые сформировали богатый набор сюжетов, в рамках которых, Россия и Китай прошли долгий и часто противоречивый путь налаживания взаимопонимания. К этим сюжетам можно отнести:

- историю первых дипломатических миссий и посольств России и Китая;
- деятельность русской духовной миссии в Китае и связь ее с процессом становлении и развитии в России востоковедения как особого направления внешнеполитической, культурной и научной деятельности;
- отношения между Россией и Китаем на почве строительства и использования Китайско-Восточной железной дороге и ее роли в развитии и укоренении тесных контактов между русским и китайским населением русского города в Китае Харбине;

ведущей роли СССР в создании и существовании КНР, а также советско-китайских идеологических причин разрыва отношений ИХ обострение в конце 50-х, в 60-е и 70-е гг. ХХ в.

Первая в истории русская экспедиция в Китай, под руководством И. Петлина, прошла в 1618 г. через верховья Енисея и Монголию. Второе (первое официальное) русское посольство, отправленное в Китай в 1654 г. во Ф. И. Байковым, более главе было многочисленное И статусное, ориентированное на установление официальных отношений. Несмотря на все усилия, установить прямые и эффективные дипломатические отношения сразу не удалось, однако, была выявлена очевидная выгодность от развития русскокитайской торговли. Только в 1658 г. новое посольство в Китай, во главе с И. С. Перфильевым было принято китайским императором 1. Однако именно этот период был связан и с прямыми столкновениями в пограничных амурских землях казаков с маньчжурскими войсками, а от русских послов требуют в Пекине соблюдения всех атрибутов «даннических» церемоний, которые выполнялись, прибывшими в столицу китайской империи, в 1676 г. русскими послами². Сложные и драматичные обстоятельства сопровождали подписание первого в истории русско-китайского договора – Нерчинского договора 1689 г. «В соответствии со статьями Нерчинского договора Русское государство уступало Цинской империи верхнее и среднее течение Амура. Албазин подлежал срытию при условии ухода его жителей на русскую сторону. Ф. А. Головину удалось отстоять право России на Забайкалье и побережье Охотского Цинские представители были моря. вынуждены дать «клятвенное обязательство» не заселять албазинские земли, что в дальнейшем в основном выполнялось 3 .

Начиная с 1715 г. и вплоть до Октябрьской революции 1917 г. российское правительство постоянно курировало работу Русской духовной Миссии, основная роль в данном процессе принадлежала Министерству иностранных дел и Священному Синоду. Важно отметить, что именно работа Русской

¹ Четыреста лет истории русско-китайских отношений: сб. ст. / ред. В. Г. Дацышен. М.; Берлин, 2014. Ч. 1. С. 33–34. ² Там же. С. 25.

³ Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / под ред. А. В. Лукина. М.: Весь Мир, 2013. С. 27-28.

духовной Миссии, в этот период, часто, была единственной институцией, осуществлявшей взаимодействие между Россией и Китаем. Вот как китайский исследователь Цай Хуншэна характеризует ее деятельность: «...в китайскороссийских отношениях до 60-х гг. XIX в. почти все дела, будь то торговые, дипломатические или культурные, проходили через российское подворье, образуя паутину связей»¹. В соответствии с этим профилем, роль Миссии не только сводилась к религиозной проповеди и распространению православия, но была направленна на установление и упрочнение торговых, дипломатических и культурных связей с Китаем: «...начальники и участники последующих миссий снабжались инструкцией и указаниями Коллегии иностранных дел добывать полезные сведения разного рода об этой стране»². Таким образом, роль Русской духовной Миссии включала в себя сбор всесторонней информации о делах в китайском государстве и обществе, что послужило основанием формирования научного интереса и дальнейшим стимулом к развитию в России китаеведения, монголоведения и тибетологии³. Особое внимание уделялось сбору научной информации об истории и географии Китая, восточных языках, литературе, этнографии и культурной специфики как самой «Поднебесной», так и соседних с нею стран. Учебный процесс был важной составляющей деятельности Руссой духовной Миссии, занятия ориентировали учеников на освоение особенностей математики и литературы, медицины и истории в Китае, большое внимание уделялось знакомству с философской системой Конфуция и правовой традицией китайского государства – «Пекинская миссия дала России видных ученых-китаистов: И. К. Рассохин (1707–1761), А. Л. Леонтьев (1716–1786), Н. Я. Бичурин (1777–1853), О. М. Ковалевский (1800–1878), И. П. Войцеховский (1793-1850),(1814-1885),И. И. Захаров П. И. Кафаров (1817-1878),В. П. Васильев (1818–1900). Главная цель отправления студентов в миссию

¹ Чжэ Лян Русская духовная миссия в годы рассвета православия в Китае (1920–1940-е гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2016. № 4. С. 58.

 $^{^2}$ Валеев Р. М., Валеева Р. З., Федорченко Р. Г. В. П. Васильев в XII Пекинской духовной миссии: архивные материалы (1840–1850 гг.) // Миссионеры на Дальнем Востоке: матер. междунар. науч. конф. (19–20 ноября 2014 г., г. Санкт-Петербург). – СПб., 2015. – С. 22.

³ А. Я. Шмидт (1779–1847) подготовил отдельный документ – «Инструкция для отправления в Китай путешественников по части восточного языкоучения, истории и литературы» от 3 декабря 1829 г.

было изучение языков: китайского и маньчжурского»¹. Таким образом, при активном содействии Русской духовной Миссии сформировалась отечественная научная традиция востоковедения, как особого направления культурной, научной и внешнеполитической деятельности. Именно в ее среде проходили квалифицированную подготовку как ученые специалисты-востоковеды, так и большое число служащих Коллегии иностранных дел России. Из среды ее учащихся вышли первые российские консулы в Китае – А. А. Татаринов и И. И. Захаров.

Динамика смены правящих династий и политических режимов, находила отражение в меняющихся формах политического, военного, научного, экономического и культурного взаимодействия России и Китая. Социальные потрясения, которые две империи – российская и китайская испытали на себе в начале XX в. привели к тому, что сформировался культурный феномен, крайне интересный для нашего исследования – русское зарубежье в Китае, которое сложилось благодаря строительству и использования Китайско-Восточной железной дороге и русскому городу, который возник в Китае благодаря этому – Харбин. Условиями масштабного проникновения значительного подданных Российского государства на север Китая стала не только активная деятельность Русской духовной Миссии, но и активное строительства КВЖД. «С 1917 по 1938 г. на северо-востоке Китая были построены 44 православных храма (45,3% от вышеупомянутой цифры), в Харбине были построены 13 православных храмов (около 60%). Можно видеть, что приток беженцев из России стимулировал бурное развитие православия в северо-восточном районе Китая, в особенности в Харбине². Революционные события в Китае и победа КПК, которые привели к созданию 1949 г. Китайской Народной Республики, стали причиной массового отъезда русского населения из северного Китая, это неминуемо привело к исчезновению своеобразной культурной среды «русского зарубежья» и стремительному сокращению православной общины.

¹ Векшина Н. М. Религия, политика и наука в истории российской духовной миссии в Пекине // Вестник Вятского государственного университета. 2018. № 1. С. 34.

² Чжэ Лян Русская духовная миссия в годы рассвета православия в Китае (1920–1940-е гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2016. № 4. С. 59–60.

Китайско-Восточная железная дорога была построена на территории бывшей Маньчжурии в 1897—1903 гг. трудом китайцев и русских подданных. В период строительства КВЖД Харбин находился под контролем России. После русско-японской войны он стал важным торговым и транспортным форпостом. Дипломатические отношения, установившиеся между советским и китайским правительствами после образования СССР, позволили продлить продуктивное сотрудничество в использовании города Харбина как транспортного узла. Это сыграло на пользу и в отношении увеличения численности населения в этой местности за счет в том числе русских эмигрантов. «В 1902 г. только русских эмигрантов насчитывалось 12 тыс. чел. 15 мая 1903 г., когда КВЖД находилась на заключительной стадии строительства, Управление железнодорожного строительства впервые провело перепись населения Харбина. Статистические данные показали, что его общая численность составила 44576 чел., из них 38983 мужчин, 5593 женщин, по национальности китайцев — 28338 чел., русских — 15576, японцев — 462, других — 200 чел» 1.

У китайских и западных историков не сильно расходятся оценки в той которую сыграла КВЖД В определении российско-китайского роли, взаимодействия и эта оценка, как правило, ориентирована на «колониальную» и «империалистическую» риторику. В исторической науке КНР доминировала оценка политики царской России в данном регионе как «империалистической» «колонизаторской», а КВЖД и Харбин именовались «продуктами колониализма». «Россия фактически колонизировала огромную территорию Китая, где и построила русский город Харбин»². «Русские колонизаторы, вспоминая родные места, решили превратить Харбин в подобие своей древней столицы Москвы. И первым делом построили церкви»³. Аналогичным образом, в своих оценках сходятся с китайскими авторами, и западные исследователи. Они в устойчивой манере усматривают строительство КВЖД как прямое продолжение линии распространения на Дальнем Востоке колониальной экспансии, непосредственно направленной в Китай, Манчжурию и далее к

¹ Чэнь Цюцзе. Влияние КВЖД на численность населения Харбина // Россия и АТР. 2011. № 1. С. 81.

² Ли Мэн. Харбин – продукт колониализма // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 1. С. 97.

³常怀生. 哈尔滨建筑艺术. 哈尔滨:黑龙江科学技术出版社, 1990. 3 页. [Чан Хуайшэн. Архитектура Харбина. Харбин, 1990. С. 3].

Корее. Однако, американский исследователь Д. Вольф обращает внимание на тот факт, что в городе были весьма либеральные порядки. Здесь сыграло роль и распоряжение Николая II, которое гарантировало равные права представителям разных религиозных конфессий 1. Благодаря столь либеральной политике в Харбине, к слову, могли спокойно жить общины евреев и поляков, и, в отличие от подобных общин на территории России, не подвергаться какому-либо ущемлению прав. «Вся история дороги – прекрасная иллюстрация того простого факта, что она была построена и функционировала в интересах двух соседних китайского» ² . Отечественный И русского исследователь Н. А. Самойлова отстаивает точку зрения, согласно которой русская колонизация и строительство КВЖД имело исключительно положительное экономического развития, стимулировало увеличение влияние на рост плотности заселения этого дальневосточного края. Отдельно указывается на развитие общественной жизни и стимулирование разнообразной культурнопросветительской деятельности: «Русские построили в Маньчжурии различные фабрики и заводы, лесопильни, механические мастерские, первые мукомольные предприятия. Строительство и эксплуатация КВЖД повлияли на развитие пароходства на реке Сунгари. Именно русскими эмигрантами был создан знаменитый Харбинский политехнический институт, входящий сегодня в число самых престижных вузов КНР»³.

Уроженец Харбина, ныне доктор исторических наук Г. В. Мелихов в своей работе «Маньчжурия далекая и близкая», во многом основанной на личных наблюдениях и воспоминаниях, отмечал важную культурную и просветительскую роль, которую сыграли КВЖД и город Харбин «в широком взаимообогащении и взаимовлиянии двух великих культур — русской и китайской» ⁴ . Г. В. Мелихов пишет, что «не существовало никаких искусственных перегородок между русским и китайским населением» ⁵, все

¹ Wolff D. To the Harbin Station: The Liberal Alternative in Russian Manchuria: 1898–1914. Stanford, 1999. P. 114.

² Там же. С. 268.

 $^{^3}$ Самойлов Н. А. Историческое наследие КВЖД и формирование образа России на Северо-Востоке Китая // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 2. С. 91.

⁴ Мелихов Г. В. Маньчжурия далекая и близкая. М., 1991. С. 267.

⁵ Там же.

инновации в науке, технике, культурной практике, приемах хозяйствования становились достоянием и русского, и китайского населения.

Специфическая модель, свойственная китайской традиции выстраивания взаимоотношений с странами-соседями, емко, полно и содержательно выразил Дэн Сяопина (особенно по вопросам внешней политики). В соответствии с чем, в подобной деятельности предписывалось «...хладнокровно наблюдать, укреплять расшатанные позиции, проявляя выдержку, справляться с трудностями, держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, быть в состоянии защищать пусть неуклюжие, но свои собственные взгляды, ни в коем случае не лезть вперед, на первое место, и при этом делать что-то реальное» 1.

Многообразие геополитических факторов и конкретно-исторических обстоятельств играет определяющую роль во взаимоотношении между Россией и Китаем, можно констатировать как периоды конфронтации и противостояния, так периоды добрососедской искренней дружбы и плодотворного взаимовыгодного сотрудничества. Но, пожалуй, главным фактором в их положительной динамике будут выступать характеристики экономических отношений. Взаимная заинтересованность и поиск глобальных компромиссов – вот сегодняшняя основа успешной политики Россия и Китая по Избранная российско-китайских отношению К другу. стратегия друг взаимоотношений позволяет эффективно сохранять баланс сил как на Дальнем Востоке, в Юго-Восточной Азии, так и во многих вопросах мировой политики.

Современное реформирование китайского общества началось в декабре 1978 г., они были связанны с инициативами и именем Дэн Сяопина. Деревня стала возрождаться на базе перехода к семейному подряду и развития товарноденежных отношений. В начале 1980-х гг. Дэн Сяопин выдвинул лозунг «Обогащение – дело славы и доблести!» (аналогичный известному призыву Бухарина Н.И. – «Обогащайтесь» времен российского НЭПа), предложив в качестве формы дальнейшего развития страны тезис, понятный каждому китайцу – «Хороша любая кошка, лишь бы она мышей ловила». И деревня стала

¹ Портяков В. Я. Внешняя политика Китайской Народной Республики в XXI столетии. М., 2015. С. 4.

постепенно строиться и развиваться на базе растущего товарооборота, особенно в прибрежных районах Китая.

Последствия «культурной революции» оказались разрушительными для Китая, дезорганизована экономика, разрушены многие промышленности и научного знания, потеряны целые институты и лаборатории, их инженерный и исследовательский состав. Дэн Сяопин выдвину лозунг: «Напрягать все силы, чтобы восстановить страну, и идти по пути реформ и открытости, переходить реку, нащупывая камни». С этого момента – 1978 г., берет свое начало планомерная компания правительства Китая и его правящей партии по проведению «политики реформ и открытости». За прошедшие 40 с лишним лет, можно констатировать, что в Китае произошли радикальные перемены во всех областях жизни общества. «В 2001 г. Китай вступил в ВТО, что означало снятие многих ограничений, касающихся притока иностранного капитала в страну. Сегодня полностью отменены ограничения на инвестиции транснациональных компаний В такие отрасли, как машиностроение, промышленность, электроника, химическая промышленность, легкая производство лекарств. Bo всех отраслях капиталовложения ЭТИХ либерализованы, разрешены слияния и поглощения. После 2002 г. важной областью привлечения иностранных инвестиций становится сфера услуг»¹.

Выбранное направление реформ превратило Китай за два десятка лет в передовую державу с быстро развивающейся экономикой и на глазах коренным образом меняющей свой облик, что на основе комплексного изучения культурных изменений констатирует Ю. В. Чудодеев. Вот что он писал в книге «На глазах меняющийся Китай» в 2008 г.: «Идя по дороге реформ Китай уже через 20 лет превратился в совершенно другую страну, которая шла по пути чрезвычайно быстрой модернизации и на глазах меняла свой облик. Радикально изменился облик китайских городов, поражает современная инфраструктура, широкие магистрали с 2-3 уровневыми развязками... Китай сегодня это огромный торгово-промышленный организм. Сегодня Китай находится в постоянном движении. Между городами налажена активная транспортная связь.

¹ Титаренко М. Л. Китай и Россия в современном мире. СПб., 2013. С. 40.

Это наисовременнейшие аэропорты с огромным количеством рейсов, вокзалы со сверх скоростных электричек и поездами... Практически все жители страны мобильными телефонами, страна пользуются почти полностью компьютеризирована, в обиход прочно вошел интернет, который стал главным источником информации. Китайский путь развития – это уникальное явление в истории человеческой цивилизации. Идеологические, нравственные культурные ценности, которые проповедует Компартия Китая, очень прогрессивны»¹.

Реформы, которые проводит Китай, свидетельствуют о современности понимания цивилизационного прогресса, ему присущи идеология открытости и взаимодействия с экономиками, политиками, культурами различных государств мира. Китаю ничто не чуждо – ни импорт хороших технологий, ни экспорт собственных ценностей. По словам современного белорусского ученого А. А. Лазаревича, в КНР осуществляется строительство собственных ценностей на основании традиций китайской культуры и происходит заимствование извне культурных ценностей, полезного опыта и прогрессивных достижений². «Меры прямого воздействия государства на экономику. Китай ДО сих демонстрирует эффективность сохраняющихся элементов мобилизационной экономики с точки зрения регулирования инвестиционного процесса и экономического развития в целом. Речь идет не только об оперативном аккумулировании перераспределении существенных И инвестиций проявлениях экономического кризиса, но и о рациональном сдерживании экономической активности при необходимости. Уровень накопления в доле ВВП превышает 60%.» 3. Синтез западного прагматизма и китайского рационализма сообщают цельность современному китайскому миру, да и китайский прагматизм лишен того антигуманизма, который присущ западному.

На основе вышесказанного, можно конкретизировать набор сценариев взаимодействия России и Китая, которые имеют место быть реализуемыми в настоящее время и напрямую связанны с действием культурно-исторических

23.

¹ Чудодеев Ю. В. На глазах меняющийся Китай. М., 2008. С. 18.

² Лазаревич А. А. Один пояс, один путь: философские измерение // Наука и инновации. 2019. № 7. С. 20–

 $^{^3}$ Титаренко М. Л. Китай и Россия в современном мире. СПб., 2013. С. 39.

традиций и мировоззренческих установок, характерных для данных культурных миров. Начиная с конца 80-х гг. XX в. можно говорить о становлении процесса нормализации в отношениях наших стран. Данная тенденция нашла свое отражение в руководящей установке в пользу добрососедского развития на основе более широких и открытых политических отношений, глубоком и преобразованиям, структурированном подходе К экономическим фундаментальном совместном развитии направлений в научных и технических исследованиях. С середины 90-х гг., данная тенденция стала набирать интенсивность и устойчивость, что актуально нашло подтверждение в широком российско-китайских дипломатических документов. «Этапным перечне событием в российско-китайских отношениях стало подписание 16 июля 2001 г. Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Договор заложил прочную правовую основу для их дальнейшего развития в интересах мира и процветания, обозначил векторы построения справедливого, демократичного и полицентричного мира. Важнейшим положением Договора является пункт об уважении выбора пути политического, экономического, социального культурного развития, сделанного каждой из сторон в соответствии со своими внутренними условиями» 1 .

В начале ХХ в., на протяжении всех последних 18 лет, Китай выступает в отношении России как надежный международный друг и партнер по реализации геополитических планов. Суть данного стратегического партнерства состоит в том, чтобы выработать и приступить к реализации новых независимых формы взаимодействия в целом спектре денежно-финансовой (валютной), банковской, торгово-экономической, энергетической, международной дипломатической, военно-политической, научно-исследовательской, технологической, образовательной, культурной, информационно-коммуникативной связанных с реализацией идеи открытого суверенного и независимого ведения строительства государственных и межгосударственных отношений. Базовая установка – обеспечить условия для возможности преодоления в экономике наших стран (и не только) «долларовой зависимости», осуществление практики

 $^{^{1}}$ Титаренко М. Л. Надежные российско-китайские отношения – основа развития и процветания наших стран // Философские науки. 2015. № 1. С. 8.

взаиморасчетов национальных валютах. В современной России рассматривается технологическая возможность не только конструирования национальной платежной системы, но и ее синхронизация с китайской национальной платежной системой Union Pay, которая широко применяется в сегодня по всему миру и доказала свою устойчивость. Реализация данного направления взаимодействия не может быть эффективна без формирования и развития самостоятельных финансовых и банковских институтов, которые сегодня активно развиваются на международной основе (там можно встретить Бразилию, Индию, ЮАР, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан и т.д.) и прежде всего в рамках ШОС и БРИКС. Наиболее весомыми, с точки зрения финансовой и экономической мощности, представителями в пятерке БРИКС сегодня выступают Россия, Бразилия и Китай, в этой связи можно констатировать, что взаимный модернизационный потенциал взаимодействия России и Китая в рамках строительства самостоятельных международных финансовых институтов, уже сегодня способен решать стратегические задачи глобального масштаба. Начиная с середины 2014 г., после прошедшего в бразильском городе Форталезе Саммита БРИКС, реализуется решение странучастниц о создании «банка развития», который не только должен стать альтернативой Всемирному банку и Международному валютному фонду. «Банк развития» БРИКС существует с целью гарантировать устойчивость финансовых институтов этих стран от тенденции, охватившей многие развитые страны Европы и США – гипертрофированному росту внешнего долга (первейшего симптома объемного экономического кризиса), таким образом, создание этого альтернативного финансового института в рамках проектов БРИКС станет важным шагом на пути изменения и создания новой модели контроля глобальной финансовой архитектуры мира.

Важно подчеркнуть, что в рамках различных экономических, военнополитических международных проектов сотрудничества России и Китая мы сегодня имеем не только формат утилитарного партнерства, продиктованного конъюнктурой современной ситуацией в меняющемся мире, но, прежде всего, модель цивилизационного взаимодействия, основанного на главенстве и

устойчивом доминировании культурных констант и ценностных ориентиров. Сегодня Китай и Россия — это две крупнейшие страны, двусторонние отношения которых вступают в новую стадию синхронизированного развития, ориентированного преодоление культурной развития, на модели революционной сокрушительной деконструкции. И современная Россия, с конца 90-х, и современный Китай, с конца 70-х гг. ХХ в., сознательно в процессе своего моделирования развития придерживаются твердой позиции плавного эволюционного роста, ориентированного на решение внутренних экономических и инфраструктурных проблем, путем проведения открытой и взаимовыгодной политики. Этим фактором можно объяснить то, что последние 20 лет, всестороннее стратегическое взаимодействие между Китаем и Россией только укрепляется. Эффективность такой модели развития показательна и наглядна, так как позволяет использовать преимущество политического и экономического союза стран в рамках строительства независимой линии международного поведения в рамках БРИКС и реализации суверенной и траектории, основной автономной цивилизационной на симметричные взаимодействия двух держав. Отношения России уважительные государствами Восточной Азии, в частности с Китаем, были и остаются формой межцивилизационного контакта. «Для России Китай – не просто соседнее собой государство. Он представляет крупнейшую ИЗ сопредельных восточноазиатских цивилизаций: его северные рубежи, как и дальневосточные и Южно-сибирские районы России, являются контактными межцивилизационного общения. Поэтому отношения России и Китая несут на себе отпечаток этнокультурных связей. Это выражается различием их представлений о политических координатах мира, ценностных приоритетов, например в отношении к правам человека, оценок тенденций в развитии международной жизни, в частности противоречий в мировом сообществе» 1.

Сегодня, в рамках процесса глобального мирового переустройства, потребности экономического и социально-политического развития России и Китая непреклонно требуют, прежде всего, ориентации на межкультурное

¹ Мясников В. С. Россия и Китай: контакты государств и цивилизаций // Общественные науки и современность. 1996. № 2. С. 72.

взаимопонимания и создание модели цивилизационного взаимодействия. взаимодействия Основой данной модели будет выступать общность российского и китайского культурного вектора, свойственного социально-И религиозной традиции определенная, политической длительная устойчивость внешним чуждым влияниям и агрессивным насильственным воздействиям, сакрализация государственности, готовность и решительность ее защищать, обновлять и культивировать. В российской и китайской формуле цивилизационного выживания и культурной устойчивости можно найти еще несколько различных совпадающих и коррелирующих черт – наличие устойчивой территориальной организации, централизованную систему кратических практик, устойчивую, на протяжении многих веков, традицию сакрализации власти, социальную консолидацию И наличие иерархически организованного социального пространства. Именно актуальное наличие данных фундаментальных обстоятельств позволяет сегодня России и Китаю планировать и реализовывать совместную продуманную и взвешенную стратегию по достижению своих целей и защите своих интересов. В 1997 г. совместно Россией и Китаем была принята и обнародованная «Общая декларация Китайской Народной Республики и Российской Федерации о многополярном мире и формировании нового международного порядка», где было заявлено о необходимости содействия становлению и развитию отондялопотонм мира, И формированию Международного порядка соответствующего ему, нового общего мировоззренческого формата. Затем, в 2005 г. была принята «Общая декларация Китайской Народной Республики и Российской Федерации о международном порядке XXI в.», в которой конструировались и утверждались общие для России и Китая идеи и программные усилия, направленные на формирование нового мировоззрения, ориентированного на стандарты международной безопасности и поддержания общих принципов взаимного доверия, выгоды и равенства отношений.

Важным внутренним лейтмотивом и сюжетным стержнем этих документов является установка на культивирование дружеских отношений, взаимное уважительная позиция по вопросам суверенитета и прежде всего –

право народов и государств самим самостоятельно выбирать пути и стратегии внутреннего развития. На настоящий момент можно уверенно констатировать, что национальные, государственные, экономические и военно-политические интересы России и Китая не противоречат друг другу, ни на Дальнем Востоке, ни в Средней Азии, ни на Ближнем Востоке, ни в Африке (последние драматические события в Сирии и Ливии, наглядно это могут демонстрировать). Модель российско-китайского культурного взаимодействия находит свое реальное воплощение в сходной и близкой для двух стран системе взглядов на актуальные международные проблемы, которую коротко можно выразить как формулу сознательного отказа и избегания «притязаний на мировую или континентальную гегемонию», как избыточную, тупиковую и химерическую траекторию, мешавшею эффективному процессу развития двух стран. И Китай, и Россия открыто выступают против агрессивной силовой политики, видят будущее в развитии многосторонних формах сотрудничества (ШОС, БРИКС, АТЭС, проекты Евразийского трансконтинентального развития, ЕАЭС и т.д.), отдается предпочтение сотрудничеству в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Средней Азии, на основе сохранения мира и экономического процветании. Поведение России и Китая, как постоянных членов Совета Безопасности ООН, основанное на взаимном консультировании, способствует процессу, при котором решение важных международных проблем приобретает взвешенный и конструктивный характер.

Такому положению дел, во многом способствует то, что сегодняшний Китай находится в состоянии закрепления своего международного статуса «экономического гиганта», на основании данного статуса для китайского общества первое место занимает реализация стратегии экономической интеграции, территорий и образований, близких и родственных по своей культурной типологии (объединение в единую экономическую систему КНР, Гонконга, Тайваня и в несколько отдаленной перспективе, Сингапура). Осуществление проекта «Большого Китая» должно быть распространено во все сообщества, где целостно представлены «хуацяо» — китайские эмигранты разных исторических поколений, именно усилением и упрочнение тесных

связей с этими общинами должно придать мощный внутренний импульс для развития «китайского глобального сообщества». Конструирование современного «китайского экономического пространства» в таком случае будет опираться не только на экономических расчет и целесообразность, но, прежде всего, на цивилизационное основание. В этой связи можно утверждать, что позиция американского социального философа и политического аналитика С. Хантингтона, который утверждал, что характер цивилизационных «разломов» станет рубежом формирования пространства для будущих фронтальных столкновений различных культурных сред, оказалась опровергнута самими историческими событиями¹.

С. Хантингтон считал, что наиболее значительные по своей глубине и последствиям конфликты ближайшего будущего произойдут именно в рамках культурных разграничительных линий, которые разделят непохожие друг на друга цивилизации, подобная конфликтогенная среда с высокой долей вероятности будет возникать, прежде всего на пространственных стыках и рубежах между западной цивилизацией и остальным миром. В нашем случае можно констатировать, что актуальное действие модели российско-китайского культурного взаимодействия может предотвращать не только подобные нежелательные сценарии развития, но и способствовать налаживанию тесных и взаимовыгодных отношений различных по своему характеру культурноисторических систем и этно-конфессиональных сообществ. Соответственно, при обеспечении подобного порядка взаимодействия, все большее значение приобретают бесконфликтные глобальные цивилизационные связи, научно-технические, ориентирующиеся на современные промышленные, и разработки, гарантирующие информационные, исследования укрепления практик и тенденций взаимодействия в границах нового мирового сообщества, создающие конкретные условия для выстраивания мира, в котором насилие и агрессия перестают быть необходимым атрибутом культуры.

Особенностью развития китайской цивилизации является наличие в ее истории периодичности происходящего катастрофического разрушения

¹ См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций Столкновение цивилизаций. М., 2003. 603 с.

государственных основ и последующее долгое, затратное и трудоемкое новое культурной традиции. возрождение, становление В этой исторической и политической динамике можно увидеть цивилизационные особенности И внутренние ментальные установки саморазвивающегося механизма воспроизводства китайской культурно-исторической традиции. Важной особенностью культурно-исторической традиции Китая выступает обостренный предельно накал политической борьбы, который определяет динамику событий на всех стадиях общественного развития, это может принимать форму широких религиозных движений, народных восстаний и династических конфликтов.

Ключом к пониманию внутренней логики китайской культурноисторической традиции может стать анализ и критическое рассмотрение кратических практик, господствующих в данной общественной среде. Известный венгерский социальный философ, историк и литературовед Ференц Текеи аргументированно отстаивал точку зрения, согласно которой «тайна власти» в Китае раскрывается, если проанализировать феномен симбиоза крупного землевладения, государственной бюрократии и торгового капитала¹. Отечественный исследователь Л. С.Васильев настаивал на схожей гипотезе необходимости подробного рассмотрения отношений «государственным» и «частнособственническим» секторами в традиционном императорском Китае². Известный японский историк М. Танигава предлагает интерпретировать социальную и историческую динамику Китая исключительно внутренних противоречий сквозь призму анализа традиционной И консервативной организации общинного быта³.

Многообразные аспекты социально-политической и исторической жизни китайского общества, характер организации семьи и местное общинное установление, экономический уклад и мелиоративные практики организации сельского хозяйства, военно-политическая централизация и религиозная жизнь – явились важными слагаемыми основных культурных и мировоззренческих

¹ См.: Текеи Ф. К теории общественных формаций: проблемы анализа общественных форм в теоретическом наследии К. Маркса. М., 1975. 269 с.

² См.: Васильев Л. С. Проблема генезиса китайского государства. М., 1983. 326 с.

³ См.: Малявин В. В. Империя ученых (Гибель древней империи). М., 2007. 225 с.

моделей восприятия реальности. Широко распространено мнение, что китайской традиции, по этой причине, можно придать характеристику «имперской культуры», в рамках которой понимание личности и статуса индивида определялось идеей «служение». Господство «имперской культуры» и идеала «служения» определяют главные отличительные черты социально-экономического развития Китая, его социальной динамики и культурной истории.

Мы подошли к проблеме культурной парадигмы современного Китая, зародившейся в глубинах его истории и сохранившихся по настоящее время и играющую решающую роль в сохранении культурной системы китайского общества. Важным стержневым элементом этой традиции будет выступать феномен социального ритуализма, который, традиционно выступает в роли символической и идеологической основы «государственной» модели поведения в Китае. Опираясь на мнение известных отечественных и зарубежных ученых, можно говорить уверенно о устойчивом существовании «ритуалистического миросозерцания» в кратической практике китайского социума. Основу этого «ритуалистического миросозерцания» составляет мифологема легитимирующей апелляции императорской власти к «гласу народа». «народу», который представлен деперсонифицированной стихией общинной жизни, обретающей свою «гласность» в народных песнях, сказаниях и легендах: «...очень высоко ценились детские песенки (ведь дети непосредственнее взрослых), и ханьские летописцы не упускают случая процитировать их в качестве едва ли не самого весомого комментария к событиям. Авторы раннедаосского трактата «Тайпин цзин» специально рекомендуют правителю собирать суждения наиболее далеких от власти людей – рабов, а также «варваров Запада и Востока»¹. Санкция такого «глубинного народа» носит глубоко ритуальный символический характер, ее роль заключается в олицетворении законности и естественности По вещей» В Поднебесной. этой установленного «порядка олицетворение данного естественного порядка сводиться к образу императора, который, будучи «Ван – сыном неба», в своей социальной и государственной

¹ Малявин В.В. Империя ученых (Гибель древней империи). М., 2007. С. 85.

деятельности, руководствуясь моральными установления поддерживает «...небесную сеть» неосязаемых, но нерушимых законов божественной планиметрии империи».

Таким образом, в основании не только имперской идеологии, но и всей культурно-исторической традиции в Китае находится цивилизационная формула, ориентированная на укоренение культурных практик — через государственные формы управления и бюрократические мероприятия, и преодоление «варварства и невежества», источник которого можно обнаружить как во внешних влияниях, так и во внутренней жизни общества.

Подведем некоторые итоги социальной эволюции Китая. Стратегия развития современного Китая ориентируется не только на экономический рост и на необходимость технологическую революцию, но и социального культурного обновления – последнее обстоятельство позволяет провести анализ и оценку глубины социально-политических, культурных, исторических и философских принципов, составляющих основу китайской модернизации. КНР на протяжении последних трех десятилетий добилась высокого роста экономического развития и вышла на позиции лидирующих стран мира. Интерес К феномену вызывает пристальное внимание ЭТОМУ исследователей, их желание изучить социальные механизмы и другие факторы, которые способствовали такому быстрому, динамичному движению в развитии Китая. Эти процессы, как известно, представляют интерес и для российской чтобы определиться, учесть заимствовать наиболее науки, с тем, И рациональные моменты, отвечающие интересам одной и другой стороны. Все направляет исследователей к социально-философскому осмыслению истоков и механизмов социокультурных изменений в Китайской Народной Республике.

Как известно, коренные и решительные экономические преобразования осуществляются за счет амортизации социального уровня жизни народа, поэтому отношение к подобным процессам может носить как положительный характер, так и мотив глубоко враждебного предубеждения и недовольства. Реформаторская деятельность и ее плоды часто способны нарушать и даже

разрушать устоявшийся жизненный уклад, это задает неоднозначность получаемых оценок и набор моральных претензий со стороны различных социальных слоев. Данная сторона социальных отношений в современном Китае, проводимые экономические преобразования, В ИХ социальном измерении, актуально выступают темой социально-философского анализа. В научных монографиях, статьях и исследованиях отечественных и зарубежных ученых можно найти детальный анализ основных этапов социальных, экономических и технологических преобразований в современном Китае. В них особое место уделяется рассмотрению финансовых механизмов и истокам инвестиционной политики, которые стали ключевыми факторами технологической модернизации, особенно в период, который называется эпохой «реформ и открытости». Модернизация китайского общества началась в конце XIX в., что было вызвано необходимостью сократить экономический разрыв между Китаем и странами Западной Европы и Америки. В период последних тридцати лет этот процесс получил новый импульс, скорость и качество Огромная роль в изменении всего развития воплощения. модернизации принадлежит Генеральному секретарю КПК Дэн Сяо Пину, разработавшему доктрину современного развития Китая, которую он затем интенсивно воплощал в жизнь.

Существенным условием успешной реализации китайской модели модернизации стала способность политической элиты выделять базовые направления реформ, которые включали в себя идею диалектического синтеза культурно-исторической традиции и современных научно и технологически стратегию ориентированных тенденций на И тактику общественного преобразования. Для того, чтобы понять основные принципы китайской модели модернизации, и сущность происходящих социально-преобразовательных процессов необходимо целостное рассмотрение концепции модернизации Китая изучение всей системы ценностей, образов и моделей поведения развивающегося китайского общества. В своей идеологической сердцевине, теория модернизации (несмотря на многочисленную критику еще со времен Эдварда Шилза¹), основывается на сюжете необходимости поступательного прогрессивного развития. В европейской традиции, эта идея приобрела «цивилизаторское обрамление» в виде необходимости установления в обществе господства рациональной рефлексии и приоритета моральной автономии индивида. Заимствованные с запада, наука и технологии активно способствуют KHP производственных положительному развитию В области технологических программ, строительству нового социально-экономического обновлению. Системный культурному анализ начавшегося модернизационного процесса Китая позволяет прийти к выводу, что глубокие перемены в жизни китайского общества взаимообусловленны.

С одной стороны, особенности и специфика китайского менталитета привели к глубочайшим изменениям в экономических сферах китайского общества, а с другой стороны, привели к изменению сознания и личности индивидуумов китайского общества. Переход к прогрессивному обществу вызвал значительные трансформации в духовной жизни китайского социума. Можно отчетливо фиксировать произошедшие революционные трансформации как в индивидуальном, так и в общественном сознании, изменения, которые можно охарактеризовать как, несомненно, положительные (формирование критического мышления и отношения к социальной реальности, стремление к культурным инновациям, повышенная потребность к овладению знаниями), так и негативные (рост эгоистических настроений, культивирование возрастающего уровня потребления, индивидуализм).

исследование китайской специфики Детальное рассмотрение И разработки, научного обоснования и практической реализации эффективной стратегии развития в современных сложных геополитических условиях, сопряженных с необходимостью решать различные социально-экономические и политические проблемы, имеет для сегодняшней России большое значение. Важным является то, что Китай не слепо копирует детали западной цивилизации, но и затем глубоко осваивает и трансформирует, а в дальнейшем практической использует В своей деятельности. Исключительно

¹ Shils E. The Intellectual between Tradition and Modernity: The Indian Situation. Hague, 1961. 120 p.

положительным, можно считать то, что китайцы глубоко чтят свои традиции и обращаются к ним с целью поиска внутренних ресурсов для успешного осуществления тех глобальных задач, которые стоят перед Китайской Народной Республикой, в сфере модернизации всего китайского общества во всех сферах его жизнедеятельности.

Актуальность вопроса 0 преображении ценностных установок соответствует их важности в процедуре модернизации китайского общества. Изучение динамики социальных и экономических преобразований, различных практик «Эволюционного» ПУТИ общественного развития, реализованных в нынешнем Китае, требует пристального и широкого теоретическое внимания. «Одной из приоритетных и глобальным по своим масштабам является преобразование «духовной задач культуры» культурная модернизация»¹. За последние сорок с лишним лет руководство КПК пришло к ясному пониманию, что проводить экономические и технологические преобразования недостаточно, необходимо разработать и внедрить модель «новой социалистической духовной культуры». В рамках этого «культурного проекта», важнейшее место в стратегии модернизационного развития отводиться фактору развития «человеческого капитала», то есть, практике формирования «нового человека». Данная линия социокультурной политики берет свое начало с первой половины 80-х г. XX в.

Этические и антропологические горизонты «новой социалистической духовной культуры» достаточно широки, они ориентируются на максимальный охват всех сторон духовной жизни современного китайского общества: многообразные эстетические формы проявления культуры, политическую идеологию, мораль, право и средства массовой информации. Именно эта «новая социалистическая духовная культура» будет предназначена, как инструмент, для формирования современной и сохранения традиционной аутентичной китайской культурно-исторической среды, без которой трудно себе сегодня представить нынешнее китайское общество. Китайские ученые прямо об этом пишут: «В конце концов, целью социалистической реформы является

 $^{^{1}}$ Бальчиндоржиева О. Б. Модернизация Китая: антропологическое измерение // Вестник Северо-Восточного федерального университета. 2014. Т. 11. № 2. С. 86.

освобождение человека. Прямая цель – это освобождение и развитие творческих сил, а конечная состоит в стимулировании свободного и всестороннего развития человека. Развитие человека означает осуществление модернизации человека, то есть превращение простого человека в «нового», отвечающего требованиям времени и способного использовать достижения современной цивилизации человечества. Без передовой социальной системы, без всеобщего прогресса общества не могло быть и речи о всестороннем развитии человеческой свободы» 1. Данная константа позволяет глубже понять социокультурную и культурно-историческую взаимосвязь, а также взаимозависимость всех сторон жизнедеятельности китайского общества в их цивилизационной специфике. В данном ракурсе рассмотрения Китай начала конца XX – начала XXI вв. представляет особый интерес плотным и многообразным переплетением социальных тенденций и динамики демографических процессов, а также соотношением различных ветвей власти и разнообразных форм собственности, как важного фактора социального развития и перемен в общественной жизни, влиянием природных и географических условий на направленность возможности социального развития общества.

На наш взгляд, можно выделить несколько основополагающих факторов, которые обеспечили стремительное поступательное развитие китайского общества, его модернизацию:

- глубину культурной традиции и многоуровневость национального менталитета;
- эволюционное превращение современного Китая в эмблематическую модель транзитивного общества:
- реализация сложного сценария преобразований, направленных на современную индустриализацию, которая реализуется через рыночный механизм в условиях глобализации мировой системы.

Зафиксированные факторы наглядно демонстрируют разительное различие в выбранной модели модернизации Китая и сходных процессов, проводившихся в Советском Союзе. Надо раскрыть вопрос полнее, поскольку в

 $^{^{1}}$ Бальчиндоржиева О. Б. Модернизация Китая: антропологическое измерение // Вестник Северо-Восточного федерального университета. 2014. Т. 11. № 2. С. 86.

СССР в период индустриализации пострадало крестьянство, в Китае же нет. Более того, оно всегда пользовалось поддержкой государства и на его основе даже делались попытки осуществить индустриализацию.

Влиятельным фактором роста экономического влияния современного Китая выступает та специфическая автономная и продуманная линия внешней политики, которую реализует сегодня китайское правительство. Даже при агрессивной глобализации, Китай сохраняет существенный объем внешних инвестиций, это укрепляет экономику Китая, но и поддерживает ее стабильный рост. Российские и зарубежные ученые считают, что инвестиционная активность и различные финансовые механизмы, явились одними из. исключительно важных факторов технологической модернизации страны. Инвестиционная политика способствовала быстрому подъему народного хозяйства и как следствие, ежегодному приросту валового внутреннего продукта КНР. Возникшее в результате экономического развития интенсивное расслоению китайского общества привело к возникновению новых социальных групп, тем самым усложняя узор китайского социального пространства. Социальная дифференциация начала рельефно проявиться при интенсивном переходе к рыночной организации производственного процесса, на фоне старорежимной партийной иерархии, последнее обстоятельство стимулировало развитие практик горизонтальной и вертикальной мобильности. Как веско и аргументированно отмечает Я. М. Бергер, «...за тридцать лет внедрения рыночных отношений и открытости внешнему миру государство и общество стали другими. Государство не только научилось передавать немалую часть своих прерогатив рынку, но и порой сливалось с ним в опасном симбиозе. Общество же все больше дифференцировалось, формируя социальные группы, которым в очень разной степени доставались плоды рыночного развития» 1.

Социальная «цена» экономических успехов современного Китая — это трудолюбие, традиционная трудовая мотивация и крайняя самоэксплуатация населения. Таким образом, активная инвестиционная политика способствовала стремительному росту социального расслоения в китайском обществе, являясь

 $^{^{1}}$ Бергер Я. М. Об идейно-политической ситуации в Китае в преддверии XVIII съезда КПК // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 5. С.15.

катализатором многих экономических, политических и социальных процессов. Несмотря на наличие тоталитарного прошлого Китай сумел отказаться от решения задач по индустриальному развитию страны, опираясь только на командно-административные методы. В этом и во многих других позитивных процессах развития КНР подчеркивается роль и значение деятельности Дэн Сяопина, политического лидера и автора китайских экономических реформ. Один из основных механизмов экономического подъема страны является Китая. многоукладной экономики Реализация сошиальносоздание экономической ориентированной политики, на представленную черту национального характера и ментального уклада, способствовала тому, что в самый ранний период реформ (1978–1989) стала складываться многоукладная экономическая система. при активной поддержке государства. Дальнейшая реализация социально-политических и экономических реформ в КНР все в большей степени начинает зависеть от привязанности череды мероприятий к культурной традиции, причем, как замечают исследователи, ход экономических и технологических преобразований играет уже не первую роль.

В настоящее время можно с уверенностью говорить о том, что многие базовые и перспективные политические и социальные идеи Ху Цзиньтао либо воспроизводили, либо напрямую отсылают к конфуцианской идеологии, ориентированной на репрезентацию «роли И воли народа» цивилизационного фундамента (минь бэнь) китайской государственности. Таким образом, политическая и экономическая линия преобразования в современном Китае, в большей мере, традиционно, будет ориентироваться на конструирование не идеологического, а, прежде всего, этического пафоса стратегии преобразования общества исходя из необходимости «заботы о подданных», чтобы «сердце народа» было наиболее расположено к «воле верховного правителя». Набор вышеприведенных факторов в максимальном объеме должен гарантировать политическую стабильность в государстве и гармонию в общественных отношениях. Суть политического обращения Ху Цзиньтао звучит весьма близко и синхронно социальным стратагемам и философским максимам культурно-исторической традиции Китая:

«...использовать власть для народа, чувства с народом и помышлять об интересах народа» уже получил неофициальное прозвание новых трех народных принципов. Это связывает нынешние власти с наследием основателя КНР Сунь Ятсена – автора изначальных трех народных принципов (национализм, народовластие и народное благоденствие)»¹.

Подводя итог социокультурному развитию России и Китая, хотелось бы подчеркнуть, что главная роль в модернизации любого общества принадлежит человеку, который является итогом социокультурного развития и основной производительной силой любой модернизации. «Китай поддерживает усилия России в вопросе усиления авторитета и роли ООН, отстаивает принцип верховенства международного права в международных отношениях. Сближение Китая и России на данный момент является достаточно устойчивым процессом, что обусловлено общим интересом в противостоянии гегемонии США. Россия и Китай едины в вопросах борьбы с религиозным экстремизмом, национальным сепаратизмом и международным терроризмом. Страны также декларируют намерение развивать мультикультурное взаимодействие, основанное принципах уважения многообразия культур, мирного сосуществования различных цивилизаций, равноправного обмена и взаимного обогащения Глобализация проблем В мире способствует культурным наследием. воссоединению совместимых культур. Как показывает опыт России и Китая, мирный диалог различных культур вполне реален. «Диалог цивилизаций», олицетворением которого является ШОС, способствует развитию культурного ярким свидетельством пространства и является возможности сосуществования европейского и азиатского культурного начал»².

Совершенно понятно, что модернизация и в России, и в Китае была и остается процессом комплексным, динамическим, неравномерным, длительным. «Стратегические цели экономического развития России и Китая — формирование рыночной экономики и интеграция в мировое хозяйство — остались прежними, но путь их достижения обе страны выбрали разный.

¹ Дугарова С. Б. Государство и общество в условиях трансформации: ценности КНР на современном этапе // Гуманитарный вектор. Сер.: Философия, кульутрология. 2013. № 2. С. 44.

² Степанов И. В. Россия и страны Восточной Азии в контексте процессов модернизации XX–XXI вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 4. С. 80.

Китайское руководство сделало ставку на поддержание политической стабильности и медленное реформирование существующих общественных институтов. Россия выбрала путь радикальных рыночных реформ и полного демонтажа прежней политической и экономической системы, при этом задачи технологической модернизации отошли на задний план. Хотя успехи экономического развития в России и в Китае были в последние десятилетия неодинаковыми, обе страны по-прежнему нуждаются в модернизации различных сфер своей общественной жизни» 1.

Сдвиги в системе ценностей, изменения в сознании людей, создание новых систем ценностей является решающим фактором дальнейшей их модернизации. Очевидно, что без преобразования духовной культуры трудно решить проблемы экономического и политического характера в развитии страны. «Проникнув в Китай, западная наука вызвала значительные изменения в традиционном способе мышления китайцев... дарвинизм означал китайского сознания гораздо более глубокую ломку устоявшихся воззрений, нежели для европейского христианского... Христианская логика нарушала целостность китайского мироздания, дискомфорт, таким образом, громадный»². Необходимо учитывать социокультурный фактор, механизм трансформации элементов традиционной культуры России и Китая, а также воспитание современного человека, обладающего инновационным типом мышления.

Устойчивость культурно-исторических традиций Китая России, соперничество и противостояние Западу в экономических, технологических, социально-политических сферах и процессах выступает предпосылкой и основанием для внутреннего цивилизационного солидаритета и эффективного культурного взаимодействия современных России И Китая. Важным объединяющим и синхронизирующим основанием выступает способность обеих культурных сред к активной форме репродукции, возрождению, восстановлению после порой тяжелых и масштабных поражений. Основанием практики подобной культурной будет выступать сходная социально-

¹ Там же. С. 80

 $^{^{2}}$ Мартынов Д. Е. Конфуцианское учение и маоизм. Казань, 2006. С. 64–65.

антропологическая типология, высокая ценностная привязанность к культурным традициям, принципам коллективизма и государственной суверенности.

3.2 Россия и Китай в пространстве глобализации: перспективы взаимодействия культур

Процесс модернизации не западных стран и прежде всего Китая и России, имел первоначально характер интенсивного догоняющего развития, ориентирующейся на западные, прежде всего европейские и впоследствии, американские образцы. Россия вступила в этот процесс еще во второй половине XIX в., продолжив его в XX и в начале XXI в., в то время как Китай начал развивать активность в данном направлении только в начале XX в. «Сегодня российская онжом наблюдать, как И китайская культуры адаптировать к современным условиям архетипические основы своих культур, трансформируя их в соответствии с характером социальных перемен... эволюции духовной культуры позволяет ПОНЯТЬ видоизменения: с переходом от рода к государству архетип дао копируется, схематизируется и переводится в поле активного с ним оперирования человеческим субъектом уже безотносительно к чередованию природных ритмов и протеканию кругового бытия. Появление новых культурных форм постепенно или революционно изменяет образовательное пространство, придавая ему новое содержание, так как культура оказывает многогранное влияние на выработку мотивов, моделей, стимулов социальной деятельности, а потому – на развитие такой важной ее подсистемы как образование» 1.

На основании проведенного выше анализа и конкретизации модели российско-китайского культурного взаимодействия можно выделить основные

¹ Ручин В. А. Культурный контекст образования: Россия и Китай // Известия Саратовского университета. Новая серия, Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13. Вып. 4. С. 29–31.

эмблематические направления, где данный сценарий цивилизационного сотрудничества находит свое реальное воплощение.

Первой наиважнейшей сферой, российско-китайское где взаимодействие актуально реализуется, можно обозначить как финансовоэкономическую. Для данной сферы характерно усиленное и самостоятельное строительство автономных финансовых институтов, способствующих существованию в России и Китае независимых денежно-валютных сред и электронных расчетных систем. Подобные финансовые институты выступают сохранения золотовалютных накоплений наших гарантами предохраняют экономики России и Китая от влияния мировых макро-кризисных тенденций и симптомов. Сущность российско-китайской финансовой и экономической стратегии взаимодействия можно лаконично определить через ценность, была сформулирована основную универсальную которая артикулирована на XVIII съезде КПК: «мир всюду под Небесами». И именно в рамках этой системы ценностей, общей для всего человечества, и будет формироваться Китай наших дней, объединяющий в себе три начала: традиционный Китай, современный Китай и мировой Китай»¹. За последний период, первых десятилетий XXI в. можно констатировать только нарастающую волну российских И китайских взаимных инвестиций, которая, преимущественно, приходиться на промышленный, транспортный, энергетический и сельскохозяйственный сектора экономики. Сегодня Китай не только занимает первое место среди торговых партнеров России, но и выступает крупнейшим поставщиком капитала на российский финансовый рынок.

Второй сферой будет выступать сектор военно-политического партнерства, так как и территориально Россия и Китай относятся к большому евразийскому пространству, чьи геополитические перспективы, в последний период развития способствуют политике конструктивных договоров и долгосрочных союзов. Постоянно сталкиваясь с результатами политики принуждения и ограничения, которую транслируют США, Россия и Китай, а также ряд стран Средней Азии и Тихоокеанского региона находят решение

¹ Ван Ивэй. Китайская модель разрушает гегемонию «общечеловеческих ценностей». Текст: элекронный / Ван Ивэй // Интернет-проект ИноСМИ.RU [Сайт]. – URL: https://inosmi.ru/world/20130114/204595110.html (дата обращения 15.03.19).

многих проблем в области международной безопасности на пути построения широких и равноправных военных союзов (ШОС): «...в 2002 г., главы 6 стран встретились в Санкт-Петербурге подписав «Устав Шанхайской организации сотрудничества», где были определены принципы и основные направления развития ШОС. Эти документы были первыми шагами Китая и России на пути построения прочных отношений между странами и послания международному сообществу о своих новых идеях мировоззрения. Таким образом, идея нового мировоззрения Китая и России была принята участниками организации» 1. Совместный растущий военный потенциал России и Китая позволяет нашим странам на международной арене проводить самостоятельную политику, сохраняя традиционную ориентацию на ограниченное использования военных средств и демонстрируя их только как один из факторов совместной дипломатической линии взаимодействия.

Третей сферой российско-китайского взаимодействия выступает дипломатическое сотрудничество в международных организациях, и прежде всего в Совете Безопасности ООН, где наши страны выступают согласованно в консультативном режиме, принимая участие в голосованиях по важнейшим резолюциям и совместно работая в комитетах и комиссиях. В этом вопросе необходимо учитывать важное обстоятельство, которое определяет нынешнее положение дел – преодоление многолетнего разрыва советско-китайских отношений в конце 1950-х – 1970-х гг. В основе этого разрыва лежал целый комплекс причин, сделавших развитие отношений не конструктивным, к ним можно отнести такие как оценки перспектив мирного сосуществования двух мировых систем (социалистической и капиталистической)²; разница в подходах CCCP; отношениях с США Китая и взаимоотношения международного коммунистического движения; конфликт вопросов социалистического строительства; проблемы в двухсторонних отношениях. Но основным, все же было расхождение во взглядах руководства СССР и КНР в видении перспектив выстраивания взаимоотношений различных

¹ Евтушенко В. С. Отношения между Россией и Китаем в структуре Шанхайской организации сотрудничества: стратегические цели стран // Молодой ученый. 2017. № 24. С. 256.

² Переверзев В. В. Начало открытой советско-китайской полемики и общественное мнение СССР // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: История, 2014. Вып. 60. № 12. С. 82–89.

системных сред. Руководство КНР, в отличие от СССР, занимало на тот момент бескомпромиссную позицию, результатом которой стала стремительная конфронтация между нашими странами¹: «В современных международных условиях создались реальные возможности для того, чтобы не дать агрессивным силам империализма бросить народы в новые войны, которые при нынешнем уровне военной техники принесли бы народам неисчислимые бедствия и разрушения. Ныне на земном шаре существует не только капиталистическая система. Имеется могучий миролюбивый социалистический лагерь, в лице которого миролюбивые силы имеют не только моральные, но и материальные средства для предотвращения агрессии»².

Основой новой политической ЛИНИИ взаимодействия выступает заключенный еще в 2001 г. российско-китайский договор «О добрососедстве, который сформировал дружбе сотрудничестве», устойчивую долговременную правовую платформу для углубления И развития добрососедских и союзнических отношений в рамках стратегического партнерства между двумя странами. В основе практики стратегического партнерства лежит набор геополитических параметров, которые твердо китайской определяют основные ценности модели дипломатического взаимодействия, они строятся на взаимном уважении и необходимости признавать универсальную ценность, которая должна реализовываться на мировом международном уровне, выраженной в знаменитой социальнополитической метафоре «Мир под Небесами». В стремлении современного Китая наблюдается тенденция, главной чертой которой выступает «...сформировать общечеловеческую геополитическое желание новую флагманом новой, постзападной цивилизацию и, став эпохи,

¹ «В Китае был выдвинут тезис о том, что царская Россия захватила более 1,5 млн кв. км «исконно китайских земель». 10 июля 1964 г. Мао Цзэдун в беседе с японской делегацией заявил: «Они отрезали все, что можно было отрезать. Некоторые говорят, что в придачу они хотят отрезать еще китайские Синьцзян и Хэйлунцзян. Они нарастили военную мощь на границе с нами. Я считаю, что все это не нужно было отрезать. У Советского Союза и без того территория уже слишком большая, более 20 миллионов квадратных километров. Население же составляет лишь 200 миллионов... Более 100 лет назад они отрезали земли к востоку от Байкала, включая и Боли, и Хайшэньвэй, и полуостров Камчатка. Этот счет не погашен, мы еще не рассчитались с ними по этому счету». [Цит. по.: Гончаров С. Н., Ли Даньхуэй. О «территориальных претензиях» и «неравноправных договорах» в российско-китайских отношениях. Мифы и реальность // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 4. С. 119.]

² Цит. по: Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / под ред. А. В. Лукина. М., 2013. С. 240–241.

предпосылки для вечного развития всего человечества в мире, где будет помощником и наставником каждого»¹.

четвертой сферой взаимодействия качестве онжом выделить В вопросах расширяющееся сотрудничество двух стран налаживания гуманитарно-культурных связей, сущность которых сводится к активным формам цивилизационного диалога, который в последнее время все активней развивается благодаря взаимным усилиям Москва и Пекина. Можно указать на цикл международных мероприятий, которые приобрели широкий размах и информационное сопровождение, так, например, с 2006 г. общегосударственные мероприятия _ «Национальный Китая» ГОЛ И «Национальный год России» (2006–2007), «Год русского языка» и «Год китайского (2009-2010),традиция проведения «Национального языка» туристического года», «Года дружественного молодежного обмена» (2014– 2015). В основе расширения культурных И гуманитарных практик взаимодействия современных России и Китая лежит взаимная стратегия как укрепления традиционной культурной идентичности народов России и Китая, формирование системы духовных, культурных ценностей на основе сбережения, глубокого усвоения творческого И развития богатого многообразного культурного наследия наших стран. Сегодня с уверенностью можно говорить о том, что такая эффективная практика с успехом реализуется в современном Китае, где «...освоение и китаизация лучших образцов мировой культуры и опыта использования «мягкой силы» для пропаганды достижений рубежом. Впервые была китайской культуры за поставлена формирования самобытного, национального образа жизни, который отвечал бы менталитету народов Китая. Для народов и стран, которые в прошлом испытали колониальный ИЛИ полуколониальный гнет и подверглись экспансии со стороны развитых западных стран (и ныне стремящихся под флагом глобализации протаскивать идеи тотальной вестернизации культур), опыт Китая в сбережении и развитии национальной культуры, продвижении справедливого и равноправного межцивилизационного диалога на основе

¹ Дугарова С. Б. Государство и общество в условиях трансформации: ценности КНР на современном этапе // Гуманитарный вектор. Сер.: Философия, культурология. 2013. № 2. С. 46.

взаимообогащающих культурных обменов имеет неоценимое международное значение»¹.

Пятой и наиболее долгосрочной и продуктивной сферой российскокитайского культурного взаимодействия, 3a последние 70 лет, интенсивное развитие связей между научными сообществами наших двух стран. У России и Китая были так же различные стартовые условия – отличные параметры интеграции в колониальную систему и не сопоставимые характеристики в области строительства национальной научной традиции (фундамента для научно-технической революции, в дореформенном Китае он полностью отсутствовал). «Теории модернизации были востребованы в 1950-1960-е гг. и в странах, вышедших или выходящих из системы колониализма. В процессе подталкивания их Западом к заимствованию западных структур и отношений они стремились исключить альтернативу коммунистической ориентации, которая тоже имела место среди некоторых из этих стран. Как инструмент деколонизации доминирующая теория догоняющей модернизации имела серьезные недостатки, что показал опыт большинства вышедших из колониальной зависимости стран, не преуспевших как в попытке ориентации на Запад, так и в следовании за коммунистическими странами»². Одним из актуальных сценариев модернизационной реализации современных Китае и России стало становление, формирование и развитие национальных школ и традиций научного исследования. По своей сути, здесь речь идет о том, что важным фундаментом для организации культурного взаимодействия будет выступать площадка научно-исследовательской деятельности, то есть научная культура. Распространение и укоренение в традиционных культурных средах научных способов мышления и организации познавательной и исследовательской деятельности, формирование научной и технической культуры выступает эмблематическим показателем степени и глубины мировой интеграции. «Гу Гаоцзянь считает, что модернизация подразумевает двойной переход: от аграрного общества к индустриальному и от информационному. индустриального К Он пишет: «В ЭТОМ смысле

¹ Титаренко М. Л. Китай и Россия в современном мире. СПб., 2013. С. 45.

² Федотова В. Г. Социокультурные образы модернизации конца XX – начала XXI в.: Россия и мир // Философия и современность. 2018. № 2. С. 60.

модернизация есть изменение технологической основы общества. Таким образом, в экономической сфере это индустриализация и информатизация производительных сил, а также урбанизация, в политической сфере – демократизация, в духовной сфере – сциентизация – это и есть основное модернизации» ¹ . В целом модернизационные процессы, Китае, происходящие ОНЖОМ интерпретировать В рамках Блэком 2 , действительно, C. предлагаемого, например, модернизация представляется нам универсальным процессом перехода от традиционного аграрного общества к современному индустриальному обществу. Данный подход находит отклик и в научных кругах Китая, его поддерживает один из крупнейших теоретиков теории модернизации в Китае профессор Хэ Чуаньци³. К концу гражданской войны в КНР количество научно-исследовательских институтов не превышало несколько десятков, в которых было занято не более 300 ученых-исследователей и технических специалистов. Отдельную проблему составляло такое явление как «утечка мозгов» – эмиграция по политическим мотивам большого количества ученых из континентального Китая на остров Тайвань, где закрепились остатки правительства гоминьдан. Все эти обстоятельства вынудили тогдашнее руководство КНР централизованно уделить особое внимание организации и развитию научно-исследовательской и технической работы, a ПО сути, конструированию современной институализированной формы научной культуры (программа содействия формированию научных коллективов, стимулирование роста численности научных кадров и увеличении объемов финансирования), которая стала бы условием обновления китайского общества и культуры.

Высокий уровень научно-технического развития, глубокий и самостоятельные характер традиции научной культуры исследования, – вот что, несомненно, стало аргументом для КНР в вопросе выстраивания линии на плодотворное сотрудничество с СССР, а затем и с ее правопреемницей – современной Россией. Основные усилия, которые прилагаются Китаем и

5.

¹ Гу Гао цзянь. Модернизация китайского общества: история и новые вызовы // New Vision. 2010. № 3. С.

² Блэк С. Динамика модернизации: очерки сравнительной истории. М., 1993. 123 с.

³ Бальчиндоржиева О. Б. Модернизация Китая: антропологическое измерение // Вестник Северо-Восточного федерального университета. 2014. Т. 11. № 2. С. 81.

Россией в данном направлении, связанны с реализацией стратегии на модернизацию и техническое обновление. Наука и научно-техническое перевооружение, развитие исследовательских центров, национальных научных школ и технологических парков как в России, так и в Китае, всегда было приоритетным направлением для государственной политики в области знания. Формирование и развитие национальной научной традиции сопряжено с централизованной политикой государства по конструированию и поддержанию многочисленного научного сообщества, способного в сфере научных изысканий культивировать, расширять И транслировать В виде систематических дисциплинарных моделей знания (в СССР на конец 80-х гг. XX в. количество людей, занятых в этой области деятельности превышало 4 млн человек). Только создание широкой сети исследовательских научных центров и университетских площадок способствует положительной динамике роста числа научных открытий и изобретений, которые являются важными и необходимыми источниками перспективных направлений развития во многих отраслях современного производства: атомная энергетика, аэрокосмическая радиоэлектронная промышленность, микроэлектроника, современное машиностроение, робототехника и возобновляемые источники энергии. Именно по этой причине научно-техническое взаимодействие в ХХ в. СССР и КНР было фундаментальной основой ИХ взаимного интереса и конструктивного взаимодействия.

Основные научные направления, которые развивались в СССР, а затем в современной России, традиционно представляли огромный интерес для китайского государства и его научно-технического развития. Развитие отдельных отраслей, таких как атомная и газовая энергетика, исследования по квантовой электронике и лазерной технике, а также в области биологии и микробиологии, создавали устойчивый фундамент для плодотворного международного сотрудничества. Яркими примерами подобной международной интеграции была космическая отрасль, в рамках которой начиная с лета 1975 г. были осуществлены совместные полеты и активно развивалась программа

«Интеркосмос» по подготовке и осуществлению полетов международных экипажей.

широта исследовательских Фундаментальность И дисциплинарных горизонтов отечественной науки стала основой для формирования в 1950-е годы послевоенном Китае. современной научной культуры В Сразу после провозглашения независимости КНР с середины 50-х гг. ХХ в. в советские вузы были направленны для обучения тысячи китайских студентов и аспирантов, параллельно с этим образовательным процессом, непосредственно в Китай была направленна для инженерной и научно-технической работы большая группа квалифицированных советских специалистов, которая, вместе с тем, должна была на месте проводить оперативную подготовительную работу по созданию кадровой основы для инженерно-технической деятельности.

В октябре 1954 г. было подписано Соглашение о научно-техническом сотрудничестве между СССР и КНР, которое предусматривало обмен опытом между обеими странами во всех отраслях народного хозяйства и безвозмездную передачу научно-технической документации (лицензий, патентов, чертежей, проектов, инструкций, научной информации). Советская сторона передала большой объем научно-технической информации, охватывающей все отрасли научно-технической и производственной деятельности. В марте-апреле 1955 г. по приглашению советской стороны в СССР находилась делегация китайских физиков и инженеров, изучавших достижения советских ученых в области ядерной физики и использования атомной энергии в мирных целях. В апреле 1955 г. между СССР и КНР было подписано соглашение о поставке Китаю в 1955–1957 гг. экспериментального атомного реактора И ускорителей обеспечении элементарных частиц, об расщепляющимися другими материалами, безвозмездной передаче научно-технической также заимствовав документации. Необходимо отметить, что, И перенимая институализированные формы организации научной и исследовательской деятельности, специфику адаптации технологических циклов к особенной социокультурной среде, в Китае сохранялась самостоятельная социальная логика и кратическая установка на понимание и интерпретацию отношения в

рамках дихотомии «знание — власть»: «...раскрывая сущность образования в России и Китае, можно прийти к выводу, что на философию, а затем и праксиологию образования воздействует не столько логика образовательного процесса, сколько эволюция культурных форм, влияющих на элементы триады идеального в образовании. Через формирование системы ценностей и идеалов определенной исторической эпохи культурный процесс задает новую конфигурацию архетипа, определяя индивидуальные цели образования, его социальное содержание, механизм перестройки сферы образования с точки зрения методологических, методических и организационных подходов»¹.

предельно Результаты подобного взаимодействия оказались эффективными, уже по итогам реализации первого китайского пятилетнего плана развития (1953–1958) успехи в развитии народного хозяйства КНР оказались впечатляющие – были созданы необходимые предпосылки для проведения индустриализации китайской экономики, заложены новые отрасли промышленности, такие как: самолетостроение, автомобильная отрасль, тяжелое и точное машиностроение, началось производство собственного энергетического, металлургического и горного оборудования, сталелитейная промышленность вышла на высокий технологический уровень. Одновременно с процессом, правительством KHP была предпринята политических шагов, нацеленная на возвращения из-за рубежа китайских ученых и инженеров, которые там оказались в эмиграции из-за военных действий. Начиная с 1957 г. из различных стран в КНР вернулось более 5 тысяч китайских ученых инженеров, большинство ИЗ которых специализированное образование в области естественных и технических наук, среди них было более 1 тысячи докторов наук.

Серьезным фактором, подорвавшим развитие взаимодействия отечественной научной среды с китайскими коллегами, стала «Культурная революция», охватившая целое десятилетние, начиная с 1966 г. и заканчивая 1976 г. Именно внутренний антисоветский характер данного политического явления нанес серьезный урон продуктивному научному взаимодействию двух

¹ Ручин В. А. Культурный контекст образования: Россия и Китай // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13. Вып. 4. С. 31.

сторон – отечественной и китайской, были свернуты многие исследовательские программы, прекратился взаимообмен представителями научного сообщества. Однако несмотря на это отрицательное явление, импульс, данный научному развитию в 50-е гг. ХХ в. позволил сохранить китайской науке позиции в ряде стратегических областей и исследовательских направлениях, таких как: создание ядерного и водородного оружия, развитие ракетно-космической техники (самостоятельная разработка, запуск и пилотирование искусственных спутников), модернизация и наращивание авиационной и судостроительной промышленности, экспериментальное производство ЭВМ.

шагом Следующим важным на ПУТИ развития культурного взаимодействия в условиях глобализации стал отказ от политики «Культурной революции» и построении траектории по интернационализации научной деятельности в Китае, которая должна была стать фундаментом для быстрого роста и перевооружения китайской экономики: «...в период 1978–1992 гг. были сделаны первые шаги в направлении интернационализации китайского образования. В этот период основная ставка в развитии образования была сделана на отправку студентов за рубеж»¹. Таким образом, по мнению самих китайских авторов, ключевой особенностью образовательных преобразований в КНР стало не только создание, но и совершенствование «социалистической системы образования с китайской спецификой» при сохранении базовой социалистической ориентации китайского государства, ориентированного на осуществление политики реформ и открытости в области научного знания. В рамках работы первого после «культурной революции» Всекитайского совещания по вопросам развития науки, которое прошло в начале 1978 г., заместитель премьера Госсовета КНР Дэн Сяопин заявил: «... модернизация техники является ключевым звеном проведения модернизаций» и превращения Китая к концу столетия в великую могучую современную социалистическую державу. Без современной науки и техники», – говорил Дэн Сяопин, – невозможно как строительство современного сельского хозяйства и современной промышленности, так и создание современной

¹ Шведова И. А. Интернационализация высшего образования в Китае // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 1. С. 132.

обороны». «Наука и техника являются первой производительной силой», а «работники умственного труда — такими же тружениками социалистического общества, как и работники физического труда»¹. Соответственно, базовые цели, сформулированные в этой программе «четырех модернизаций», нашли свое отражение и в «Плане развития науки и техники КНР на 1978–1985 гг.», который был подготовлен в рамках совместной аналитической работы Государственного планового комитета и Государственным комитетом по науке и технике КНР.

В соответствии с этим планом и политической линией, помимо практики зарубежные отправки студентов И аспирантов В ВУЗЫ, китайское правительство активно начало проводить политическую линию на массовое привлечение инженеров, ученых и преподавателей для работы в Китае. Начиная с конца 90-х гг. все более отчетливо стала проводиться централизованная политика в области государственной протекции и увеличения финансирования в данном направлении, что значительно стимулировало привлечение зарубежных исследователей, ученых и инженеров для работы в китайских университетах и научных центрах (лидируют по количеству представителей страны бывшего СССР, т.к. сказывается общность научной парадигмы, сложившейся во второй половине XX в.).

Как следствие изменения политической программы и ликвидации последствий «Культурной революции», стало с 1978 г. в Китае наступление политической стабильности, развития периода экономики, активной внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности. Правительство выработало ряд стимулирующих политических установок для быстрого внедрения в жизнь научно-технических результатов и поощрения развития новейших технологий. «Политические цели модернизации Китая должны со временем развиваться. В середине XX в. политической целью модернизации Китая было построение индустриального общества. В период с 60-х – 70-е гг. XX в. – достижение «четырех модернизаций»: в сельском хозяйстве, промышленности, национальной обороны, а также науки и техники. В 80-х гг.

 $^{^1}$ Цит. по: История Китая с древнейших времен до начала XXI в.: В 10-ти т. / гл. ред. акад. РАН С. Л. Тихвинский. М., 2016. Т. IX. С. 235.

XX в. основной политической целью была реализация «трехшаговой стратегии» – удвоение национального дохода на душу населения к 1990 г. по сравнению с 1980 г., к 2000 г. – по сравнению с 1990 г., а также достижение уровня среднеразвитых стран к 2050 г. В XXI в. политические задачи модернизации Китая включают в себя достижение базовой модернизации к 2050 г. и полноценной – к концу столетия. Полноценная модернизация требует достижения Китаем уровня ведущих мировых стран и полной модернизации в шести сферах: экономике, обществе, политике, культуре, человеческих ресурсах и экологии» 1.

Собственно, политическое решение о необходимости именно массовой отправки учащихся в иностранные ВУЗЫ стало символическим началом реализации широкого плана по международной интеграции Китая и его принципиальной открытости к экономическим, технологическим, научным и коммуникационным средам. Задача, которая ставилась перед молодыми гражданами Китая, уезжающими на учебу за рубеж – не только стать специалистами, но и вернувшись на родину, привезти с собой передовой опыт, технологические навыки и знания. Цель данной политики в области «импорта достаточно очевидна – необходимо знания» адаптировать ДЛЯ модернизации страны самые современные научные знания, создать надежный фундамент ДЛЯ формирования новых самостоятельных исследовательских направлений в Китае. «Отправленные на обучение должны в основной массе изучать естественные науки. Среди выехавших на обучение в США, в период 1979–1984 гг., 78% изучали машиностроение, вычислительную технику, медицину, биологию, математику и физику, 18% – менеджмент, право, общественные науки, 3% – другие предметы»².

В 90-е гг. XX в. усилилась ставка на массовое привлечение иностранных научных специалистов и преподавателей в китайскую систему высшего образования, данный фактор тогда рассматривался как существенный элемент модернизации китайской модели формирования научной традиции и культуры

¹ Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / пер. с англ. под общ. ред. Н. И. Лапина. М., 2011. С. 136.

² Шведова И. А. Интернационализация высшего образования в Китае // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 1. С. 133.

исследовательских сообществ. Вместе с этим, большее внимание стало уделяться необходимости возвращения на Родину большего числа уехавших на рубеж студентов, ЧТО стало важным моментом внешнеполитической стратегии по возвращению на родину для проведения эффективного модернизационного процесса, как финансовых активов, так и специалистов и ученых, по разным причинам, оставшихся за рубежом после окончания учебы и рабочих контрактов. В это же период вступает в силу проектный документ «Основные пункты реформы и развития образования в Китае». В этом программном документе определенно и четко намечены приоритетные направления развития науки и образования, где фактор международного сотрудничества стал более очевидно ориентироваться на практику непосредственного, прямого заимствования разностороннего опыта иностранных научных центров, школ и направлений, особенно в особенно сфере управления образованием. Сегодня В КНР сформирована многоступенчатая, дифференцированная система высшего образования, в виде трехступенчатой системы ученых степеней: бакалавр – магистр – доктор наук. «В июле 2010 г. ЦК КПК и Госсовет приняли «Национальную среднесрочную и долгосрочную программу реформы и развития образования на 2010-2020 гг.» и четко указали цель стратегии высшего образования: «На 2020 г. масштаб высшего образования будет достигать до 35,5 млн человек. Процент охвата вузами будет 40%». По данным «Статистического ежегодника образования в Китае на 2014 г.» масштаб китайского высшего образования достигает 35,59 млн человек. Процент охвата вузами составил 37,5%. В Китае существует всего 2 824 вуза»¹.

Формирование новой политической и экономической линии КНР стал определять фактор вступление в международные экономические организации и программы (например – в ВТО). Кроме этого, важную роль стало играть активное продвижение экономических и геополитических интересов на внешних рынках, реализуемое как стратегия «выхода во вне», это предоставило возможность китайской науке и образованию выйти на высокий уровень

¹ Ли Яньхуэй. Новая динамика высшего образования в Китае // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2015. № 6. С. 111.

интернационализации системы производства знания. Вступление в ВТО потребовало от Китая радикально расширить дисциплинарный горизонт и ориентированных образовательных количество правильно программ, ориентированных на развитие транснациональных направлений подготовки, привязанных по форме к плотной взаимовыгодной работе зарубежных и китайских университетов и научных центров: «...ставка была сделана на экспорт китайского образования, причем не только как на инструмент расширения китайского влияния путем использования «мягкой силы», но и как на потенциальный источник увеличения доходов китайских вузов. В 2011 г. количество китайских студентов, обучавшихся за рубежом, составляло 334 тыс. человек, а всего за период 1978–2011 гг. за рубеж на обучение выехало 2,24 млн китайских граждан. В настоящее время Китай является лидером в мире по количеству студентов, обучающихся за рубежом. За период с 1978 по 2011 г. из КНР выехало 1,39 млн студентов, в Китай вернулось только 390 тыс.» .

Процессы глобализации, развернувшиеся с со второй половины XX в., втягивающие в свои орбиты все сферы жизнедеятельности общества, не только меняют обыденный уклад жизни миллионов людей, но и трансформируют представления и требования, которые предъявляются к институтам знания академиям, исследовательским институтам и университетам). Многократно устами известных ученых, футурологов, аналитиков и социальных философов (от П. Друкера и Й. Масуда до Э. Кастельса и Дж. Урри) провозглашается наступление эпохи «экономики знаний», «информационного общества» и «постиндустриальной цивилизации», чей научно-технический и технологический прогресс все более охватывает в том числе активно Евразийский и Азиатско-Тихоокеанский регионы, что заставляет такие страны как Российская Федерация, Япония, Китай, Южная Корея, Вьетнам и т.д. менять свой подход к стратегии интернационализации научной и университетской культуры знания. Еще в 90-е гг. ХХ в. правительство КНР приступило к реализации программы по созданию группы приоритетных вузов, способных соответствовать многообразным и сложным стандартам международного

¹ Шведова И. А. Интернационализация высшего образования в Китае // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 1. С. 134.

уровня проведении И организации научно-исследовательской образовательной деятельности. С 1995 г. реализуется «Проект 211», в который 100 университетов, которые должны готовить осуществления национальных специалистов ДЛЯ проектов развития экономической сфере и социокультурных средах (общая сумма финансирования 2,2 млрд. долларов). Кроме этого, с 1998 г. разработан и реализуется на практике другой «Проект 985», в соответствии с которым была сформирована группа из 39 лучших университетов Китая, должны быть представлены в мировом научном сообществе своими высокими показателями 9 квалификационными индексами. Ha первом этапе были отобраны университетов, которые получили средства на развитие на период до трех лет. Главной целью выделения группы приоритетных ВУЗов путем реализации двух проектных программ – «Проект 211» и «Проект 985», стало развитие приоритетными ВУЗами научной дисциплинарной традиции исследования высокого – мирового индексируемого уровня. Приоритетные ВУЗы Китая, благодаря реализации этой программы, сегодня превращаться в своеобразные базы инновационных научных исследований, разработок и внедрения в производство современных высокотехнологических линий, благодаря чему, система высшего образования КНР занимает ведущие позиции на мировом рынке научных и технологических знаний, а также образовательных услуг. Именно китайский опыт был использован и учтен в предварительных российского отбора аналитических оценках проекта федеральных университетов и инновационных вузов в Российской Федерации.

Российско-китайское сотрудничество в области науки и образования позиционироваться на основе проведенного исследования перспективное направление культурных взаимодействий и равноправного, и гуманитарного, взаимовыгодного социального, экономического политического сотрудничества. Другое дело, что требуется проведение серьезного экономического, науковедческого, социологического и т. д. анализа направлений целью определения приоритетных взаимодействия. Культурологические исследования служат данной ситуации В

методологическим основанием и расширяют горизонты исследования приоритетов взаимодействия. Несомненно, одним из таких приоритетов выступает развитие наукоемких и высокотехнологичных производств, что актуально как для России, так и для в Китая. Приходится констатировать сложность и многоаспектность, да и недостаточною разработанность проблемы, которая требует комплексного рассмотрения.

Культурные взаимодействия России и Китая в сфере научно-технического сотрудничества в условиях глобализации не только являются одним из приоритетных направлений партнерства, но и с необходимостью входят в международное научно-техническое сотрудничество.

К наиболее важным направлениям В перспективе культурного взаимодействия можно отнести освоение космоса, развитие медицины и энергетики. В частности, такой «точкой опоры» оказывается традиционная для России высокотехнологическая отрасль развития – атомная энергетика и новые источники энергии. В ЭТОМ случае возможно создание полноценного технологического союза России и Китая. Несомненно, что развитие наукоемких и высокотехнологичных производств требует и в значительной степени способствует повышению уровня научных исследований и, возможно, уже в ближайшем будущем. Опыт российско-китайских культурных взаимодействий должен быть также учтен при разработке Государственных Программ развития науки и образования, развития и привлечения иностранных инвестиций в сферу новых технологий, а также подготовки специалистов для обеспечения развивающихся наукоемких производств, что, несомненно, даст положительный эффект развитию системы образования в целом. Современное образование и наука, сотрудничество России и Китая в этих областях как бы суммируют положительный опыт российско-китайских культурных взаимодействий и обеспечивают надежный фундамент его развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обращение к тематике культурного взаимодействия современной России и Китая составляет широкую перспективу рассмотрения важного и актуального современной культурологии вопроса – анализ характера культурных констант и самой сущности культуры, переживающей свой трансформационный период в рамках глобального процесса обновления и включения в новое пространство коммуникации. В современной ситуации обращение в культурологическом исследовании к феномену культурных констант и лежащих в их основании культурно-исторических традиций, приобретает актуальное звучание, так как позволяет визуализировать траектории, направленные на необходимость сохранения языковой традиции, преемственности в развитии культурного наследия и развитии моделей цивилизационной идентичности. Совокупность мировоззренческих установок, этических ценностей, эстетических традиций, стереотипов поведения и мышления формируют линию подходов пространстве культурного международного взаимодействия.

В результате проведенного исследования можно зафиксировать, что феномен культурного взаимодействия составляет неотъемлемый элемент структурного внешнего и внутреннего развития культур современного Китая и России. В соответствии с этим необходимо различать как внутренние, между носителями различного уровня культуры, так и внешние культурные формы взаимодействия. Внешние формы предстают как особые виды связей и отношений, которые складываются между культурами или ее отдельными элементами в процессе взаимообмена культурными идеями, ценностями и установками. Интенсивный характер подобного взаимообмена в состоянии повлиять на изменение образа жизни, культурные стереотипы, социальные привычки и нравы контактирующих народов, на их политико-правовое и социально-экономическое развитие. Успешность и эффективность такого процесса культурного взаимодействия на прямую зависит от фактора

«культурной совместимости», набора предпосылок и оснований для осуществления культурных контактов и отношений.

Сегодня Китай претендует на то, чтобы выступать как самостоятельная мощная сила как в региональном, так и мировом аспекте. Россия следует в фарватере данной тенденции, претендуя на независимый международных отношениях. Поэтому изменения и реформы в современных России Китае будут обуславливаться не только вышеуказанными обстоятельствами, но и культурными факторами, направленными на сохранение государственного суверенитета, экономической самостоятельности, и линии на отстаивание идентичность собственной культурной традиции. В случае с Китаем и Россией в качестве предпосылок их очевидного культурного взаимодействия непосредственно будут выступать элементы формулы «культурной совместимости» России и Китая, к которым относятся – оригинальная своеобразная культурно-историческая традиция народов этих стран, исторический опыт государства и общества, специфика развития интеллектуальной традиции культуры – в философских представлениях, в научной культуре мышления, в самостоятельном поиске технического и художественного творчества. Фундаментальным основанием этого процесса служат культурные практики общения и коммуникации, которые опираются на механизмы самосохранения и воспроизводства культуры, многообразные сценарии и логики осуществления коммуникативных стратегий, к ним будут относиться конкретные культурные сценарии: революция и реализуемые не раз в отечественной и китайской истории. В маркировке подобного процесса культурной динамики России и Китая, особая роль способности восстанавливаться принадлежит культурной среды преображаться разрушительных после деструктивных социальных потрясений.

Проведенный анализ показал, что интенсивность культурного взаимодействия следует рассматривать в едином процессе культурного развития человечества, двумя контрастными полюсами которого непременно выступают формы культурное обособление, самобытность, а порой и самоизоляции с одной

стороны, а с другой стороны — тенденции к культурной унификации и саморастворению оригинальности. Сегодня, в начале XXI в., на усиливающейся стадии глобализации, очевидной и острой воспринимается угроза культурной унификации, укоренения массовизированной социальной стереотипики и опасного упразднения национального своеобразия стран и народов, а высокая интенсивность интернациональной коммуникации, проявляющаяся, прежде всего, в сфере «массовой культуры» превращается в разрушительный механизм культурного взаимодействия. Глобализация обостряет вопрос о культурных взаимодействиях регионального уровня и поиска их предпосылок и оснований.

Если последовательно И структурно рассмотреть совокупность формообразующих факторов культурных взаимодействий России, то можно выделить три ключевых сюжета - принятие православия как государственной религии и как следствие, складывание традиционной русской культуры, радикальные реформы императора Петра I и изменение вектора культурного развития в направлении вестернизации, наличие дихотомического соотношения эволюционной (реформаторской) и революционной линии в реализации культурного развитии России. Можно с уверенностью зафиксировать, что исходным и общим в реализации всех трех динамических точек культурного роста (культурных бифуркаций) применительно к отечественной традиции будет выступать географическое пространство России и его многообразный культурный этнографический ландшафт, уникальная одновременная И открытость территории Западу и Востоку, достаточная предрасположенность к восприятию внешних идей и концепций, моделей поведения, стереотипов социального действия и образа жизни. Но, в то же время, можно констатировать и другой культурный вектор, свойственный отечественной традиции устойчивость определенную чуждым влияниям И насильственным воздействиям, сакрализация государственности, готовность и решительность ее защищать. Даже сейчас, в начале XXI в., несмотря на многочисленные модернизационные проекты, реформы и трансформации идейным ядром российской культуры и ее духовным стержнем остается православие.

Китайская культурная традиция обладает свойственным только для нее, возможно уникальным, корпусом формообразующих факторов культурных взаимодействий, к ним можно отнести – наличие устойчивой территориальной организации, конституирующей данную организацию ирригационной системы сооружений, что, естественно и последовательно объясняет централизацию и сакрализацию власти, консолидацию сословного иерархически организованного, но в то же время гармонизированного общества в древнем и современном Китае. Действие данных формообразующих факторов привело к тому, что характерная траектория развития корневой культуры в Китае приводит к величайшим достижениям в технологиях, науке, искусстве (письменность, бумага, шелк, порох, магнит и т.д.). Однако, данную типологию научного мышления и способа рациональной организации деятельности нельзя уподоблять ныне господствующему европейскому типу, он иной, нежели чем в Европе, европейский тип модернизации и культурной трансформации оборачивается для Китая попытками ведущих западных держав превратить его в собственную колонию. Оригинальное и самобытное культурное ядро древнего и современного Китая основано на идеях конфуцианства, применении его этических постулатов и эстетической модели мировосприятия в повседневной жизни граждан и правящих сообществ.

Устойчивость культурно-исторических традиций Китая и России, соперничество и противостояние Западу в экономических, технологических, социально-политических сферах и процессах выступает предпосылкой и основанием для внутреннего цивилизационного солидаритета и эффективного культурного взаимодействия современных России Китая. И Важным объединяющим и синхронизирующим основанием выступает способность обеих культурных сред к активной форме репродукции, возрождению, восстановлению после порой тяжелых и масштабных поражений. Основанием социальноподобной культурной практики будет выступать сходная антропологическая привязанность типология, высокая ценностная культурным традициям, принципам коллективизма и государственной суверенности.

Современные научно-технологические, производственные и социокультурные траектории обновления Россия и Китай реализуются поразному и часто с различными амплитудными характеристиками, но они, несомненно, имеют яркие и рельефные достижения, которые могут дополнять друг друга. Установка на динамичное развитие образовательных практик и научной исследовательской культуры, технологической инфраструктуры и индустрии знания, продемонстрированные Россией и Китаем, открывают новую страницу для культурных взаимодействий России и Китая в условиях технологического обновления, информационной революции и цифровых компьютерных технологий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Аванесова, Г. А. Взаимодействие культур / Г. А. Аванесова // Культурология. XX век: словарь. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 70–71.
- 2. Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации: матер. V междунар. науч.-практ. конфер. (28 февр. 2013 г., г. Чита) / науч. ред. Н. А. Абрамова, В. С. Морозова; отв. за вып. А. Ю. Лавров Чита: Забайкальский гос. ун-т, 2013. 216 с.
- 3. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Бенедикт Андерсон. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с.
- 4. Арсентьева, И. И. Российско-китайское стратегическое взаимодействие в контексте региональной и глобальной безопасности / И. И. Арсентьева // Вестник Читинского государственного университета. 2008. N 4. С. 86—93.
- 5. Артановский, С. Н. На перекрестке идей и цивилизаций: исторические формы общения народов / С. Н. Артановский. СПб.: Б.и., 1999. 224 с.
- 6. Астахов, Е. М. Мировая практика культурной дипломатии / Е. М. Астахов // Диалог культур и партнерство цивилизаций: матер. VIII междунар. Лихачевских научных чтений (22–23 мая 2008 г., г. Санкт-Петербург). СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гуманитарного ун-та профсоюзов, 2008. С. 224–246.
- 7. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России) / А. С. Ахиезер. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. Т. I, II.
- 8. Байдарова, М. Е. Китай в системе координат эпохи глобализации / М. Е. Байдарова // Общество и государство в Китае: 43-я науч. конфрер. Т. XLIII. Ч. 2. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2013. С. 384–389.

- 9. Бакуменко, Г. В. История как культурный текст: к вопросу о методе интерпретации символов успеха в культуре / И. И. Горлова, Т. В. Коваленко, Г. В. Бакуменко // Право и практика. 2017. № 1. С. 183—188.
- 10. Бальчиндоржиева, О. Б. Модернизация Китая: антропологическое измерение / О. Б. Бальчиндоржиева // Вестник Северо-Восточного федерального университета. -2014. Т. 11. № 2. С. 81–86.
- 11. Бальчиндоржиева, О. Б. Модернизация китайского общества: социально-философский анализ: 09.00.11: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: / Оюна Баировна Бальчиндоржиева; Бурятский гос. ун-т. Улан-Удэ, 2015. 42 с.
- 12. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
- 13. Белелюбский, Ф. Б. Сборник научный статей / Ф. Б. Белелюбский. М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2007. 139 с.
- 14. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. М.: Академия, 1999. 780 с.
- 15. Белл, Д. Эпоха разобщенности: Размышления о мире XXI века / Д. Белл, В. Л. Иноземцев. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2007. 304 с.
- 16. Белый, А. Революция и культура / А. Белый. М.: Изд-во Г. А. Лемана и С. И. Сахарова, 1917. 30 с.
- 17. Бергер, Я. М. Экономическая стратегия Китая / Я. М. Бергер. М.: Форум, 2009. 560 с.
- 18. Бергер, Я. М. Об идейно-политической ситуации в Китае в преддверии XVIII съезда КПК / Я. М. Бергер // Проблемы Дальнего Востока. 2011. N 25. C. 3-17.
- 19. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – М.: Наука, 1990.
- 20. Бердяев, Н. А. О русских классиках / Н. А. Бердяев. М.: Высш. школа, 1993. 386 с.

- 21. Бердяев, Н. А. О культуре / Н. А. Бердяев // Антология культурологической мысли. М.: Изд-во РОУ, 1996. С. 195–198.
- 22. Бердяев, Н. А. Русская идея. Судьба России / Н. А. Бердяев. М.: Сварог, 1997. 324 с.
- 23. Бжезинский, 3. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / 3. Бзежинский. М.: Международные отношения, 1999. 256 с.
- 24. Биллингтон, Дж. Икона и топор. Опыт истолкования русской культуры / Дж. Биллингтон. М.: Рудомино, 2001. 880 с.
- 25. Бирюкова, К. В. Историография российской духовной миссии в Китае / К. В. Бирюкова // Ученые записки Орловского государственного университета. 2015. № 1. С. 74–80.
- 26. Бичурин, Н. Я. Китай в гражданском и нравственном состоянии / Н. Я. Бичурин. М.: Вост. Дом, 2002. 423 с.
- 27. Блэк С. Динамика модернизации: очерки сравнительной истории / С. Блэк. М.: Наука, 1996. 123 с.
- 28. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр. М.: Культурная революция; Республика, 2006. 269 с.
- 29. Борох, Л. Н. Конфуцианство и европейская мысль на рубеже XIX— XX вв.: Лян Цицао и теория обновления народа / Л. Н. Борох. М.: Вост. лит-ра, 2001.-285 с.
- 30. Боханов, А. Н. История России с древнейших времен до наших дней / А. Н. Боханов, Л. Е. Морозова, М. А. Рахматулина, Б. А. Шестаков. М.: ACT, 2016. 1264 с.
- 31. Бродель, Ф. Материальная цивилизация. Экономика и капитализм XV–XVIII вв. / Ф. Бродель. М.: Прогресс, 1996. 679 с. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное.
- 32. Буров, В. Г. Китай и китайцы глазами российского ученого / В. Г. Буров. М.: Ин-т философии РАН, 2000. 208 с.
- 33. Бутенко, А. П. Глобализация: сущность и современные проблемы /
 А. П. Бутенко // Социально-гуманитарные знания. 2002. № 3. С. 36–57.

- 34. Бычкова, О. И. Культурная жизнь российской провинции: состояние, тенденции, противоречия (на примере Краснодарского края) / И. И. Горлова, Т. В. Коваленко, О. И. Бычкова // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. − 2018. − № 30. − С. 28–36.
- 35. В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией: хрестоматия по истории российской общественной мысли XIX и XX вв. / сост. Н. Г. Федоровский. М.: Логос, 1994. 752 с.
- 36. Валеев, Р. М. В. П. Васильев в XII Пекинской духовной миссии: архивные материалы (1840–1850 гг.) / Р. М. Валеев, Р. З. Валеева, Р. Г. Федорченко // Миссионеры на Дальнем Востоке: матер. междунар. науч. конф. (19–20 ноября 2014 г., г. Сант-Петербург). СПб.: Изд-во Российской христанской гуманитарной академии, 2015. С. 21–27.
- 37. Валлерстайн, И. Конец знакомого мира. Социология XXI века / И. Валлерстайн. М.: Логос, 2003. 368 с.
- 38. Валлерстайн, И. Миросистемный анализ: Введение / И. Валлкрстайн. М.: Территория будущего, 2006. 248 с.
- 39. Ван Ивэй. Китайская модель разрушает гегемонию «общечеловеческих ценностей». Текст: электронный / Ван Ивэй // Интернетпроект ИноСМИ.RU [Сайт]. URL: https://inosmi.ru/world/20130114/204595110.html (дата обращения 15.03.19).
- 40. Ван Сяо Чунь. Государственное регулирование модернизации китайской экономики в условиях глобализации: 08.00.01: дис. ... кан. экон. наук / Ван Сяо Чунь; Восточно-Сибирский гос. технологический ун-т. Улан-Удэ, 2009. 191 с.
- 41. Варма, Ч. Б. Влияние буддизма на письменные источники Азии. Текст: электронный / Ч. Б. Варма // Наследие веков. 2018. № 2. С. 48–58. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2018/06/2018 2 Varma.pdf (дата обращения 21.05.18).
- 42. Васильев, Л. С. Культы, религии, традиции в Китае / Л. С. Васильев. М.: Наука, 1970. 480 с.

- 43. Васильев, Л. С. Проблема генезиса китайского государства / Л. С. Васильев. М.: Наука, 1983. 324 с.
- 44. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
- 45. Векшина, Н. М. Религия, политика и наука в истории российской духовной миссии в Пекине / Н. М. Векшина // Вестник Вятского государственного университета. 2018. № 1. С. 32–36.
- 46. Вернадский, Г. В. Начертание русской истории / Г. В. Вернадский. СПб.: Лань, $2000.-320~{\rm c}.$
- 47. Виноградов, А. В. Китайская модель модернизации: социально-политические и социокультурные аспекты: 23.00.04: дис. ... д-ра полит. наук / Андрей Владимирович Виноградов; Ин-т Дальнего Востока РАН. М., 2006. 367 с.
- 48. Внуков, П. К. Запад и Восток: взаимовлияние или столкновение? / П. К. Внуков // Восток-Запад: историко-литературный альманах: 2002. М.: Вост. лит-ра, 2002. С. 47–51.
- 49. Восток-Запад: историко-культурный альманах: 2003–2004. К 85-летию С. Л. Тихвинского / под ред. В. С. Мясникова. М.: Вост. лит-ра, 2005. 319 с.
- 50. Гачев, Г. Д. Национальные образы мира / Г. Д. Гачев. М.: Академия, 1998. 429 с.
- 51. Гельбрас, В. Г. Россия в условиях глобальной китайской миграции / В. Г. Гельбрас. М.: Муравей, 2004. 203 с.
- 52. Георгиева, Т. С. Русская культура: история и современность / Т. С. Георгиева. М.: Юрайт-М, 2001. 576 с.
- 53. Гидденс, Э. Социология / Э. Гидденс; при участии К. Бердсолл. М.: УРСС, 2012. 632 с.
- 54. Гидденс, Э. Социология: анализ современного общества / Э. Гидденс. М.: Логос, 2005. 664 с.

- 55. Глобалистика: энциклопедия / гл. ред. и сост. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М.: Диалог; Радуга, 2003. 1328 с.
- 56. Гончаров, С. Н. О «территориальных претензиях» и «неравноправных договорах» в российско-китайских отношениях. Мифы и реальность / С. Н. Гончаров, Ли Даньхуэй // Проблемы Дальнего Востока. 2004. N = 4. C. 117-130.
- 57. Горлова, И. И. Духовное неравенство и прикладные задачи культурной политики / И. И. Горлова, Т. В. Коваленко // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 24. С. 105—111.
- 58. Горлова, И. И. Культура как «мягкая сила»: инструменты и точки приложения / И. И Горлова, О. И. Бычкова // Теория и практика общественного развития. 2015. № 18. С. 268–273.
- 59. Горлова, И. И. Разработка и реализация инвестиционных региональных этнокультурных проектов на базе объектов историко-культурного наследия. Текст: электронный / И. И. Горлова, О. И. Бычкова, Н. А. Костина // Наследие веков. 2015. № 4. С. 17–23. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Gorlova_Bychkova_Kostina.pdf (дата обращения: 30.12.18).
- 60. Горшенев, К. К. О факторах культурного взаимодействия и современные тенденции межкультурной коммуникации / К. К. Горшенев // Научная мысль Кавказа. 2018. № 4. С. 16–21. DOI: 10.18522/2072-0181-2018-96-4-16-21.
- 61. Горшенев, К. К. Глобализация и империализм в контексте взаимодействия культур: подходы, мнения, идеи. Текст: электронный / К. К. Горшенев // Наследие веков. 2019. № 2. С. 60-67. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/06/2019_2_Gorshenev.pdf (дата обращения 16.04.19).
- 62. Горшков, М. К. Российское общество в социологическом измерении / М. К. Горшков // Мир России. 2009. № 2. С. 3–21.

- 63. Гране, М. Китайская мысль / М. Гране; пер. с фр. В. Б. Иорданского; общ. ред. И. И. Семененко. М.: Республика, 2004. 526 с.
- 64. Григорьев, Б. В. Intercultural Communication. Межкультурные коммуникации / Б. В. Григорьев, В. И. Чумакова. СПб: Петрополис, 2008. 404 с.
- 65. Громов, М. Н. Русская философская мысль X–XVII вв. / М. Н. Громов, Н. С. Козлов. М.: Изд-во МГУ, 1990. 288 с.
- 66. Громов, Р. М. Российско-китайские отношения во второй половине XIX в. / Р. М. Громов, А. С. Ворожцова // Молодой ученый. -2016. № 30. С. 347-349.
- 67. Громыко, А. А. Становление нового мирового порядка / А. А. Громыко // США и Канада: экономика, политика, культура. 2002. N_2 11. С. 78—88.
- 68. Грэм, Э. Китай против Америки / Э. Грэм. Текст: электронный // Россия в глобальной политике. 2017. № 5. URL: http://globalaffairs.ru/number/Kitai-protiv-Ameriki-19119 (дата обращения: 02.10.2018).
- 69. Гу Гао цзянь. Модернизация китайского общества: история и новые вызовы / Гу Гао цзянь // New Vision. -2010. N = 3. C. 4 = 6.
- 70. Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев. М.: Гидрометеоиздат, 1990. 334 с.
- 71. Гумилев, Л. Н. Древняя Русь и Великая степь / Л. Н. Гумилев. М.: Айрис-Пресс, 2004. 422 с.
- 72. Гуревич, П. С. Идентичность как социальный и антропологический феномен / П. С. Гуревич, Э. М. Спирова. М.: Реабилитация, 2015.-368 с.
- 73. Гуревич, П. С. Культурология / П. С. Гуревич. М.: Знание, 1999. 280 с.
- 74. Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество / Дж. К. Гэлбрейт. М.: Транзиткнига, 2004. 602 с.

- 75. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. М.: Интрусской цивилизации, 2008. 816 с.
- 76. Данилов, С. А. Духовные основания политического порядка в опыте России и Китая / С. А. Данилов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т. 14. Вып. 2. С. 20—24.
- 77. Дао дэ цзин / пер. и прим. Ян Хин-Шуна. СПб.: Азбука-классика, 2009. 144 с.
- 78. Дацышен, В. Г. История русско-китайских отношений (1618–1917) / В. Г. Дацышен. Красноярск: Краснояский гос. пед. ун-т, 2004. 260 с.
- 79. Дацышен, В. Г. Христианство в Китае: история и современность / В. Г. Дацышен. М.: Науч.-изд. форум по международным отношениям, 2007. 240 с.
- 80. Дейч, Т. Л. Африка в стратегии Китая / Т. Л. Дейч. М.: Ин-т Африки РАН, 2008.-326 с.
- 81. Делюсин, Л. П. Земельная система Небесной династии и ее оценки / Л. П. Делюсин // Китайские социальные утопии: сб. ст. М.: Наука, 1987. С. 177–200.
- 82. Дилигенский, Г. Г. Глобализация в человеческом измерении / Г. Г. Дилигенский // Мировая экономика и международные отношения. 2002. N_2 7. С. 4–15.
- 83. Драч, Г. В. Агональность в культуре: история и современность / Г. В. Драч // Фундаментальные проблемы культурологии. М.; СПб.: Новый хронограф; Эйдос, 2009. Т. V: Теория и методология современной культурологии. С. 17–30.
- 84. Драч, Г. В. Культурология: на пути самообретения / Г. В. Драч // Культурология и глобальные вызовы современности. СПб.: Санкт-Петербургское культурологическое об-во, 2010. С. 46—51.
- 85. Древнекитайская философия: собрание текстов в 2-х т. / сост. Л. В. Литвинова. М.: Мысль, 1972. Т. 1. 363 с.; Т. 2. 384 с.

- 86. Древняя русская литература: хрестоматия / сост. Н. И. Прокофьев. М.: Просвещение, 1981. 399 с.
- 87. Дугарова, С. Б. Государство и общество в условиях трансформации: ценности КНР на современном этапе / С. Б. Дугарова // Гуманитарный вектор. Сер.: Философия, кульутрология. 2013. № 2. С. 44–46.
- 88. Думан, Л. И. Традиции во внешней политике Китая / Л. И. Думан // Роль традиций в истории и культуре Китая. М.: Наука, 1972. С. 199–213.
- 89. Дун Гуан. Формирование концепции экономического соразвития России и Китая в условиях глобализации: 08.00.14: дис. ... канд. экон. наук / Дун Гуан; Южный федеральный ун-т. Ростов н/Д, 2013. 184 с.
- 90. Духовная культура Китая: энциклопедия / гл. ред. М. Л. Титаренко. М., Вост. лит-ра, 2006—2010. Т. 1: Философия. 2006. 727 с.; Т. 2: Мифология. Религия. 2007. 869 с.; Т. 3: Литература. Язык и письменность. 2008. 855 с.; Т. 4: Историческая мысль. Политическая и правовая культура. 2009. 953 с.; Т. 5: Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. 2009. 1087 с.; Т. 6: Искусство. 2010. 1031 с.
- 91. Евтушенко, В. С. Отношения между Россией и Китаем в структуре Шанхайской организации сотрудничества: стратегические цели стран / В. С. Евтушенко // Молодой ученый. 2017. № 24. С. 256–259.
- 92. Ельчанинов, М. С. Россия в контексте глобализации: синергетический ракурс / М. С. Ельчанинов // Социально-гуманитарные знания. -2005.- N = 2.- C. 18-32.
- 93. Ерасов, Б. С. Культура, религия и цивилизация на Востоке (Очерки общей теории) / Б. С. Ерасов. М.: Наука, 1990. 207 с.
- 94. Ерыгин, А.Н. Восток Запад Россия (Становление цивилизационного подхода в исторических исследованиях) / А. Н. Ерыгин. Ростов н/Д.: Ростовский гос. ун-т, 1993. 118 с.
- 95. Жданов, Ю. А. Сущность культуры / Ю. А. Жданов, В. Е. Давидович. Ростов н/Д: Наука-Пресс, 2005. 264 с.

- 96. Жюльен, Ф. Путь к цели: в обход или напрямик. Стратегия смысла в Китае и Греции / Ф. Жюльен; пер. с фр. В. Г. Лысенко. М.: Московский философский фонд, 2000. 360 с.
- 97. Загладин, Н. В. Глобализация в контексте альтернатив исторического развития / Н. В. Загладин // Мировая экономика и международные отношения. -2003. N = 8. C. 3 10.
- 98. Заичкин, И. А. Русская история / И. А. Заичкин, П. Н. Почкаев. М.: Мысль, 1994. 537 с.
- 99. Зарецкая, С. П. Международная составляющая современного высшего образования / С. П. Зарецкая // Глобализация и образование: сб. обзоров. М.: Ин-т науч. информ. по обществ. наукам, 2001. С. 140–143.
- 100. Иванов, Д. В. Императив виртуализации: современные теории общественных изменений / Д. В. Иванов. СПб.: Изд-во Петербургского ун-та, 2002. 212 с.
- 101. Ильин, В. В. Реформы и контрреформы в России: циклы процесса модернизации / В. В. Ильин, А. С. Панарин, А. С. Ахиезер. М.: Изд-во МГУ, 1996. 398.
- 102. Ильин, И. А. Собрание сочинений: В 10-ти т. / И. А. Ильин. М.: Русская книга, 1993–1999.
- 103. Илюшечкин, В. П. Теория стадийного развития общества: история и проблемы / В. П. Илюшечкин. М.: Вост. лит-ра, 1996. 406 с.
- 104. История Китая: учеб. пособ. / В. В. Адамчик, В. М. Адамчик, А. Н. Богдан и др. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2005. 736 с.
- 105. История Китая. Духовная культура Китая / сост.: С. А. Шумов, А. Р. Андреев. М.: Евролинц, 2003. 216 с.
- 106. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10-ти т. / гл. ред. акад. РАН С. Л. Тихвинский. М.: Наука, 2016. Т. IX: Реформы и модернизация (1976–2009) / отв. ред. А .В. Виноградов. 996 с.
- 107. История российской духовной миссии в Китае: сб. ст. / редкол. С. Л. Тихвинский, В. С. Мясников и др. М.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 1997. 407 с.

- 108. К обществам знания: всемирный доклад ЮНЕСКО за 2005 год. Париж: UNESKO, 2005. 240 с. Текст: электронный. URL: http://www.intelros.ru/reports/17617-k-obschestvam-znaniya-vsemirnyy-doklad-yunesko-za-2005-god.html (дата обращения 05.03.19).
- 109. Каган, М. С. Философия культуры / М. С. Каган. СПб.: Петрополис, 1996. 415 с.
- 110. Кантор, В. К. Русская классика, или Бытие России / В. К. Кантор. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. 600 с.
- 111. Каплан, Р. Д. Муссон. Индийский океан и будущее американской политики / Роберт Д. Каплан. М.: КоЛибри; Азбука-Аттикус, 2015. 416 с.
- 112. Карамзин, Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / Н. М. Карамзин. М.: Наука, 1991. 127 с.
- 113. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. М.: Гос. ун-т ВШЭ, 2000. 609 с.
- 114. Китай в диалоге цивилизаций: к 70-летию академика М. Л. Титаренко / гл. ред. С. Л. Тихвинский. М.: Памятники исторической мысли, 2004. 837 с.
- 115. Китай в мировой и региональной политике. История и современность: ежегодное издание / сост., отв. ред. Е. И. Сафронова. М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2016. Вып. XXI. 320 с.
- 116. Китай в XXI в.: глобализация интересов безопасности / под ред. Г. И. Чуфрина. М.: Б. и., 2007. 326 с.
- 117. Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы: тез. докл. XXII междунар. науч. конфер. (12–13 октября 2016 г., г. Москва) / отв. ред. А. В. Островский. М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2016. 184 с.
- 118. Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999 / ред. М. Л. Титаренко. М.: Восточ. лит-ра, 1999. 735 с.
- 119. Китай: традиции и современность: сб. ст. / отв. ред. Л. П. Делюсин. М.: Наука, 1976. 335 с.

- 120. Китайская военная стратегия / сост., пер., вступит, ст. и коммент. В. В. Малявина. М.: Астрель-АСТ, 2002. 432 с.
- 121. Китайская Народная Республика в 2012 году. Политика, экономика, культура / под ред. А. Д. Воскресенского. М.: Магистр; Инфра-М, 2013. 560 с.
- 122. Китайская наука стратегии / сост. В. В. Малявин. М.: Белые альвы. 1999. 414 с.
- 123. Китайская философия: энциклопедический словарь / Ин-т Дальнего Востока РАН; гл. ред. М. Л. Титаренко. М.: Мысль, 1994. 573 с.
- 124. Китайская цивилизация в глобализирующемся мире: В 2-х т. / Л. С. Васильев, А. И. Кобзев, Л. И. Кондрашова и др.; ред. В. Г. Хорос. М.: Ин-т мировой экономики и международ. отношений РАН, 2014. Т. 1, 2.
- 125. Ключевский, В. О. Сочинения: В 9-ти т. / В. О. Ключевский. М.: Мысль, 1987–1990.
- 126. Ключевский, В. О. Православие в России / В. О. Ключевский. М.: Мысль, 2000. 621 с.
- 127. Кобзев, А. И. Легизм (фа цзя): законнический этатизм этика тотальной власти / А. И. Кобзеев // История этических учений: учеб. пособ. М.: Гардарики, 2003. С. 26—31.
- 128. Кобзев, А. И. Философия китайского неоконфуцианства / А. И. Кобзев. М.: Вост. лит-ра, 2002. 605 с.
- 129. Ковалев, А. М. Евразийская цивилизация и пути развития России / А. М. Ковалев // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 3. С. 3–20.
- 130. Коваленко, Т. В. Международный научный форум «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия». Текст: электроный // Наследие веков. 2015. № 4. С. 149–153. URL: http://heritagemagazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Kovalenko.pdf (дата обращения 10.05.18).
- 131. Кожин, П. М. Проблемы изучения традиций КНР / П. М. Кожин. М.: Ин-т Дальнего Востока АН СССР, 1982. 241 с.

- 132. Кокошин, А. А. Феномен глобализации и интересы национальной безопасности России / А. А. Кокошин // Мир и Россия на пороге XXI в. Вторые Горчаковские чтения. МГИМО МИД России (23–24 мая 2000 г., г. Москва). М.: РОССПЭН, 2001. С. 10–34.
- 133. Кондаков, И. В. Введение в историю русской культуры / И. В. Кондаков. М.: Аспект-Пресс, 1997. 360 с.
- 134. Конрад, Н. И. Избранные труды: синология / Н. И. Конрад. М.: Наука, 1977. 622 с.
- 135. Корецкий, В. А. Факторы и направления политической и экономической глобализации в современной России: 23.00.04: дис. ... д-ра полит. наук: / Валерий Александрович Корецкий; Московский гос. ун-т имени М. В. Ломоносова. М., 2009. 306 с.
- 136. Королёв, В. К. Экономика как феномен культуры / В. К. Королёв. Ростов на/Д: Б. и., 1999. 247 с.
- 137. Косолапов, Н. А. Глобализация: сущностные и международнополитические аспекты Н. А. Косолапов // Мировая экономика и международные отношения. – 2001. – № 3. – С. 69–73.
- 138. Косых, А. Н. Православная миссия в КНР и восстановление церковной жизни / А. Н. Косых // Вестник Омской православной духовной семинарии. -2017. -№ 2. C. 136–141.
- 139. Кубышина, Г. А. Роль политических институтов России и Китая в организации и проведении современных реформ (сравнительный анализ): 23.00.04: дис. ... д-ра полит. наук: / Галина Александровна Кубышкина; Рос. академия гос. службы при Президенте РФ. М., 2008. 351 с.
- 140. Кудрявцева, Е. П. Первые российские консульства в Китае /
 Е. П. Кудрявцева // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 3. С. 59–71.
- 141. Кузык, Б. Н. Китай Россия 2050: стратегия соразвития / Б. Н. Кузык, М. Л. Титаренко. М: Ин-т экономических стратегий, 2006. 656 с.
- 142. Кульпин, Э. С. Человек и природа в Китае / Э. С. Кульпин. М.: Наука, 1990. 347 с.

- 143. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М.: Московская школа политических исследований, 2002. 315 с.
- 144. Кучинская, Т. Н. Социокультурная идентичность Китая в эпоху глобализации / Т. Н. Кучинская // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. N = 4. C. 149-153.
- 145. Лазаревич, А. А. Один пояс, один путь: философские измерение /
 А. А. Лазаревич // Наука и инновации. 2019. № 7. С. 20–23.
- 146. Ланцов, С. А. Модернизационные циклы в политической истории России и Китая / С. А. Ланцов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2012. Вып. 2. С. 78–89.
- 147. Лань Ся. Социальная динамика межкультурных коммуникаций России и Китая: 24.00.01: дис. ... канд. филос. наук / Лань Ся; Московский гос. ун-т культуры и искусств. М., 2010. 198 с.
- 148. Ларин, В. Л. В тени проснувшегося дракона. Российско-китайские отношения на рубеже XX XXI вв. / В. Л. Ларин. Владивосток: Дальнаука, 2006. 424 с.
- 149. Левашева, А. В. Глобализация мира: миф или реальность? / А. В. Левашова // Вестник Московского универстета. Сер. 18: Социология и политология. $2001. N_0 1. C. 15-28.$
- 150. Левин, И. Б. Глобализация и демократия / И. Б. Левин // Полис. 2003. № 2. С. 53–69.
- 151. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: В 55-ти т. / В. И. Ленин.- М.: Изд-во политической лит-ры, 1967–1975.
- 152. Ли Мэн. Харбин продукт колониализма / Ли Мэн // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 1. С. 96–103.
- 153. Ли Шуя. ЭКСПО: пробуждение мечты о будущем / Ли Шуя // Китай. – 2010. – № 4. – С. 30–33.
- 154. Ли Юань Юань. Социальная эволюция китайского общества: социально-философское осмысление транзитивного опыта социальных

- преобразований: 09.00.11: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Ли Юань Юань; Южно-российский гос. политехнический ун-т имени М. И. Платова. Ростов н/Д, 2014. 33 с.
- 155. Ли Яньхуэй. Новая динамика высшего образования в Китае / Ли Яньхуэй // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2015. № 6. С. 9–114.
- 156. Линь Юйтан. Китайцы: моя страна и мой народ / Линь Юйтан; пер. с кит. и предисл. Н.А. Спешнева. М.: Вост. лит-ра, 2010. 335 с.
- 157. Литвинов, О. В. Проблемы модернизации политической системы Китайской Народной Республики: 23.00.02: дис. ... д-ра полит. наук / Олег Валерьевич Литвинов; Дипломатическая академия МИД РФ. М., 2004. 365 с.
- 158. Лихачёв, Д. С. Три основы европейской культуры и русский исторический опыт. Речь, подготовленная для Международной конференции «Великая Европа культур» (Рим, 1991 г.) / Д. С. Лихачёв // Наше наследие. 1991. № 6. С. 15—16.
- 159. Лихачёв, Д. С. Раздумья о России / Д. С. Лихачёв. 2-е изд., испр. СПб.: Logos, 2004. 660 с.
- 160. Лотман, Ю. М. Беседы по русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII начала XIX в.) / Ю. М. Лотман. СПб.: Искусство, 1996. 412 с.
- 161. Лузянин, С. Г. Россия Китай: формирование обновленного мира / С. Г. Лузянин. М.: Весь Мир, 2018. 328 с.
- 162. Лурье, Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV начала XVI в. / С. Я. Лурье. М.; Л.: Академия наук СССР, 1960. 528 с.
- 163. Лю И. Глобализация и китайские реформы / Лю И // Философия и общество. -2005. -№ 3. ℂ. 137–145.
- 164. Лю Цзайци. Чайная торговля между Китаем и Россией / Лю Цзайци // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 6. С. 121–129.
- 165. Любомудров, А. В. Роль Китая в процессах глобализации мировой экономики: 08.00.14: дис. ... канд. экон. наук / Алексей Владимирович

- Любомудров; Финансовый ун-т при Правительстве РФ. М., 2011. 198 с.
- 166. Лян Шумин. В чем специфика китайской культуры / Лян Шумин // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 4. С. 131–141.
- 167. Малевич, И. А. Внимание, Китай / И. А. Малевич. М.: АСТ, 2001. 176 с.
- 168. Малинин, В. Н. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания / В. Н. Малинин. Киев: Тип. Киево-Печерской Успенской лавры, 1091. 1032 с.
- 169. Малявин, В. В. Империя ученых (Гибель древней империи) / В. В. Малявин. М.: Европа, 2007. 225 с.
- 170. Малявин, В. В. Китайская цивилизация / В. В. Малявин. М.: Апрель; АСТ, 2000. 632 с.
- 171. Маргелов, М. В. «Глобализация» превратности термина / М. В. Маргелов // США и Канада: Экономика, политика, культура. 2003. № 9. С. 47—59.
- 172. Маркарян, Э. С. Теория культуры и современная наука / Э. С. Маркарян. М.: Мысль, 1983. 284 с.
- 173. Маркарян, Э. С. Избранное. Наука о культуре и императивы эпохи / Э. С. Маркарян. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. 656 с.
- 174. Маркузе, Г. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе. М.: REFL-book, 1994. 368 с.
- 175. Мартынов, Д. Е. Конфуцианское учение и маоизм. Казань: Изд-во Казанского университета, 2006. 368 с.
- 176. Матюхин, А. В. Теории и особенности политической модернизации в России XIX–XXI вв.: 23.00.02: дис. .. д-ра полит. наук / Андрей Викторович Матюхин; Московский гос. ун-т имени М. В. Ломоносова. М., 2006. 395 с.
- 177. Махлина, С. Т. Знаки, символы и коды культур Востока и Запада / С. Т. Махлина. СПб.: Алетейя, 2017 474 с.

- 178. Махлина, С. Т. Китай в современном отечественном образовательном процессе / С. Т. Махлина // История Петербурга. -2016. -№ 1. C. 30–35.
- 179. Мацуура, К. Глобализация это также культурный процесс / К. Мацура // Международная жизнь. 2000. № 8-9. С. 25-32.
- 180. Медоуз, Д. Пределы роста / Д. Х. Медоуз, Д. Л. Медоуз, Й. Рандерс, У. Беренс III. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 344 с.
- 181. Межуев, В. М. Идея культуры / В. М. Межуев. М.: Прогресс-Традиция, 2006. – 408 с.
- 182. Межуев, В. М. О национальной идее / В. М. Межуев // Вопросы философии. 1997. № 12. С. 3–14.
- 183. Мелихов, Г. В. Маньчжурия далекая и близкая / Г. В. Мелихов. М.: Наука, 1991. 319 с.
- 184. Мигунова, О. В. Проблема духовно-цивилизационных трансформаций в современной китайской социальной философии: 09.00.11: дис. ... канд. филос. наук / Ольга Владимировна Мигунова; Балтийский гос. технический ун-т. СПб., 2013. 199 с.
- 185. Мид, М. Культура и мир детства / М. Мид. М.: Наука, 1988. 429 с.
- 186. Милюков, П. Н. Очерки по истории русской культуры: В 3-х т. / П. Н. Милюков. М.: Прогресс-Культура, 1993–1995. Т. 1: Земля. Население. Экономика. Сословие. Государство. 1993. 528 с.; Т. 2. Ч. 2: Вера. Творчество. Образование. 1994. 416 с.; Т. 3: Национализм и европеизм. 1995. 480 с.
- 187. Миттель, А. Дилемма глобализации. Социум и цивилизации: иллюзии и риски / А. Миттель // Вопросы философии. 2003. № 9. С. 178–181.
- 188. Михеев, В. И. Северо-восточная Азия: энергетические стратегии безопасности // Московский центр Карнеги. Рабочие материалы. 2004. № 6. С. 11–14.

- 189. Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. М.: Весь мир, 2004. 379 с.
- 190. Модернизация России и конфликт ценностей: кол. монография / А. С. Ахиезер и др.; отв. ред. С. Я. Матвеева. М.: Б. и., 1994. 250 с.
- 191. Моисеев, Н. Н. Современный антропогенез. Цивилизационные разломы. Эколого-политологический анализ / Н. Н. Моисеев // Вопросы философии. 1995. \mathbb{N} 1. С. 3–30.
- 192. Мясников, В. С. Россия и Китай: контакты государств и цивилизаций / В. С. Мясников // Общественные науки и современность. 1996. N 2. С. 72—80.
- 193. Мясников, В. С. Квадратура китайского круга: избранные статьи: В 2-х кн. / В. С. Мясников. М.: Вост. лит-ра, 2006. Кн. 1. 550 с.
- 194. Намруева, Л. В. Этническая идентичность в условиях культурного многообразия (на материале анализа 2017 года в Республике Калмыкия). Текст: электронный // Наследие веков. 2018. № 3. С. 42–47. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2018/10/2018_3_Namrueva.pdf (дата обращения 16.10.2019).
- 195. Национальная оборона Китая в 2002 г. (Белая книга). Текст: электронный // Китайский информ. центр «Russia.China.Org.Cn». URL: http://russian.china.org.cn/government/archive/baipishu/txt/2003-02/10/content 2059111.htm (дата обращения 23.05.2018).
- 196. Непомнин, О. Е. История Китая: эпоха Цин. XVII начало XX в. / О. Е. Непомнин. М.: Вост. лит-ра, 2005. 711 с.
- 197. Непомнин, О. Е. Синтез в переходном обществе: Китай на грани эпох / О. Е. Непомнин, В. Б. Меньшиков. М.: Вост. лит-ра, 1999. 334 с.
- 198. Нестерова, О. А. Особенности современного российскокитайского межкультурного дискурса / О. А. Нестерова. – М.: ГАСИС, 2008. – 249 с.
- 199. Нестерова, О. А. Современные коммуникативные практики в пространстве российско-китайского межкультурного взаимодействия: 24.00.01:

- дис. ... д-ра филос. наук / Ольга Александровна Нестерова; Московский гос. унтимени М. В. Ломоносова. М., 2010. 420 с.
- 200. Новая история Китая / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: Наука, 1972. 627 с.
- 201. Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. 640 с.
- 202. Новгородцев, П. И. Сочинения / П. И. Новгородцев. М.: Раритет, 1995.-448 с.
- 203. Ножин, Е. К. Христианство в Китае. Исторический очерк // Историческая летопись. Первый Патриарх всероссийский Иов к 325 летию установления. Кн. № 1–4. СПб.: Тип. и хромолитография П. П. Сойкина, 1914. С. 60–61.
- 204. О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья: антология / сост. М. А. Маслин. М.: Наука, 1990. 528 с.
- 205. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / пер. с англ. под общ. ред. Н. И. Лапина. М.: Весь Мир, 2011. 256 с.
- 206. Образ Китая в современной России. Некоторые проблемы китайской истории и современной политики КНР в исследованиях российских и зарубежных ученых / отв. ред. Н. Л. Мамаева. М.: Русская панорама, 2007. 336 с.
- 207. Осадчая И. М. Глобализация и государство: новое в регулировании экономики развитых стран / И. М. Осадчая // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 11. С. 3–14.
- 208. Основные направления и проблемы российского китаеведения / отв. ред. Н. Л. Мамаева. М.: Памятники исторической мысли, 2014. 382 с.
- 209. Островский, А. В. Рынок энергоресурсов КНР: проблемы и решения. Текст: электронный / А. В. Островский // Инстиут Дальнего Востока РАН.

 URL: http://www.ifes-ras.ru/attaches/conferences/2011.02.17_Ostrovsky_in_IMEMO/Andrei_Ostrovsky._C hinese energetic market. Problems and decision.pdf (дата обращения 02.10.2018).

- 210. Охрана окружающей среды в Китае (Белая книга). Текст: электронный // Китайский информ. центр «Russia.China.Org.Cn». URL: http://russian.china.org.cn/government/archive/baipishu/txt/2002-06/10/content 2032923.htm (дата обращения 29.04.2018).
- 211. Пайпс, Р. Россия при старом режиме / Р. Пайпс. М.: Независимая газета, 1993. 427 с.
- 212. Панарин, А. С. Россия в Евразии: геополитические вызовы и цивилизационные ответы / А. С. Панарин // Вопросы философии. 1994. $N_2 = 12$. С. 19—31.
- 213. Панарин, А. С. Глобальное политическое прогнозирование / А. С. Панарин. М.: Алгоритм, 2000. 245 с.
- 214. Паниотова, Т. С. Утопия в пространстве диалога культур / Т. С. Паниотова. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 2004. 303 с.
- 215. Пантин, В. И. Политическая и цивилизационная самоидентификация современного российского общества в условиях глобализации / В. И. Пантин // Полис. Политические исследования. 2008. № 3. С. 29–39.
- 216. Пашин, В. П. КВЖД и русская белая эмиграция (вторая половина 1920-х гг.) / В. П. Пашин // Вестник Южного-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2018. Т. 18. № 3. С. 107–109.
- 217. Переверзев, В. В. Начало открытой советско-китайской полемики и общественное мнение СССР / В. В. Переверзев // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: История. 2014. Вып. 60. № 12. С. 82–89.
- 218. Переломов, Л. С. Конфуций: «Лунь Юй» / исслед., пер. с кит., коммент. Л. С. Переломова. М.: Вост. лит-ра, 2000. 588 с.
- 219. Переломов, Л. С. Конфуцианство и современный стратегический курс КНР / Л. С. Переломов. М.: ЛКИ, 2007. 256 с.
- 220. Петр Великий / сост. и ред. Е. В. Анисимов. М.: ОГИ, 2007. 340 с.

- 221. Петров, А. В. Экономическая глобализация и гражданское общество в России и Китае // Общество. Среда. Развитие. 2008. С. 55–65.
- 222. Петров, М. К. Язык, знак, культура / М. К. Петров. М.: Наука, 1991. 328 с.
- 223. Печчеи, А. Человеческие качества / А. Печеи. М.: Прогресс, 1985. 302 с.
- 224. Подберезский, И. В. Глобализация неотвратимая и желанная? / И. В. Подберезский // Мировая экономика и международные отношения. 2002. N 12. С. 98—103.
- 225. Покровский, Н. Е. Глобализация и регионализация: проблемы теории и практики / Н. Е. Покровский // Вестник Московского университета.
 Сер. 18: Социология и политология. 1999. № 2. С.17–36.
- 226. Поликарпов, В. С. Контуры будущего цивилизаций / В. С. Поликарпов. СПб.; Ростов н/Д; Таганрог: Б. и., 2000. 253 с.
- 227. Портяков, В. Я. Становление Китая как ответственной глобальной державы / В. Я. Портяков. М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2013. 240 с.
- 228. Портяков, В. Я. Внешняя политика Китайской Народной Республики в XXI столетии / В. Я. Портяков. М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2015. 280 с.
- 229. Православие на Дальнем Востоке. 275-летие Российской духовной миссии в Китае / отв. ред. М. Н. Боголюбов, арх. Августин (Никитин). СПб.: Андреев и сыновья, 1993. 148 с.
- 230. Проблемы национальной безопасности во внешней политике Китая / отв. ред. Г. И. Чуфрин. М.: Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН, 2005. 125 с.
- 231. Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири России и Северо-Востока КНР на 2009–2018 гг. // Ведомости. 2009. 12 окт.
- 232. Просеков, С. А. Проблемы социокультурной трансформации незападных обществ в 90-е гг. XX в.: (на примере Китая): 09.00.11: дис. ... канд. филос. наук / Сергей Анатольевич Просеков; Балтийский государственный

- технический ун-т. М., 2001. 149 с.
- 233. Пшеничникова, Р. И. Проблемы межкультурного взаимодействия в контексте глобализации. Текст: электронный / Р. И. Пшеничникова // Наследие веков. 2015. № 4. С. 39-43. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Pshenichnikova.pdf (дата обращения 12.06.2019).
- 234. Развитие и углубление стратегического взаимодействия России и Китая: докл. участников междунар. науч. конф. (9–10 октября 2007 г., г. Москва.). М.: РАН, 2009. 296 с.
- 235. Рахманин, О. Б. К истории отношений России-СССР с Китаем в XX в. Обзор и анализ основных событий / О. Б. Рахманин. изд. 3, доп. М.: Памятники исторической мысли, 2002. 512 с.
- 236. Региональная культурная политика: методология, институты, практики (Ценностно-нормативный подход): кол. монография / И. И. Горлова, Т. В. Коваленко А. В. Крюков и др.; отв. ред. А. Л. Зорин. М.: Ин-т Наследия, 2019. 206 с.
- 237. Резник, Ю. М. Культура как предмет изучения / Ю. М. Резник // Личность. Культура. Общество. 2001. Т. 3. Вып. 3 С. 56–182.
- 238. Религия и церковь в истории России: Современная историография / отв. ред. О. В. Большакова. М.: Б. и., 2016. 210 с.
- 239. Романова, Г. Н. Значение Советского Союза в индустриализации Северо-Восточного Китая (50-е начало 60-х гг. ХХ в.): опыт и оценка / Г. Н. Романова // Труды института истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения РАН. 2018. № 4. С. 138—159.
- 240. Романовский, Н. В. Социология и социологи перед лицом глобальных катаклизмов (по поводу полемики М. Арчер и И. Валлерстайна) /
 Н. В. Романовский // Социологические исследования. 1999. № 3. С. 3–11.
- 241. Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / под ред. А. В. Лукина. М.: Весь Мир, 2013. 704 с.
- 242. Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология / ред.-сост. Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. М.: Наука, 1993. 368 с.

- 243. Румянцев, Е. Н. Геополитические идеи современного Китая / Е. Н. Румянцев // География национальной безопасности Китая: экспрессинформация ИДВ РАН. М.: Ин-т Дальнего Востока РАН. 2007. № 7. С. 4–11.
- 244. Русская идея: сб. статей / сост. и авт. вступ. ст. М. А. Маслин. –М.: Республика, 1992. 496 с.
- 245. Ручин, В. А. Культурный контекст образования: Россия и Китай / В. А. Ручин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13. Вып. 4. С. 29–31.
- 246. Рыбаков, Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII XIII вв. Б.
 А. Рыбаков. М.: Наука, 1993. 592 с.
- 247. Савицкий, П. Н. Континент Евразия / П. Н. Савицкий. М.: Аграф, 1997. 464 с.
- 248. Салтыков, Г. Ф. Традиция, механизм ее действия и некоторые ее особенности в Китае / Г. Ф. Салтыков // Роль традиций в истории и культуре Китая. М.: Наука, 1972. С. 4-23.64.
- 249. Самойлов, Н. А. Историческое наследие КВЖД и формирование образа России на Северо-Востоке Китая / Н. А. Самойлов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 2. С. 88–94.
- 250. Самойлов, Н. А. Ключевые моменты истории российско-китайских отношений 1861–1901 гг.: периодизация, архивные материалы и перспективы изучения / Н. А. Самойлов // Известия Дальневосточного гос. пед. ун-та. 2017. Т. 11. № 1. С. 24–29.
- 251. Сассен, С. Глобальные города: постиндустриальные производственные площадки / С. Сассен // Прогнозис. 2005. № 4. С. 13–23.
- 252. Седакова, О. А. Европейская идея в русской культуре. Её история и современность / О. А. Седакова. Текст: электронный // Ольга Седакова [сайт]. URL: http://www.olgasedakova.com/Moralia/1547 (дата обращения: 02.10.2018).
- 253. Седов, П. В. Закат Московского царства, царский двор конца XVII в. / П. В. Седов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 604 с.

- 254. Семанов, В. И. Из жизни императрицы Цыси. 1835–1908 / В. И. Семанов. М.: Наука, 1976. 168 с.
- 255. Сенюткин, С. Б. Новая история Китая и Японии / С. Б. Сенюткин. Н. Новгород: Изд. Нижегородского ун-та. 1996. 166 с.
- 256. Сидихменов, В. Я. Маньчжурские правители Китая / В. Я. Сидихменов. М.: Наука, 1985. 299 с.
- 257. Смирнов, Д. А. Особенности трансформации идейнополитической основы модернизации КНР в условиях перехода к рыночной экономике / Д. А. Смирнов // Проблемы Дальнего Востока. — 2011. — № 5. — С. 18—29.
- 258. Смит, Э. Д. Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма / Э. Д. Смит. М: Праксис, 2004. 464c.
- 259. Современные российско-китайские отношения / под ред. С. Г. Лузянина, А. Г. Ларина, Е. И. Сафроновой, И. В. Ушакова, Е. В. Белилиной. М.: ДеЛи плюс, 2017. 264 с.
- 260. Согрин, В. В. Современная российская модернизация: этапы, логика, цена / В. В. Согрин // Вопросы философии. 1994. № 11. С. 3–18.
- 261. Сойер, Р. Д. Бай чжань ци люэ. Сто неканонических стратегий. Сражения и тактика в военном деле Древнего Китая / Ральф Д. Сойер; пер. с англ. С. В. Иванова. СПб: Евразия, 2008. 446 с.
- 262. Соловьёв, В. С. Сочинения: В 2-х т. / В. С. Соловьёв. М., 1988. Т. 2. – 822 с.
- 263. Соловьёв, С. М. Сочинения: В 18-ти кн. / С. М. Соловьёв. М.: Голос; Колокол-Пресс, 1993–1998.
- 264. Сорокин, П. А. Человек, цивилизация, общество / П. А. Сорокин. М.: Прогресс, 1992. 543 с.
- 265. Ставров, И. В. «Возрождение северо-восточных районов Китая» в программных документах Пекина в начале XXI в. / И. В. Ставров // Россия и ATP. -2017. -№ 4. C. 69-77.

- 266. Старовойтова, Е. О. Российская политика в Китае после русскояпонской войны 1904—1905 гг: дискуссии в современной историографии / Е. О. Старовойтова // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер.: 13. 2013. Вып. 1. С. 3–9.
- 267. Степанов, И. В. Россия и страны Восточной Азии в контексте процессов модернизации XX–XXI вв. / И. В. Степанов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 4. С. 79–84.
- 268. Стёпин, В. С. Культура / В. С. Стёпин // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2001. Т. II. С. 343.
- 269. Тань Аошуан. Китайская картина мира: язык, культура, ментальность / Тань Аошуан. М.: Языки славянской культуры, 2004. 240 с.
- 270. Тань Синъюй. Конфуций и антропософский дух / Тань Синъюй // Китай. 2010. №3. С. 30.
- 271. Текеи, Ф. К теории общественных формаций: проблемы анализа общественных форм в теоретическом наследии К. Маркса / Ф. Текеи; под ред. и с послесл. В. Ж. Келле. М.: Прогресс, 1975. 269 с.
- 272. Тертицкий, К. М. Китайцы: традиционные ценности в современном мире: В 2-х ч. / К. М. Тертицкий. М.: Изд-во МГУ, 1994. Ч. 1. 248 с.; Ч. 2. 347 с.
- 273. Титаренко, М. Л. Китай: цивилизация и реформы / М. Л. Титаренко. М.: Республика, 1999. 240 с.
- 274. Титаренко, М. Л. Китай и Россия в современном мире / М. Л. Титаренко. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т профсоюзов, 2013. 88 с.
- 275. Титаренко, М. Л. Россия и Китай: стратегическое партнерство и вызовы времени / М. Л. Титаренко. М.: ФОРУМ, 2014. 224 с.
- 276. Тихвинский, С. Л. Избранные произведения: в 5 кн. / С. Л. Тихвинский. М.: Наука, 2006. Кн. 1: История Китая до XX в. Движение за реформы в конце XIX века и Кан Ювэй. 682 с.; Кн. 2: История Китая первой четверти XX в. Доктор Сунь Ятсен. Свержение маньчжурской монархии и борьба за республику. 390 с.

- 277. Тихвинский, С. Л. Восприятие в Китае образа России / С. Л. Тихвинский. М.: Наука, 2008. 246 с.
- 278. Тойнби, А. Цивилизация перед судом истории / А. Дж. Тойнби. М.: Айрипресс, 2003. 592 с.
- 279. Томберг, И. Р. Энергетика КНР в мирохозяйственном контексте / И. Р. Томберг. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2013. 160 с.
- 280. Трубецкой, Н. С. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока / Н. С. Трубецкой // Основы евразийства. М.: Арктогея-центр, 2002. С. 208–265.
- 281. Трубицын, Д. В. Модернизация стран Востока и России: социально-философский анализ: 09.00.11: дис. ... канд. филос. наук / Дмитрий Викторович Трубицын; Забайкальский гос. пед. ун-т имени Н. Г. Чернышевского. Чита, 2006. 233 с.
- 282. У Цзин Цзы. Неофициальная история конфуцианцев / У Цзин Цзы. М.: Эксмо, 2008. 745 с.
- 283. Уткин, А. И. Глобализация: процесс и осмысление / А. И. Уткин. М.: Логос, 2002. 183 с.
- 284. Уэбстер, Ф. Теории информационного общества / Ф. Уэбстер. М.: Аспект Пресс, 2004. 400 с.
- 285. Федотов, А. П. Глобалистика: Начала науки о современном мире: курс лекций / А. П. Федотов. М.: Норма, 2002. 223 с.
- 286. Федотова, В. Г. Социокультурные образы модернизации конца XX начала XXI века: Россия и мир / В. Г. Федотова // Философия и современность. 2018. № 2. C. 59-73.
- 287. Фишер, Г. Глобализация мирохозяйственных связей: сущность, формы, перспективы / Георг Фишер. М.: Научная книга, 1999. 201 с.
- 288. Флиер, А. Я. Культурная атрибуция как метод исследования / А. Я. Флиер // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. -2015. -№ 6. C. 24–30.
- 289. Флиер, А. Я. Культурология для культурологов / А. Я. Флиер. М.: Академический проект, 2000. 496 с.

- 290. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. М.: ACT, 2004. 588 с.
- 291. Хабермас, Ю. Техника и наука как «идеология» / Ю. Хабермас. М.: Праксис, 2007. 208 с.
- 292. Хантингтон, С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон. М.: АСТ, 2004. 603 с.
- 293. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. М: ACT, 2003. 603 с.
- 294. Хренов, Н. А. Культура в эпоху социального хаоса / Н. А. Хренов. М.: Едиториал УРСС. 2002. 448 с.
- 295. Цуй Чжэн. Научно-техническое сотрудничество РФ и КНР в контексте инновационного развития стран БРИКС: 23.00.04: автореф. дис. ... канд. полит. наук / Цуй Чжэн; Московский гос. ун-т имени М. В. Ломоносова. М., 2015. 32 с.
- 296. Четыреста лет истории русско-китайских отношений: сб. ст. / ред. В. Г. Дацышен. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2014. Ч. 1. 316 с.
- 297. Чжэ Лян. Русская духовная миссия в годы рассвета православия в Китае (1920 1940-е гг.) / Чжэ Лян // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2016. № 4. С. 59—60.
- 298. Чудодеев, Ю. В. На глазах меняющийся Китай / Ю. В. Чудодеев. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2008. 160 с.
- 299. Чудодеев, Ю. В. Возвышение Китая и реакция России / Ю. В. Чудодеев // Дипломатическая служба. 2008. № 3. С. 19–24.
- 300. Чудодеев, Ю. В. КНР Тайвань: политическая конфронтация или стабильное сосуществование? / Ю. В. Чудодеев // Азия и Африка сегодня. 2008. № 12. C. 21–25.
- 301. Чудодеев, Ю. В. Китай переосмысливает историю России / Ю. В. Чудодеев // Азия и Африка сегодня. 2010. № 7. С. 48–50.
- 302. Чумаков, А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира / А. Н. Чумаков. М.: Проспект, 2005. 449 с.
 - 303. Чумаков, А. Н. Международные аспекты транскультурной

- коммуникации в контексте российского и китайского опыта / А. Н. Чумаков, М. С. Стычинский // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2016. N = 4. C.6 13.
- 304. Чэнь Цюцзе. Влияние КВЖД на численность населения Харбина / Чэнь Цюцзе // Россия и АТР. 2011. № 1. С. 80–85.
- 305. Шведова, И. А. Интернационализация высшего образования в Китае / И. А. Шведова // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. №1. С. 132–138.
- 306. Шилов, А. П. Конец древности: о духовном кризисе современного китайского общества и поиске новых ценностей / А. П. Шилов. М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2009. 236 с.
- 307. Шишков, Ю. В. Глобализация враг или союзник развивающихся стран / Ю. В. Шишков // Мировая экономика и международные отношения. 2003. N = 4. C. 3 14.
- 308. Шишков, Ю. В. О гетерогенности глобалистики и стадиях ее развития / Ю. В. Шишков // Мировая экономика и международные отношения. $2001. N_{\odot} 2. C. 57-60.$
- 309. Шлындов, А. В. Сотрудничество России и Китая в научнотехнической, технологической и производственной сферах / А. В. Шлындров // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 6. С. 17–41.
- 310. Шрамкова, Н. Б. Сущность и специфика межцивилизационных взаимодействий в эпоху глобализации: 09.00.11: дис. ... кан. филос. наук / Наталья Борисовна Шрамкова; Российский гос. торгово-экономический ун-т. М., 2009. 164 с.
- 311. Штомпель, О. М. Явление кризиса: социокультурный диагноз / О. М. Штомпель. Саарбрюккен: Palmarium Academic Publishing, 2017. 182 с.
- 312. Штомпка, П. Социология: анализ современного общества / П. Штомпка. М.: Логос, 2005. 664 с.
- 313. Щетинин, В. Д. Экономическая дипломатия / В. Д. Шетинин. М.: Междунар. отношения, 2001. 280 с.
 - 314. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон. М.

- Прогресс, 1996. 344 с.
- 315. Этциони, А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям / А. Этциони; пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Ладомир, 2004. 293 с.
- 316. Юй Сяотун. Стратегический баланс сил в ATP на рубеже XX–XXI вв.: 23.00.04: автореф. дис. ... канд. полит. наук / Юй Сяотун; Ин-т Дальнего Востока РАН. М., 2007. 23 с.
- 317. Яковенко, И. Г. Диалог и идентичность / И. Г. Яковенко // Вопросы социальной теории: научный альманах. М.: Междисциплинарное обво социальной терапии, 2010. Т. IV. С. 513–518.
- 318. Appadurai, A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. 229 p.
- 319. Cooper Ramo, J. The Beijing Consensus. L.: Foreign Policy Center, 2004. 74 p.
- 320. Drucker, P. Post-Capitalist Society. Oxford: Butterworth-Heinemann, 1993. 204 p.
- 321. Frank, A. G. Crisis in the Third World. N. Y.; L.: Holmes & Meier Publishers, Inc, 1981. 375 p.
- 322. Frobel, F., Jurgen Heinrichs, J., Kreye, O., The New International Division of Labour: Structural Unemployment in Industrialised Countries and Industrialisation in Developing Countries. Cambridge: Cambridge University Press, 1980. 406 p.
- 323. Geddes, P. Cities in Evolution. L.: Williams & Norgate, 1915. 409 p.
- 324. Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity: A Theory Culture and Society / Featherstone M., Ed. L.: Sage Publications Ltd, 1990. 411 p.
 - 325. Im, T. Public Organizations in Asia. L.: Routledge, 2016. 218 p.
- 326. Im, T. The Two Sides of Korean Administrative Culture: Competitiveness or Collectivism? (Routledge Focus on Public Governance in Asia). L.: Routledge, 2019. 118 p.

- 327. Kharuto, A. V., Kovalenko, T. V., Kulichkin, P. A., and Petrov, V. M., Intensity of Artistic Creativity: Periodical Waves in the Evolution of European Music, Painting, and Theatre // Rivista di Psicologia dell'Arte. 2007. No. 18. Pp. 59–87.
- 328. Martinot, E. and Junfeng, Li Renewable Energy Policy Update for China // Renewable Energy World (July 21, 2010), http://www.renewableenergyworld.com/rea/news/article/2010/07/renewable-energy-policy-update-for-china.
- 329. McLean, G. F. Freedom, Cultural Traditions and Progress. Washington, D. C.: The Council for Research in Values and Philosophy, 2000. 157 p.
- 330. Obolensky, D. The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe, 500-1453. N. Y.: Praeger Publishers Inc., 1971. 415 p.
- 331. Ohmae, K. The Borderless World: Power and Strategy in the Interlinked Economy. N. Y.: Harper Business, 1990. 223 p.
- 332. Poster, M. The Mode of Information: Poststructuralism and Social Context. Cambridge: Polity Press, 1990. 179 p.
- 333. Robertson, R. Globality Global Culture and Images of World Order, In Social Change and Modernity. Berkeley: University of California Press, 1992. Pp. 395–411.
- 334. Shils, E. The Intellectual between Tradition and Modernity: The Indian Situation. Hague: Mouton, 1961. 120 p.
- 335. Smith, A. D. Towards a Global Culture? // Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity: A Theory Culture and Society. L.: Sage Publications Ltd, 1990. Pp. 171–189.
- 336. Song, B.-N. The Rise of the Korean Economy. Oxford: Oxford University Press, 1990. 365 p.
- 337. Spaces of Culture: City, Nation, World (Published in association with Theory, Culture & Society) / Lash, S. and Featherstone, M., Eds.. L.: Sage Publications Ltd, 1999. 304 p.
- 338. Williamson, J. Is the «Beijing Consensus» Now Dominant? // Asia Policy. 2012. No. 13. Pp. 1–16.

- 339. Wolff, D. To the Harbin Station: The Liberal Alternative in Russian Manchuria: 1898–1914. Stanford: Stanford University Press, 1999. 114 p.
- 340. 常怀生. 哈尔滨建筑艺术. 哈尔滨:黑龙江科学技术出版社, 1990. 298 页. [Чан Хуайшэн. Архитектура Харбина. Харбин, 1990. 298 с.].
- 341. 汪介之. 悠远的回响: 俄罗斯作家与中国文化. 宁夏:人民出版社, 2002. 406 页. [Ван ТиеДжи. Длинные отголоски: русские писатели и китайская культура. Нинся-Хуэйский автономный район, 2002. 406 с.].
- 342. 石方, 刘爽, 高凌. 哈尔滨俄侨史. 哈尔滨: 黑龙江人民出版社, 2003 610 页. [Ши Фан, Лю Шуан, Гао Лин. История русских эмигрантов в Харбине. Харбин, 2003. 610 с.].
- 343. 黄定天. 中俄文华关系史稿(17 世纪 1937 年). 长春:出版社, 2011, 263 页. [Хуан Динтянь. История русско-китайских культурных отношений (XVII в. 1937 г.). Чанчунь, 2011. 263 с.].
- 344. 唐 戈. 俄罗斯文化在中国 人类学于历史学的研究. 哈尔滨:北方文艺出版社, 2012. 296 页. [Тан Гэ. Русская культура в Китае исследование антропологии и истории. Харбин, 2012. 296 с.].